

ИРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИРКУТСКА

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

Вопросы

современной лингвистики

KEY ISSUES

OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Значение праиндоевропейского
корня **ghos-ti-* и его дериваты
в английском языке

Из принцев в короли:
семиотика британской коронации

2023 / № 5

ISSN 2949-5059 (print)

2023 / № 5

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2023 / № 5

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. – д-р филол. наук, доц., ГУП

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. – канд. филол. наук, ГУП

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневиц С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Елифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Иванов Н. В. – д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. – д-р филол. наук, проф., Военный университет Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Малюга Е. Н. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Ощепкова В. В. – д-р филол. наук, проф.;

Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., ГУП;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., ГУП;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Чеснокова О. С. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.journals-gpu.ru, www.linguamgou.ru);

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. – 2023. – № 5. – 146 с.

© Государственный университет просвещения, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

сайт: www.linguamgou.ru

Founder:
State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), SUE

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Potsdam (Germany);

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

V. V. Oshchepkova – Dr. Sci. (Philology), Prof.;

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key issues of contemporary linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key issues of contemporary linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key issues of contemporary linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.journals-gup; www.linguamgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2023. – № 5. – 146 p.

© State University of Education, 2023.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Гурова П. В., Стекольников И. В.</i> Значение праиндоевропейского корня *ghos-ti- и его дериваты в английском языке	6
<i>Карасева А. А.</i> Репрезентация концепта «Брюссель» в русском политическом и медийном дискурсе первой половины XX – начала XXI в.	15
<i>Курушин Д. Д.</i> Реалии русского дворянского быта в зеркале английского языка (на материале автобиографической прозы В. Набокова)	26
<i>Леонтович О. А.</i> Из принцев в короли: семиотика британской коронации	34
<i>Лукьянова В. С., Колоскова О. А.</i> Структурно-семантические особенности юридической лексики в детском англоязычном анимационном фильме	45
<i>Хамада З. А.</i> Употребление союза (أَوْ [ʾaw] – «или») при образовании наклонения نصب 'naṣb' (сослагательное наклонение) в арабском языке.	59
<i>Шовкович Е. Г.</i> Переключение и смешение кодов в речи учащихся в образовательной полилингвальной среде Республики Казахстан.	66
<i>Шумакова Н. А., Карчава О. В., Куклина А. И., Медников Д. М.</i> Трудности перевода безэквивалентной лексики (на примере сравнения переводов произведения "A clockwork orange" Э. Бёрджесса).	74

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

<i>Архипова И. В.</i> Прототипические таксисные конструкции с семантикой кратности (на материале немецкого языка)	83
<i>Бузинова Л. М.</i> Лексические трансформационные процессы австрийского немецкого языка.	90
<i>Гончаренко Е. С.</i> Функционально-семантические поля приёмов версификации в испанской драме	98
<i>Дзахова В. Т., Скрипай И. И.</i> Ядерные номинанты концептов «свой» / «чужой» в английском языке	108
<i>Дроздова Ю. А.</i> Лексико-грамматические особенности заголовков статей экологической тематики на французском языке.	122
<i>Шевякова К. В.</i> Глубинные значения отэтнотимного прилагательного «RUSSISCH» в немецких лексикографических источниках.	131

НАШИ ИЗВЕСТНЫЕ УЧЕНЫЕ: ЛИНГВИСТЫ, ПЕДАГОГИ, НАСТАВНИКИ

Королёв Эдуард Иванович (1941–1998)	140
Лев Львович Нелюбин: учёный, педагог, организатор	142

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>P. Gurova, I. Stekolshchikova.</i> The Meaning of the Proto-Indo-European Root *Ghos-ti- and its Derivates in the English Language	6
<i>A. Karaseva.</i> Representation of the Concept of “Brussels” in Russian Political and Media Discourse of the First Half of the XX – Early XXI Centuries	15
<i>D. Kurushin.</i> The Realia of Russian Noble Life in the Mirror of the English Language (Based on the Autobiographical Prose of V. Nabokov).	26
<i>O. Leontovich.</i> From Princes to Kings: Semiotics of the British Coronation	34
<i>V. Lukyanova, O. Koloskova.</i> Structural and Semantic Features of Legal Vocabulary in an English Animated Film for Children.	45
<i>Z. Hamada.</i> Use of the Conjunction (أو [’aw] – “or”) When Forming the Mood نصب ‘Naşb’ (Subjunctive) in Arabic	59
<i>E. Shovkovich.</i> Switching and Mixing Codes in the Speech of Students in the Educational Multilingual Environment of the Republic of Kazakhstan.	66
<i>N. Shumakova, O. Karchava, A. Kuklina, D. Mednikov.</i> Difficulties of Translating Non-Equivalent Vocabulary (By Comparing Translations of “A Clockwork Orange” by Anthony Burgess)	74

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC AND ROMANCE)

<i>I. Arkhipova.</i> Prototypical Taxis Constructions with Semantics of Multiplicity (On the Material of the German Language).	83
<i>L. Buzinova.</i> Austrian German: Lexical Transformations	90
<i>E. Goncharenko.</i> Functional-Semantic Fields of Versification Techniques in the Spanish Drama	98
<i>V. Dzakhova, I. Skripai.</i> Nuclear Namings for the Concepts “One’s Own” / “Alien” in the English Language	108
<i>Y. Drozdova.</i> Lexical and Grammatical Features of Headings of Environmental Articles in French	122
<i>K. Shevyakova.</i> Deep Meanings of the Ethnonymous Adjective “Russisch” in German Lexicographical Sources	131

OUR FAMOUS SCIENTISTS: LINGUISTS, EDUCATORS, MENTORS

Korolev Eduard Ivanovich (1941–1998)	140
Lev Nelubin: Scholar, Teacher, Organizer.	142

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-112.2

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-6-14

ЗНАЧЕНИЕ ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ *GHOS-TI- И ЕГО ДЕРИВАТЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Гурова П. В., Стекольщикова И. В.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать семантическое поле корня *ghos-ti- в праиндоевропейском языке; разделить лексику с историческим корнем *ghos-ti- на группы по формально-семантическому признаку в современном английском языке.

Процедура и методы. Ведущие методы исследования: сравнительно-исторический и описательно-аналитический, включающий приёмы классификации, сопоставления и обобщения исследуемых лексических единиц.

Результаты. Проведённое исследование показало, что лексика с корнем *ghos-ti- пришла в английский язык через прагерманский, латинский и древнегреческий языки. Произведено разделение слов с данным корнем в современном английском языке на пять групп на основе их значения и формы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлено и расширены данные о семантическом и словообразовательном развитии лексики, вышедшей из корня *ghos-ti-. Предложена классификация лексем современного английского языка с данным корнем.

Ключевые слова: английский язык, праиндоевропейский язык, праиндоевропейское общество, словообразовательная группа, этимологический корень

THE MEANING OF THE PROTO-INDO-EUROPEAN ROOT *GHOS-TI- AND ITS DERIVATES IN THE ENGLISH LANGUAGE

P. Gurova, I. Stekolshchikova

Moscow City University

Vtoroy Selskhoziazjstvenny proezd 4, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the semantic field of the root *ghos-ti- in PIE (the Proto-Indo-European language), divide Modern English lexical units with the etymological root *ghos-ti- into groups according to their formal and semantic features.

Methodology. The main research methods are the comparative-historical method and the descriptive-analytical method, which includes classification, comparison and generalization of the lexical units under study.

Results. The study showed that lexis with the root *ghos-ti- came into English through Proto-Germanic, Latin and Ancient Greek. Modern English lexical items with this root were grouped based on their meaning and form.

Research implications. The data on semantic and word-formative development of vocabulary, which emerged from the root *ghos-ti-, has been extended and updated. A classification of modern English lexemes with this root has been proposed.

Keywords: the English language, the Proto-Indo-European language, Proto-Indo-European society, word-formation group, etymological root

Введение

Исследование развития праиндоевропейских корней всегда было важной частью науки о языке. Ещё в XIX в. языковеды натуралистического направления (А. Шлейхер, М. Мюллер, А. Овеляк, У. Д. Уитни) изучали данную тему [11; 12]. В поле внимания современных лингвистов, исследующих проблемы индоевропейских языков, в последнее время всё чаще попадают вопросы диахронного развития групп лексики, связанных единым этимологическим корнем. Данная тема представляет несомненный интерес для современной науки ввиду следующих факторов: изучение истории развития праиндоевропейского корня даёт возможность проследить связь между его дериватами, а также между языками, в которых данный корень оставил свой след. Вышеназванное направление исследований имеет также лингвокультурологическую значимость, поскольку оно позволяет расширить данные о социальном укладе и о развитии мировоззрения носителей языков, содержащих в себе исследуемый корень [6, с. 104; 7, с. 55].

Актуальность настоящего исследования объясняется следующим: на сегодняшний день изучены словообразовательные гнезда с такими корнями, как *leip-, *telp-, *vera-, *hod-, *jyd-, *mxr-, *sed-, *dhu-h/s-, *cel-, *-lek-, *-vrac-, *sbrd- [1; 2; 4;

5; 8; 9; 10; 13; 14], однако диахронному анализу не была подвергнута лексика с историческим корнем *ghos-ti- «хозяин, гость, незнакомец, чужак»¹. Между тем, значение данного корня и его развитие в английском языке представляет особую важность для понимания различий в мировоззрении и социальных отношениях у представителей праиндоевропейского общества и носителей современного английского языка.

Семантика корня *ghos-ti-

Семантика корня *ghos-ti- настолько широка, что включает в себя противоположные значения сразу по двум направлениям:

1) «хозяин» – «гость» (противоположные понятия единого фрейма гостеприимства);

2) «гость» (предполагает наличие определённых социальных связей) – «незнакомец, чужак» (предполагает отсутствие социальных связей и потенциальную опасность)².

Объединение этих понятий в рамках одного корня в праиндоевропейском языке (далее ПИЕ) свидетельствует об

¹ Watkins C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. Harward: Harward Collins Reference, 2011. P. 192. Далее – Watkins C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots.

² Там же.

удивительной двойственности моделей отношений между людьми в праиндоевропейском обществе. Первая пара значений отражает наличие отношений взаимного гостеприимства и обмена, крайне важно для индоевропейского общества. Как утверждает Д. Энтони, данный институт договорных отношений возник эволюционно в результате миграции пастушеских племён в Причерноморско-Каспийской степи после изобретения колеса и приручения лошади, между 4500 и 3500 годами до н. э. Это создало необходимость регулирования отношений между скотоводами и определения порядка установления границ территорий, принадлежавших различным племенам. Развитию отношений обмена и гостеприимства способствовало и то, что взаимная поддержка была необходима для выживания и улучшения благосостояния кочевых народов. Вследствие этого в протоиндоевропейском обществе возникла идея об обязанности со стороны хозяина оказывать гостю гостеприимство и дружелюбие; в свою очередь, гость, будучи однажды принятым в доме, должен оказать хозяину гостеприимство в будущем. Установление такого рода отношений сопровождалось ритуальным обменом дарами, клятвами и жертвоприношениями, предполагало бессрочные обязательства взаимного доверия и гостеприимства, которые могли распространяться даже на потомков, заключивших договор сторон [15, p. 245].

Чтобы представить понятие взаимного гостеприимства и обмена в том виде, в каком оно осмыслялось и использовалось в древнем обществе, обратимся к эпосу Гомера. Так, по сюжету «Иллиады», сына царя Трои, Париса, принимает у себя брат царя Микен, Менелай. После пиршества Парис, влюблённый в жену Менелая, Елену, похищает её и увозит в Трою. Примечательно то, что в вину Парису вменяется не только соблазнение чужой жены, но и нарушение законов гостеприимства. Не знакомому с концептом взаимного гостеприимства и обмена

читателю кажется странным, что такое тяжкое моральное преступление, как похищение чужой жены, приравнивается к такому относительно безобидному – с современной точки зрения – поступку, как нарушение правил гостеприимства. Тем не менее, с точки зрения гомеровских персонажей, тот факт, что Парис совершил коварный поступок по отношению к человеку, оказавшему ему приём в своём доме, значительно усиливает его вину.

Глубокое значение связи между гостем и хозяином находит отражение также и в сцене «Иллиады», описывающей встречу Главка и Диомеда на поле боя. Будучи воинами противоборствующих армий, они готовятся к сражению друг с другом, но вдруг узнают, что дед Главка некогда был гостем деда Диомеда. Воины понимают, что не могут биться, и объявляют себя друзьями.

«Сын Гипполохов! Ты гость мне отеческий, гость стародавний [...] Храбрый! отныне тебе я средь Аргоса гость и приятель, Ты же мне – в Ликии, если приду я к народам ликийским [...]. Главк! обменяемся нашим оружием; пусть и другие Знают, что дружбою мы со времен праотцовских гордимся»¹.

Как упоминалось выше, обязанности и права людей, находящихся в отношениях взаимного обмена и гостеприимства, могут быть переданы по наследству, но их необходимо поддерживать с помощью даров друг другу. Поэтому Главк и Диомед решают обменяться оружием, причём Главк отдаёт золотой доспех и получает взамен медный:

*Он Диомеду герою доспех золотой свой на медный,
Во сто ценимый тельцов, обменял на стоящий девять»².*

¹ Гомер. Илиада / перевод Н. И. Гнедича. М.: Азбука, 2022. С. 576.

² Там же.

Объясняется это тем, что, когда один преподносит дар, другой чувствует себя обязанным сделать ответный подарок, даже если он может отдать только более дорогую вещь, чем та, которая была предложена изначально.

Идея представителей ПИЕ общества о том, что за неким даром или услугой обязательно должно следовать ответное благодеяние, отражается также в следующих лингвистических явлениях. В ПИЕ языке существовал корень **dō-*, давший начало глаголу «давать» в большинстве праиндоевропейских языков, в том числе в славянских. Однако в анатолийской группе, все языки которой являются мёртвыми, дериваты корня **dō-* имеют противоположное значение – «брать»¹. Другой праиндоевропейский корень – **ghabh-*, согласно словарю К. Уоткинса, имеет значение «давать или принимать». Исходным значением рассматриваемого корня, вероятнее всего, является «держаться», что, в свою очередь, может быть как частью процесса принятия, так и предложения чего-либо. Вероятно, из этого корня произошёл лат. *habere* (иметь) и древнеанглийский глагол *giefan* (давать)². Как мы видим, в ПИЕ языке значения 'давать' и 'брать' были соединены в одной словесной форме. Соответственно, эти значения должны были соединяться воедино в сознании носителей этого языка. По всей видимости, они рассматривали действия «давать» и «брать» как не существующие одна без другой части единого процесса.

Возвращаясь к значениям корня **ghos-ti-*, отметим, что объединение в сознании людей концептов «гостя» и «незнакомца», по-видимому, предполагает, с одной стороны, что каждый человек, посещающий дом другого (иными словами, гость), является чужаком и носителем потенциальной опасности. Учитывая слабое развитие государственных институтов, призванных защищать имущество и жизнь

людей, такое сращение представляется в высшей степени оправданным. С другой стороны, каждого чужака (незнакомца) необходимо принять в своём доме, если он этого захочет, согласно законам гостеприимства. Таким образом, семантический «круг» данного корня замкнулся – теперь мы наглядно видим, как все, казалось бы, противоположные значения этого корня вытекают одно из другого.

История развития корня **ghos-ti-*

Из протоиндоевропейского языка корень **ghos-ti-* попал в английский тремя путями.

1. Через **прагерманский язык**: праиндоевропейский корень **ghos-ti-* → прагерм. *gastiz «гость», изначально – «незнакомец» → др.-англ. *gæst* «случайный гость, незнакомец», (альтернативные формы *giest, gast, gest, gist, gyst*) → англ. *guest* «гость»³.

Из прагерманского корня *gastiz путём прибавления прагерманского корня *hūsa также произошло слово *gastihūsa. В древнеанглийском оно приобрело форму *gæsthūs* (альтернативные формы *giesthus, gysthus*), что дало *guesthouse* – «гостевой дом» в современном языке⁴.

2. Через **латинский язык**: протоиндоевропейский корень **ghos-ti-* → среднелатинское *hostis* – изначально «чужак, иноземец», позже «враг»⁵ → старофранцузское *ost, host* – «армия» → англ. *host* – «множество, большое количество, армия, сформированная для войны»⁶.

Из латинского *hostis* произошло прилагательное *hostilis* – «принадлежащий врагу или характерный для врага; враждебный», к которому восходит современное английское *hostile* «враждебный».

³ Watkins C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots.

⁴ Там же.

⁵ См.: Латинско-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. М.: Русский язык Медиа, 2008. С. 845.

⁶ The Merriam-Webster Dictionary. Springfield: Merriam-Webster Mass Market, 2011. P. 936.

3. Через **латинский язык** путём **соединения корней *ghos-ti- и *poti-** «могущественный; господин» (этот же этимологический корень содержится в таких словах, как «потенциал», «потенция»). В праиндоевропейском языке сращение *ghos-pot- выражало составное значение «гость-хозяин». Согласно словарю К. Уоткинса, эта форма, также как и корень *ghos-ti-, обозначает человека, состоящего в отношениях взаимных обязательств. Именно к этой форме восходит рус. *господь*, имеющее изначальное значение «господин над странниками» или «хозяин дома, принимающий гостей»¹. *ghos-pot- эволюционировало в латинское *hospes* (следы корня *poti- чётче видны в падежных формах и формах множественного числа, например: *hospites*, номинатив, мн. ч.), которое также имеет двойное значение: 1) гость, незнакомец, чужеземец, 2) хозяин, человек, связанный узами гостеприимства. От лат. *hospes* произошли старофранцузское слово *hoste* «гость-хозяин», что дало *host* в значении «хозяин» в английском языке. Путём прибавления к *hospes* суффикса прилагательных *-alis* было образовано прилагательное *hospitalis* «связанный с хозяином или гостем, гостеприимный» (ср. *natura* – «природа» – *naturalis* – «природный»). Форма среднего рода данного прилагательного (*hospitale*) дала начало существительному *hospitale* «гостевой дом», от которого произошли старофранцузские слова *hospital* и *hostel*, что, в свою очередь, обусловило появление в английском языке слов *hospital* и *hostel, hotel*, соответственно².

Отдельно следует сказать о развитии *ghos-ti- в древнегреческом языке, что привело к появлению в английском языке в конце XVIII–XX вв. целого пласта лексики с данным корнем, в основном выражающей научные понятия. Согласно

словарю К. Уоткинса, лексика греческого языка с исследуемым этимологическим корнем произошла от *ghs-en- – нулевой ступени аблаута морфемы *ghos (формы, при которой исчезает корневая гласная) с суффиксом *-en-³. От *ghs-en- было образовано слово *xenos*, которое так же, как и латинское *hospes*, объединяет в себе значения «хозяин», «гость», «незнакомец» и является центральным понятием в области отношений взаимного обмена и дружбы между гостем и хозяином для древнегреческой культуры⁴. Также *xenos* является прилагательным, означающим «чужой иностранный»⁵. Форма среднего рода данного прилагательного – *xenon* – была заимствована в английский для обозначения химического элемента ксенона. К *xenos* восходят английские биологические и минералогические термины, слова, образованные путём сочетания словообразующих элементов *xeno-* и *-phile* (от гр. *-philos* «любящий, дружелюбный»), *xeno-* и *-phobe* (от гр. *-phobos* «боящийся»), прилагательное *xenial*, означающий «связанный с дружелюбием, гостеприимством или отношениями между хозяином и гостем, особенно у древних греков между людьми из разных городов»⁶, а также многочисленные производные от этих слов.

Классификация дериватов корня *ghos-ti- в современном английском языке

Описанные пути развития морфемы *ghos-ti- привели к образованию широкого ряда дериватов от данного корня в современном английском языке. Лексику с этимологическим корнем *ghos-ti- мож-

¹ Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. СПб: Полиграфуслуги, 2005. С. 576.

² Watkins C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots.

³ Watkins C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots.

⁴ Древнегреческо-русский словарь в двух томах / сост. И. Х. Дворецкий. М.: Русский язык, 1958. С. 1096.

⁵ Греческо-русский словарь / сост. А. Д. Вейсман. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. С. 1370.

⁶ The Merriam-Webster Dictionary. Springfield: Merriam-Webster Mass Market, 2011. P. 936.

но разделить на следующие группы на основе их формальных характеристик и семантического содержания:

1) группа с семантическим центром «гость», в которую входят такие слова, как *guest* (сущ.), *guest* (гл.), *guestroom*, *guesthouse*;

2) группа с семантическим центром «враг», в которую входят такие слова, как *host* (в значении «множество»), *hostile*, *hostility*;

3) группа с семантическим центром «хозяин», в которую входят такие слова, как *host* (в значении «хозяин»), *hostel*, *hospitable*, *hospice*, *hospital*, *hospitality*, *hostage*, *hostel*, *hostler*;

4) группа с семантическим центром «дружелюбие-гостеприимство», представленная словами *xenial*, *xenially*;

5) группа с семантическим центром «чужой», куда входят подгруппы, обозначающие:

- а) склонность к чужому и неизведанному: *xenophile*, *xenophilia*, *xenophilic* и т. п.;
- б) страх перед чужим: *xenophobe*, *xenophobia*, *xenophobic* и т. п.;
- в) научные понятия, связанные с концептом «чужой»: *axenic* – «растущий в условиях абсолютного отсутствия представителей других видов», буквально «не являющийся чужим», *xenogamy* – «чужеопыление», *pyroхene* «пироксен», буквально «чуждый огню» – металл, чьё происхождение предположительно чуждо вулканической лаве¹.

Заключение

Подводя итог, мы можем сделать вывод, что за период своего существования корень **ghos-ti-* прошёл путь от морфемы с крайне широкой семантикой до разветвлённой системы словоформ, выражающих индивидуальные значения. К такому же заключению приходят авторы

¹ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. С. 1456.

исследований других корней [13, с. 116], что отражает тенденцию к усложнению лексического состава языков в ходе их развития.

Учитывая неотъемлемое влияние изменений в картине мира народа на развитие его языка, мы считаем необходимым также сделать вывод о том, какие различия в мировоззрении представителей праиндоевропейского общества и носителей современного английского языка отражают полученные нами сведения. Мы считаем, что разделение форм, выражающих понятия «враждебности» и «чуждости», и форм, имеющих значения, связанные с понятиями «гостеприимства» и «дружелюбия», говорит о расхождении в сознании людей понятий «опасности» и «гостя». Полученные языковые данные подтверждают, что носители праиндоевропейского языка, видели большую угрозу в незнакомце, посещающем их дом, чем носители современного английского языка. Безусловно, люди XXI века, как и представители древнего общества, не могут получить гарантии, что человек, пришедший в их дом, не причинит им вреда. Однако вероятность того, что «гость» будет представлять угрозу для имущества и жизни хозяина значительно ниже в рамках современного правового государства, которыми являются многие из стран, где английский является государственным языком, чем во времена существования праиндоевропейского языка, когда человек не был защищён законом от жестокости окружающих. Авторы статьи предполагают, что это является отражением глобальной тенденции гуманизации [3, с. 243].

Постепенное снижение уровня насилия и развитие стремления людей к сохранению мирных отношений друг с другом на протяжении истории человечества в своих работах доказывает нейропсихолог и лингвист Стивен Пинкер [16, р. 10]. Процесс, в ходе которого насилие становится всё менее приемлемым, легитимным и обыденным в глазах людей,

стал возможным благодаря таким факторам, как монополизация государства на насилие в качестве правоохранительной меры, экономическая невыгодность насилия (торговать в современном мире более выгодно, чем воевать), увеличение числа образованных людей и др. Подчеркнём, что вслед за С. Пинкером, мы говорим лишь о тенденциях, а не о факте совершенной безопасности современного мира. Безусловно, насилие совершается и сегодня, однако неминуемым стало повышение ценности человеческой жизни и снижение толерантности к разным проявлениям жестокости. Встречаясь с насилием, современный житель развитого государства – с намного большей вероятностью, чем представитель древнего общества, – воспримет его как отклонение от нормы и будет считать себя вправе добиваться наказания преступника.

В то же время нельзя сказать, что разделение понятий «гостя» и «хозяина» говорит о полном исчезновении отношений взаимного обмена и гостеприимства, однако, конечно, данный вид социальных связей на сегодняшний день приобрёл совсем другие формы. Очевидно, что так же, как и в древности, эти отношения существуют отчасти в силу экономических причин. Человек XXI века, как и пред-

ставитель праиндоевропейского общества стремится окружить себя лицами, которые смогут оказать ему моральную и материальную помощь в трудную минуту. Для поддержания отношений с этими людьми необходимо периодически обмениваться подарками и визитами, демонстрируя свою лояльность и готовность в нужный момент прийти на помощь самому. Таким образом, можно сказать, что люди XXI века в некотором роде воспроизводят отношения взаимного гостеприимства и обмена в их «современном варианте», стремясь, в том числе, к социально-экономической безопасности. Традиция взаимного обмена и гостеприимства в своём виде актуальна также и в бизнесе, как в частном, так и в государственном.

Таким образом, мы убеждаемся, что ощущение большей безопасности у носителей современного английского языка по сравнению с представителями праиндоевропейского общества послужило стимулом к развитию многозначного корня *ghos-ti- в разветвлённую структуру лексем с индивидуальными значениями, связанными с концептами «враг», «чужой», «гость», «хозяин» и «дружелюбие».

Дата поступления в редакцию 01.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Галочкина Т. А. К вопросу о семантических связях между словами этимологических гнезд индоевропейских корней *leip и *telp/talp // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-3 (73). С. 89–93.
2. Григорьева Н. С. Семантическое развитие корневого гнезда с вершиной *vega в истории русского языка // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8-1 (109). С. 61–66.
3. Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Н. В. Барышников, А. Л. Бердичевский, Л. Г. Викулова [и др.]. М.: НЕОЛИТ, 2017. 424 с.
4. Захарова Ю. Г., Мельниченко Е. В. Этимологическое гнездо с корнем *mxr- в русском языке // Studia Humanitatis (электронный научный журнал). 2018. № 4. URL: <https://st-hum.ru/content/zaharova-yug-melnichenko-ev-etimologicheskoe-gnezdo-s-kornem-mxr-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 05.12.2022).
5. Ибатуллина Е. А. Семантический объём лексемы «Надменный» в русском языке: лексикографический аспект // Наука, техника и образование. 2020. № 2 (66). С. 47–51.
6. Лягушкина Н. В. К вопросу о формировании базовых концептов: время и движение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (12). С. 104–108.
7. Лягушкина Н. В. К вопросу о формировании базовых концептов: пространство // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 2 (10). С. 55–61.

8. Пелихов Д. А. Лексико-семантическая категория отвлечённого действия в корневых словообразовательных гнездах семантического поля «восстановление здоровья» в восточнославянских языках // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4 (26). С. 158–164.
9. Пелихов Д. А. Развитие корневого словообразовательного гнезда -lěk- в восточнославянских языках // Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии: сборник научных трудов. Вып. 2. Курган: Курганский государственный университет, 2008. С. 38–46.
10. Пелихов Д. А. Эволюция семантики и структуры корневого словообразовательного гнезда *-vrač- в восточнославянских языках // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 191–199.
11. Стеколыщикова И. В., Николаева Т. Ю. История фонологических исследований XIX века в освещении В. Матезиуса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-2. С. 14–21. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-14-21.
12. Стеколыщикова И. В. Критика дарвинистских взглядов на язык Августа Шлейхера Уильямом Дуайтом Уитни // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Августа Шлейхера: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 19 октября 2018 г.) / отв. ред. Г. Т. Хухуни. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 273–279.
13. Тимошина Д. В. Динамика корпуса лексики с этимологическим корнем *sьrd- в истории русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (99). С. 112–117.
14. Янковский О. И. Словообразовательное гнездо как способ вербализации концепта движения (на материале древнерусских гнезд с корнями -ид-, -ход-, -шед-) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. № 2. С. 158–164. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-158-164.
15. Anthony D. The Horse, the Wheel, and Language. How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton: Princeton University Press, 2010. 553 p.
16. Pinker S. Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. New York: Viking Press, 2018. 576 p.

REFERENCES

1. Galochkina T. A. [On semantic relations between the words of etymological clusters of Indo-European roots *leip and *telp/talp]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 7-3 (73), pp. 89–93.
2. Grigoryeva N. S. [Semantic development of the root nest with the top *věra in the history of the Russian language]. In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2013, no. 8-1 (109), pp. 61–66.
3. Baryshnikov N. V., Berdichevskiy A. L., Vikulova L. G. et al. *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: Chelovek i novyye sotsiogumanitarnyye tsennosti* [Dialogue of cultures. Culture of dialogue: Man and new socio-humanitarian values]. Moscow, NEOLIT Publ., 2017. 424 p.
4. Zakharova J. G., Melnichenko E. V. [Etymological nest with root *mxr- in the Russian language]. In: *Studia Humanitatis* (electronic scientific journal), 2018, no. 4. Available at: <https://st-hum.ru/content/zaharova-yug-melnichenko-ev-etimologicheskoe-gnezdo-s-kornem-mxr-v-russkom-yazyke> (accessed: 05.12.2022).
5. Ibatullina E. A. [Lexema's semantic volume "надменный" in Russian language: lexicographic aspect]. In: *Nauka, tekhnika i obrazovaniye* [Science, Technology and Education], 2020, no. 2 (66), pp. 47–51.
6. Lyagushkina N. V. [To the question about basic concepts formation: time and movement]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2012, no. 1 (12), pp. 104–108.
7. Lyagushkina N. V. [On how basic concepts are formed: space]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2012, no. 2 (10), pp. 55–61.
8. Pelikhov D. A. [Lexico-semantic category of abstract action in word families within a semantic field "health recovery" of eastern Slavic languages]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2009, no. 4 (26), pp. 158–164.
9. Pelikhov D. A. [Development of the root word-formation nest -lěk- in East Slavic languages]. In: *Funktsionirovaniye yazykovykh yedinit v sinkhronii i diakhronii. Vyp. 2* [Functioning of linguistic units in synchrony and diachrony. Iss. 2]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2008, pp. 38–46.

10. Pelikhov D. A. [Evolution of meaning and structure of the word-building cluster *-vrač- in Eastern-Slavic languages]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2009, no. 8, pp. 191–199.
11. Stekolshchikova I. V., Nikolaeva T. Yu. [Nineteenth-century phonological research in works of Vilem Mathesius]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3-2, pp. 14–21. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-14-21.
12. Stekol'shchikova I. V. [The critics of Darwinian views on language of August Schleicher by William Dwight Whitney]. In: *Znachimyye lichnosti v yazyke i kul'ture: nauchnoye naslediyе Avgusta Shleykhera: sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 19 oktyabrya 2018 g.)* [Significant personalities in language and culture: the scientific legacy of August Schleicher: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, October 19, 2018)]. Moscow, MRSU Ed. Office, 2018, pp. 273–279.
13. Timoshina D. V. [Dynamics of the lexical structure with the etymologic root *sъrd- in the Russian language history]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 4 (99), pp. 112–117.
14. Yankovskiy O. I. [Word-formation family as a means of actualizing the concept of movement (on the material of the old Russian families with the roots -id-, -khod-, -shed-)]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2018, vol. 18, no. 2, pp. 158–164. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-158-164.
15. Anthony D. *The Horse, the Wheel, and Language. How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton, Princeton University Press, 2010. 553 p.
16. Pinker S. *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. New York, Viking Press, 2018. 576 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурова Полина Вячеславовна – ассистент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Московского городского педагогического университета;
e-mail: GurovaPV@mgpu.ru;

Стеколыщикова Ирина Витальевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Московского городского педагогического университета;
e-mail: StekolshhikovaIV@mgpu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina V. Gurova – Assistant Lecturer, Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, Moscow City University;
e-mail: GurovaPV@mgpu.ru;

Irina V. Stekolshchikova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, Moscow City University;
e-mail: StekolshhikovaIV@mgpu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гурова П. В., Стеколыщикова И. В. Значение праиндоевропейского корня *ghos-ti- и его дериваты в английском языке // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-6-14

FOR CITATION

Gurova P. V., Stekolshchikova I. V. The meaning of the Proto-Indo-European root *ghos-ti- and its derivatives in the English language. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 6–14.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-6-14

УДК 81-114

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-15-25

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БРЮССЕЛЬ» В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI В.

Карасева А. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование структуры концепта «Брюссель» в русском политическом и медийном дискурсе в диахронии – XX–XXI вв. на материале Национального корпуса русского языка и авторского корпуса.

Процедура и методы. Для выявления слотов изучаемого концепта в разные исторические периоды применялся корпусный анализ по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и авторского корпуса на основании материалов сайта Министерства иностранных дел РФ, информационного портала «РБК», сетевых изданий «РИА Новости», «Коммерсантъ», Lenta.ru, «Парламентская газета», «Ведомости», «Эксперт». Выборка делалась за два периода: с 1901 по 1949 г. (по материалам НКРЯ) и с 1992 по 2023 г. Далее применялись количественный и качественный контент-анализ, проводилось сопоставление слотов концепта «Брюссель» в различные исторические периоды. При проведении исследования применены общенаучные методы анализа, классификации и интерпретации полученных данных.

Результаты. В результате изучения эмпирических данных были выявлены, описаны и сопоставлены слоты концепта «Брюссель» в русском политическом и медийном дискурсе XX–XXI вв. Подтверждено, что топоним «Брюссель» трансформировался в многомерное ментальное образование с глубокими историческими корнями и исторически сложившимися социальными оценками.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в пополнении системы знаний о концептосфере политического и медийного дискурса. **Практическая значимость** работы обусловлена тем, что её результаты могут быть использованы в курсах ряда учебных дисциплин, а также для диагностики политических настроений социума.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептосфера, политический дискурс, концепт, слот, понятие

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF “BRUSSELS” IN RUSSIAN POLITICAL AND MEDIA DISCOURSE OF THE FIRST HALF OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES

Arina A. Karaseva*State University of Education**ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the structure of the concept of “Brussels” in Russian political and media discourse in diachrony – XX–XXI centuries – on the material of the National Corpus of the Russian language and the author’s corpus.

Methodology. To identify the slots of the concept under study in different historical periods, corpus analysis was used according to the data of the National Corpus of the Russian Language (RNC) and the author's corpus based on materials from the website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, information portal "RBC", online publications "RIA Novosti", "Kommersant", "Lenta.ru", "Parlamentskaya gazeta", "Vedomosti", "Expert". The sample was made over two periods: from 1901 to 1949 (based on the materials of the RNC) and from 1992 to 2023. Further, quantitative and qualitative content analysis was applied and the slots of the Brussels concept were compared in different historical periods. During the study, general scientific methods of analysis, classification and interpretation of the data obtained were used.

Results. As a result of the study of empirical data, the slots of the concept of "Brussels" in the Russian political and media discourse of the XX-XXI centuries were identified, described and compared. It is confirmed that the toponym "Brussels" has been transformed into a multidimensional mental formation with deep historical roots and historically established social assessments.

Research implications. The theoretical significance of this study lies in the replenishment of the system of knowledge about the conceptual sphere of political and media discourse. The practical significance of the work is due to the fact that its results can be used in the courses of a number of academic disciplines, as well as for diagnosing the political moods of society.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual sphere, political discourse, concept, slot, notion

Введение

Лингвистическая концептология – одно из наиболее активно развивающихся направлений языкознания с рядом дискуссионных вопросов, что обуславливает необходимость расширения эмпирической базы для решения фундаментальных проблем в данной области лингвистики и общего языкознания в целом: язык и социальная действительность, язык и сознание. Изучение концептосферы носителей того или иного языка является одним из главных направлений исследований в современной когнитивной лингвистике. Понятие «концептосфера» было введено академиком Д. С. Лихачевым, который определял данный ментальный феномен как совокупность концептов нации, образованную всеми потенциями концептов носителей языка [9, с. 5]. Как следует из определения, концептосфера состоит из концептов, основным признаком которых Н. В. Богданова отмечает возможность их описания посредством языковых знаков – вербализуемость [5, с. 8]. Несмотря на то, что методологическая база изучения концепта довольно обширна и, несомненно, будет модифицироваться и пополняться в ходе дальнейших исследований, единого

определения данного понятия всё ещё не существует, и разные учёные определяют концепт в зависимости от теоретического подхода, исследовательских целей и анализируемых данных. Например, В. И. Карасик и др. рассматривают концепт как ментальное образование, отмеченное какой-либо степенью этносемантической специфики. [7, с. 6-7], а Н. Ю. Шведова – как «... мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода ... Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт "справедливость"» [11, с. 601]. Как отмечает Н. В. Банькова: «Концепт – это образ, который возникает в сознании ... Концепты слагаются в картину мира, являющуюся динамичной, поскольку язык подвергается изменениям ...» [3, с. 58]. По мнению А. А. Бекетовой, понятие концепта отражает идею о значениях, которыми человек пользуется в процессе мышления, отображая сущность опыта и знаний, результаты всей человеческой деятельности и процессы познания мира в форме своего рода «единиц знаний» [4, с. 100]. Однако вне зависимости от того, с какой точки зрения подходить к понятию кон-

цепта, неизменным остаётся факт, что, в сущности, это единица человеческого сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

Ранее многие учёные рассматривали «концепт» и «понятие» как эквиваленты, однако когнитивная психология разграничила данные термины [8]. Как пишет А. Д. Ефимова, «термины «понятие» и «концепт» – важнейшие специальные лексические единицы современной науки» [6, с. 7]. Она подчёркивает, что понятие входит в концепт, является его неотъемлемой частью, формирующей его ядро, но не исчерпывающей сам концепт [6]. Того же мнения придерживается и Г. У. Арапова, считающая что, в то время как «понятие» отражает лишь общие и значимые черты предметов или явлений, «концепт» выражает не только совокупность признаков объекта, но и те представления, знания, ассоциации, переживания, которые с ним связаны [2]. Концепт, в отличие от понятия, многогранен и реализуется в контексте культуры, а не речи. Более того, «содержание концепта заключается в репрезентации “этнокультурного кода” нации» [2].

Столицы государств, особенно тех, которые играют значимую роль на политической арене в современной истории, часто обладают более широким значением, чем обычный топоним. До настоящего момента лексема «Брюссель» имела статус понятия (того, что лежит в основе концепта) или «малого» концепта. Вследствие этого «Брюссель» не находился под пристальным вниманием лингвистической и когнитивной наук и не подвергался концептуальному анализу. Отсюда вытекает гипотеза данного исследования, заключающаяся в том, что лексема «Брюссель» выходит за рамки понятия «столица Бельгии», так как с течением времени она трансформировалась в многомерное ментальное образование с глубокими историческими корнями и исторически сложившимися социальными оценками.

Одним из наиболее актуальных направлений исследования единиц концептосферы является феномен интеракции концепта и дискурса [10, с. 16], что, в свою очередь, позволяет максимально детально рассматривать сущность изучаемого явления в разных лингвокультурных плоскостях для последующего составления целостной концептуальной картины.

Целью нашего исследования является определение структуры и места концепта «Брюссель» в русском политическом и медийном дискурсе посредством сравнения слотов изучаемого концепта в диахроническом разрезе.

Контент-анализ концепта «Брюссель»: исследовательский корпус

Текст является речевым продуктом функционирования вербальной и невербальной семиотических систем, имеющих двоякий характер, что обусловлено ориентацией текста не только на узус, но и на отражение картины мира автора [1, с. 133]. Как известно, любой автор является носителем той лингвокультуры, к которой он относится, в соответствии с данным фактом, для достоверного определения структуры концепта «Брюссель» и её изменений в изучаемом дискурсе необходимо собрать представительную выборку текстов разных авторов в обозначенных временных границах. Решение данной задачи позволяют найти методы корпусной лингвистики.

В качестве материала использовалась выборка текстов из корпуса русского языка (НКРЯ), а также тексты с сайтов Министерства иностранных дел РФ, информационного портала «РБК», сетевых изданий: «РИА Новости», «Коммерсантъ», Lenta.ru, «Парламентская газета», «Ведомости» и «Эксперт». На первом этапе анализа проводилась случайная выборка документов из массива по ключевым словам, связанным с понятием «Брюссель». Работа велась по двум направлениям: 1) сбор материалов за пери-

од с 1901 по 1949 г. (до того, как Брюссель вышел на мировую арену, то есть когда он был только столицей небольшого европейского государства (от 6,7 млн чел. в 1901 г. до ≈9,6 млн чел. в 1949 г.¹); 2) сбор материалов за период с 1992 по 2023 г. (от подписания договора о Евросоюзе до настоящего времени). Всего было получено около 3 000 контекстов за период с 1901 по 1949 гг. и около 16 000 контекстов с 1992 по 2023 г. После устранения повторов и информационного шума база данных состояла из: 1901–1949 гг. – 1 927 контекстов; 1992–2023 гг. – 12 868 контекстов. Данные с 1950 по 1991 гг. в выборку не включались по причине того, что наше исследование было направлено на сравнение условных граничных этапов формирования концепта, где первая граница: время до «выхода» Брюсселя на мировую арену, вторая – закрепление Брюсселя на мировой арене. На втором этапе производился анализ полученных контекстов употреблений, на основе которого заполнялась таблица слотов, входящих в анализируемый концепт. На третьем этапе осуществлялся сопоставительный анализ полученных слотов.

Слоты концепта «Брюссель» первой половины XX века

В результате изучения материалов НКРЯ периода с 1901 по 1949 гг. было выделено семь слотов концепта Брюссель: Война, Коммуникация, Культура и искусство, Беспорядок, Высшее общество, Торговля и финансы, Убежище. Приведём примеры контекстов на каждый слот.

«Война»

Германская кавалерия заняла Брюссель, бельгийская армия отступила к Антверпену (События дня (22.08.1914) // «Новое время», 1914)².

Задача ее состояла в наступлении в общем направлении на Брюссель, прикрывая правый фланг прочих армий (А. К. Коленковский. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г (1940)).

«Коммуникация»

В помещении масонской ложи Великого Востока возобновились заседания группы евреев-младотурок, съехавшихся в Брюссель по специальному вызову (Телеграммы (от наших корреспондентов) (02.04.1913) // «Утро России», 1913).

Для опроса их я тогда же сделал поездки на юг Франции, в Брюссель и в другие города (В. Л. Бурцев. Протоколы сионских мудрецов – доказанный подлог (1938)).

«Культура и искусство»

Арестован 76-летний коллекционер, богатый рантье, в продолжение многих месяцев систематически похищавший из королевской библиотеки гравюры, старинные эстампы и офорты высокой ценности. Брюссель, 11 (24), XII (За границей) (25.12.1910) // «Русское слово», 1910).

Убытки, причиненные пожаром, неисчислимы. Брюссель, 3 (16), VIII. Во французском отделе погибли три гобелена, стоимостью по 400 000 франков каждый, навильон города Парижа, старинные медали и документы времен конвента (Вести (17.08.1910) // «Русское слово», 1910).

«Беспорядок»

Полиция прекратила разгром монастыря. Брюссель, 27, VI-10, VII. Сенсационный процесс (За границей. Телеграммы наших корреспондентов (11.07.1911) // «Русское слово», 1911).

Тысячная толпа присутствовала при этой торжественной церемонии. В городе небывалое оживление. Войска с трудом поддерживают порядок на улицах. Брюссель (Вести (24.12.1909) // «Новое время», 1909).

¹ См.: Брюссель // Большая советская энциклопедия. в 30-ти т.; 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1986 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/001/637.htm> (дата обращения: 14.04.2023).

² Здесь и далее (если не указано иное) в скобках при-

водятся названия материалов из НКРЯ. См.: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorp.org.ru/> (дата обращения: 14.04.2023).

«Высшее общество»

Сейчас королю Леопольду благополучно закончена операция, и есть надежда на выздоровление. Брюссель, 1 (14), XII (Телеграммы наших корреспондентов (15.12.1909) // «Русское слово», 1909).

Брюссель, 13 (26), X. Высшее общество и клерикальная печать негодуют по поводу холодного отношения населения к приезду императора Вильгельма и отсутствия немецких флагов на улицах и портретов императора в витринах (Бельгийцы и император Вильгельм. По телеграфу от наших корреспондентов (27.10.1910) // «Русское слово», 1910).

«Торговля и финансы»

В Брюссель основывается бельгийское акционерное общество под фирму Имата для утилизации водных сил Финляндии (События дня (07.11.1912) // «Новое время», 1912).

Если же, наконец, вы решались обратиться к настоящему серьезному банкиру, которым являлся в ту пору Париж, то вам следовало для верности заехать сперва в Брюссель и заручиться там хотя бы только принципиальным одобрением какого-нибудь бельгийца (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 4 (1947–1953)).

«Убежище»

Граф Потоцкий был взят в плен под Августовом, во время доставления в Германию бежал и прибыл в Брюссель, скрываясь у владельца кафе Минльоле (Граф Потоцкий (04.03.1916) // газета «Русское слово», 1916).

См. соч. Маркса этой эпохи, 1844–1848 гг., ниже: Литература «В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель (В. И. Ленин. Карл Маркс (1913)).

Из табл. 1 видно, что слот «Война» является максимально частотным за период с 1901 по 1949 г., что неудивительно, ведь Брюссель находился практически в эпицентре событий во времена Первой и Второй мировых войн, здесь проводились конференции по военным вопросам,

а также локализовалось большое количество разведывательных организаций.

Таблица 1 / Table 1

Распределение слотов концепта «Брюссель» с 1901 по 1949 г. / Distribution of slots of the concept of “Brussels” from 1901 to 1949

Война	231
Коммуникация	230
Культура и искусство	226
Беспорядок	198
Высшее общество	180
Торговля и финансы	178
Убежище	162

Источник: по данным автора

Буквально на одну позицию ниже по частотности находится слот «Коммуникация». Данный факт логичен, так как, во-первых, ещё в период промышленной революции Брюссель являлся одним из передовых центров прогресса, здесь было построено большое количество железных дорог, активно развивалось транспортное и телеграфное сообщение между странами.

На третьем месте оказался слот «Культура и искусство», что является показателем того, что в тот период Брюссель привлекал к себе талантливых художников, писателей, музыкантов и других творческих личностей.

Выявление слота «Беспорядок» обусловлено тем фактом, что Брюссель был свидетелем нескольких периодов политической и социальной нестабильности, включая Первую и Вторую мировые войны, а также периоды колебаний в экономике и финансовой системе.

Слоты «Высшее общество» и «Торговля и финансы» тоже взаимосвязаны, так как представителями элиты, часто посещавшими столицу Бельгии, были именно промышленники и торговцы. Стоит отметить, что в силу своего выгодного географического положения. Брюссель,

как нейтральная территория, принимал французскую, британскую и немецкую элиты. На данном основании базируется и слот «Убежище» – пристанище беженцев из разных стран, не нашедших понимания или принятия на своей родине.

Слоты концепта «Брюссель» конца XX – начала XXI вв.

В результате анализа концепта на материале НКРЯ и авторского корпуса за период с 1992 по 2023 г. было выявлено 10 слотов.

«Евросоюз»

Хотя Кэмерон и утверждает, что желает сохранить членство Британии в ЕС, он хотел бы провести новые переговоры об условиях этого членства. Так, Лондон настаивает на необходимости реформ доступа европейских граждан к рынку труда и социальным пособиям в странах ЕС (прежде всего в Британии), что будет в штыки воспринято Брюсселем (Федотовский Н. Консервативный мандат на пять лет // Эксперт. 2015. № 20-21 (945)).

Глава австрийского МВД обратился к Еврокомиссии, чтобы Брюссель официально поддержал намерение Вильнюса возвести на границе с Белоруссией забор протяженностью в 680 километров¹.

«НАТО»

Как сообщалось ранее, на прошлой неделе Виктор Ющенко, премьер-министр Украины Юлия Тимошенко и спикер Верховной Рады Арсений Яценюк направили письмо в штаб-квартиру НАТО в Брюссель, в котором содержится официальное заявление украинской власти о присоединении к Плану действий относительно членства в альянсе².

Грузинские лидеры решили одновременно совершить визит в Брюссель – в расчете на поддержку руководителей ЕС и НАТО. И, хотя генсек альянса Андерс Фог Расмуссен вчера подверг критике новые власти Грузии, эксперты считают, что Брюссель сделает ставку именно на грузинского премьера³.

«Политика»

Как не могут этого сделать ни газовые директивы, ни сама газовая политика Брюсселя (Россия переиграла Запад в борьбе за энергоресурсы Каспия // Новый регион 2, 2007.05).

Политика Брюсселя с восточными партнерами напоминает разговор учителя с учеником: либо вы выполняете дидактические задания, либо получаете два балла⁴.

«Коммуникация»

Об этом он заявил в среду вечером, выступая в сенате парламента страны перед поездкой в Брюссель на саммит ЕС, сообщает Il Sole 24 Ore⁵.

В соответствии с этими документами, Москва и Брюссель планируют сформировать четыре общих пространства: экономическое; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; научных исследований и образования, включая культурные аспекты⁶.

¹ Ходякин А. Австрия и Литва обсудят проблему нелегальной миграции [Электронный ресурс] // Парламентская газета : [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/avstriya-i-litva-obsudyat-problemu-nelegalnoy-migracii.html> (дата обращения: 14.04.2023).

² Украина пойдет в НАТО с оглядкой на Россию [Электронный ресурс] // Lenta.ru : [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2008/01/22/nato/> (дата обращения: 14.04.2023).

³ Двали Г. В конфликт премьера и президента вовлекают НАТО [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2065552> (дата обращения: 14.04.2023).

⁴ Запад атакует Восток: почему Евроигры в Баку «не понравились» Европе? [Электронный ресурс] // Парламентская газета : [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/2015/07/20/zapad-atakuet-vostok-rochemu-evroigry-vbaku-ne-ponravilis-evrope.html> (дата обращения: 14.04.2023).

⁵ Тараканов А. Премьер-министр Италии: санкции против «Северного потока - 2» резко отразятся на ценах на газ [Электронный ресурс] // Парламентская газета : [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/economics/sankcii-protiv-severnogo-potoka-2-otrazyas-na-cenakh-na-gaz-zayavil-premer-ministr-italii.html> (дата обращения: 14.04.2023).

⁶ Лидеры России и ЕС обсудят ситуацию в Иране и на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20061124/55936108.html> (дата обращения: 14.04.2023).

«Торговля и финансы»

До конца года Брюссель внесет предложения по *реформе газового рынка*, чтобы не допускать таких ценовых всплесков в будущем, заявила Симсон¹.

Тот из девяти потенциальных *покупателей*, чья *оферта* покажется LBB наиболее привлекательной, получит возможность изучить *бухгалтерские книги* LBB. На продаже *банка инвестору* настаивает Брюссель. Под его давлением федеральной земле Берлин придется расстаться с принадлежащими ей 81% *акций* LBB (Сберкасссы Берлина на продажу // РБК Daily, 09.04.2007).

«Убежище»

Для этого Брюссель хочет оказать поддержку странам региона, которые будут *принимать беженцев*².

В Европе обвиняют Белоруссию в переправке нелегальных *мигрантов* из Ирака, Афганистана и других стран Ближнего Востока, которые затем пытаются пересечь границу с Евросоюзом, в качестве инструмента для оказания давления на Брюссель с целью снятия санкций³.

«Нарушение»

Депутаты считают, что намерение создать визовые, таможенные либо иные искусственные барьеры для транзитного сообщения между Калининградской областью и остальной частью территории РФ «может быть расценено как неуважение суверенитета России и нарушение Ев-

росоюзом общепризнанных принципов международного права»⁴.

А недавние *теракты* в Брюсселе привели к тому, что активность туристов заметно упала и в некоторых других европейских городах⁵.

«Наказание»

Как реально «*накажет*» российское руководство Брюссель, станет понятно 1 сентября – на этот день намечен чрезвычайный саммит ЕС по Грузии (Шестернина Елена. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА-2 // Труд-7, 2008.08).

Ранее Совет Евросоюза (ЕС) и власти Великобритании ввели новые *санкции* против Белоруссии вслед за США⁶.

«Ложь»

В данном случае, во-первых, Польша бесчинствует, а руководство в Брюсселе применяет настолько откровенные *обнаженные двойные стандарты*, что само не может не понимать, что ставит себя в очень неудобное положение⁷.

Избрав путь односторонних нелегитимных санкций, страны ЕС пытаются *уйти от честного диалога* лицом к лицу, от прямых контактов, призванных способствовать нахождению политических развязок острых международных проблем⁸.

¹ Европейцы не знают средства против энергокризиса [Электронный ресурс] // Ведомости : [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/10/06/890084-evropeitsi-energokrizisa> (дата обращения: 14.04.2023).

² Стащенко К. Страны ЕС массово отказались принимать афганских беженцев, заявили в Европарламенте [Электронный ресурс] // Парламентская газета : [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/social/strany-evrosoyuza-massovo-otkazalis-prinimat-afganskikh-bezhencev.html> (дата обращения: 14.04.2023).

³ ЕС наложит на Белоруссию новые санкции из-за миграционного кризиса [Электронный ресурс] // Ведомости : [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/10/22/892596-es-nalozhit-na-belorussiyu-novie-sanktsii> (дата обращения: 14.04.2023).

⁴ Госдума обвинила Евросоюз в неуважении России [Электронный ресурс] // Lenta.ru : [сайт]. URL: <https://m.lenta.ru/news/2002/06/21/kaliningrad/> (дата обращения: 14.04.2023).

⁵ Госсекретарь по туризму Франции: после терактов поток туристов в Париж упал на 10% [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3058148> (дата обращения: 14.04.2023).

⁶ Reuters: «Белоруснефть» не будет поставлять нефть в ФРГ по «Дружбе» из-за санкций [Электронный ресурс] // Ведомости : [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/12/10/900130-belorusneft-ne-budet-postavlyat-neft-v-frg> (дата обращения: 14.04.2023).

⁷ Брюссель сейчас применяет двойные стандарты, заявил Лавров [Электронный ресурс] // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20211116/lavrov-1759286270.html> (дата обращения: 14.04.2023).

⁸ Евросоюз избрал путь нелегитимных санкций вместо диалога, заявил Лавров [Электронный ресурс] // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/>

«Агрессия»

В противном случае Брюссель угрожает Москве экономическими санкциями и принятием «жестких мер»¹.

Действия НАТО носят *агрессивный характер*, уверен политолог².

Таблица 2 / Table 2

Распределение слотов концепта «Брюссель» с 1992 по 2023 г. / Distribution of slots of the concept of "Brussels" from 1992 to 2023

Евросоюз	904
НАТО	896
Политика	893
Коммуникация	877
Торговля и финансы	841
Убежище	822
Нарушение	726
Наказание	705
Ложь	685
Агрессия	678

Источник: по данным автора

Опираясь на данные из табл. 2, можно увидеть, что с 1992 по 2023 г. на первом месте по частотности находится слот «Евросоюз», так как Брюссель в 1992 г. стал штаб-квартирой Евросоюза, здесь располагаются: Европейский совет – высший политический орган ЕС, определяющий основные стратегические направления развития Евросоюза; Европейская комиссия, являющаяся высшим органом исполнительной власти в ЕС, контролирующим выполнение основных договоров и выдвигающим законодательные инициативы и т. д. В Брюсселе часто про-

ru/20220301/sanktsii-1775794644.html (дата обращения: 14.04.2023).

¹ Евросоюз угрожает России торговой войной [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/02/2004/5703c0b79a7947dde8e07812> (дата обращения: 14.04.2023).

² "Брюссель добился своего". Что кроется за ширмой украинского конфликта [Электронный ресурс] // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20221219/nato-1839256448.html> (дата обращения: 14.04.2023).

ходят съезды и конференции по вопросам внутренней и внешней политики ЕС.

Второе место занимает слот «НАТО», который встречается практически с той же частотностью, так как штаб-квартира данного альянса располагается именно в Брюсселе. И хотя Брюссель не выступает в качестве прямого синонима НАТО, в выделенных контекстах данный концепт выступает в непосредственной связи с североатлантическим альянсом.

Слот «Политика» располагается на третьем месте, хотя данное понятие много шире «Евросоюза» и «НАТО». Однако в выявленных контекстах «Политика» отражается как деятельность или определённые действия Брюсселя внутри или за пределами ЕС, что обуславливает меньшее количество упоминаний в выборке.

На четвёртом месте оказался слот «Коммуникация», обусловленный тем фактом, что Брюссель выступает центром международной политической коммуникации многих стран, включая Россию, посредством организации политических съездов, саммитов и конференций, направленных на совершенствование и улучшение внешне- и внутривнутриполитических отношений, а также на уменьшение разногласий между европейскими странами.

На пятом и шестом месте располагаются слоты «Торговля и финансы» и «Убежище». Через Брюссель осуществляется большое количество международных финансовых и торговых сделок в силу его значимой роли на политической арене, что подтверждается в контекстах экономических и финансовых новостных сводок. Так как Брюссель неоднократно выступал в поддержку миграционной политики в Европе и сам становился убежищем для мигрантов и многих политических деятелей, это также позволяет выделить в изучаемом концепте слот «Убежище».

Далее идут слоты с негативной коннотацией: «Нарушение», «Наказание», «Ложь» и «Агрессия». В слот «Наруше-

ние» входит большее количество контекстов, так как кроме лексики, определяющей нарушение чего-либо напрямую, сюда входят и разрушение отношений с Россией, и теракты, неоднократно имевшие место в Брюсселе, и невыполненные обещания (нарушение договоренностей). Контекстов, относящихся к слоту «Наказание», меньше, преобладают те, которые содержат в себе слова «наказание» или «санкции», что отражает политику многих европейских государств по отношению к России в последнее время. Наличие контекстов, относящихся к слотам «Ложь» и «Агрессия», также наглядно иллюстрирует ситуацию на мировой арене в настоящее время.

Сопоставительный анализ слотов концепта «Брюссель» первой половины XX и начала XXI века

При сопоставлении слотов концепта Брюссель в современном политическом и медийном дискурсе с 1992 по 2023 г. с периодом с 1901 по 1949 г. было выявлено пересечение ряда слотов (см. табл. 3): «Коммуникация», «Торговля и финансы», «Убежище», что ожидаемо, так как Брюссель стал официальной столицей Евросоюза и на протяжении длительного времени деловые и торговые отношения между Россией и ЕС развивались и наращивались. Слот «Убежище» усилил свои позиции, так как Брюссель является одним из главных приверженцев продвижения политики поддержки эмигрантов.

Немаловажно, что слотов изучаемого концепта в начале XX в. меньше, чем в конце XX – начала XXI в. Данный факт можно объяснить небольшим объемом информации на русском языке о первом историческом периоде бельгийской столицы, а также, недостаточно тесными отношениями между двумя государствами. Брюссель воспринимался как нечто очень далёкое и поэтому малозначимое для российской политики и прессы; именно поэтому в период с 1901 по 1949 г.

концепт «Брюссель» обладает нейтральной коннотацией.

Если взглянуть на данные за период с 1992 по 2023 г., то нами были выявлены новые слоты, например, «Евросоюз», «НАТО» и т. п., а также слоты с отрицательной коннотацией, что представляется возможным объяснить следующим образом: по получении столицей Бельгии статуса центра европейской политики стал расширяться спектр международных отношений и сфера политического влияния Брюсселя. Отношения Москвы и Брюсселя можно охарактеризовать как оппозиционные в силу ряда исторически обусловленных причин, например, во времена Холодной войны – идеологической конфронтации социалистического и капиталистического блоков стран, где Бельгия являлась страной-союзником центра капиталистического Западного мира – США, в то время как Россия (СССР) выступала центром, противоположного, социалистического лагеря.

Таблица 3 / Table 3

Распределение слотов концепта «Брюссель» по периодам / Distribution of slots of the concept of “Brussels” by periods

	1901– 1949 гг.	1992– 2023 гг.
Война	231	
Коммуникация	230	877
Культура и искусство	226	
Беспорядок	198	
Высшее общество	180	
Торговля и финансы	178	841
Убежище	162	822
Евросоюз		904
НАТО		896
Политика		893
Нарушение		726
Наказание		705
Ложь		685
Агрессия		678

Заключение

В процессе исследования нами был проведён качественный и количественный контент-анализ концепта «Брюссель» в русском политическом и медийном дискурсе первой половины XX века и конца XX – начала XXI в. на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и авторского корпуса на основании материалов качественной российской прессы и сайта МИД РФ. Были определены слоты изучаемого концепта, а также проведён сопоставительный анализ слотов концепта «Брюссель» для выявления сходств и различий с целью получения максимально полной его репрезентации за два изучаемых периода.

В результате исследования нами выявлена структура концепта «Брюссель», которая репрезентирована следующими слотами: Война, Коммуникация, Культу-

ра и искусство, Беспорядок, Высшее общество, Торговля и финансы, Убежище, Евросоюз, НАТО, Политика, Нарушение, Наказание, Ложь, Агрессия. Данный результат показывает, что прямо пропорционально увеличению информационного потока и исторически складывающихся отношений между Россией и Бельгией, концепт «Брюссель» расширяет спектр репрезентации в русском политическом и медийном дискурсе.

Таким образом, топоним «Брюссель» выходит за рамки понятия «столица Бельгии», с течением времени он трансформировался в многомерное ментальное образование с глубокими историческими корнями и исторически сложившимися социальными оценками, что позволяет отнести его к концептосфере носителей русского языка.

Дата поступления в редакцию 05.05.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова К. Н. Диахронический лингво-когнитивный анализ интермедиального дискурса: к уточнению методики // Современное педагогическое образование. 2019. № 8. С. 133–135.
2. Арапова Г. У. Концепт, понятие и значение слова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-4. С. 591–593.
3. Банькова Н. В. Предпосылки исследования концепта «ИСКУССТВО» / 'ART' // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 6. С. 57–62.
4. Бекетова А. А., Артамонова Т. Ф. Концепт как основная единица когнитивной лингвистики // Казанская наука. 2019. № 9. С. 99–101.
5. Богданова Н. В., Кагалкина Н. А. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Вып. 19. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. С. 5–9.
6. Ефимова А. Д. Соотношение объёма значения, структуры и сферы употребления терминов «понятие» и «концепт» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 1. С. 6–13. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-1-6-13.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Кольцова Ю. Н. О структуре концепта как категории культурологии // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода / под ред. Н. К. Гарбовского. М.: МГУ, 2001. 152 с.
9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. № 1. С. 3–9.
10. Опарина Е. О. Исследование концептов в когнитивной лингвистике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал (информационно-аналитический журнал). 2020. № 3. С. 13–16.
11. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. 638 с.

REFERENCES

1. Antonova K. N. [Diachronic linguo-cognitive analysis of an intermedialny discourse: to specification of a technique]. In: *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye* [Modern Pedagogical Education], 2019, no. 8, pp. 133–135.

2. Arapova G. U. [Concept, comprehension and meaning of word]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovani* [International Journal of applied and fundamental research], 2016, no. 1-4, pp. 591–593.
3. Ban'kova N. V. [Premises of the research of the concept 'ISKUSSTVO' / 'ART']. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2013, no. 6, pp. 57–62.
4. Beketova A. A., Artamonova T. F. [Concept as a basic unit of cognitive linguistics]. In: *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2019, no. 9, pp. 99–101.
5. Bogdanova N. V., Katalkina N. A. [The notion of “concept” in cognitive linguistics and linguoculturology]. In: *Problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. Vyp. 19* [Problems of philology and methods of teaching foreign languages. Iss. 19]. St. Petersburg, St. Petersburg State Economic University Publ., 2019, pp. 5–9.
6. Efimova A. D. [The terms “notion” and “concept”: the meaning volume, structure and sphere of usage]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 1, pp. 6–13. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-1-6-13.
7. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
8. Kol'tsova Yu. N. [On the structure of the concept as a category of cultural studies]. In: *Yazyk i kul'tura. Lingvistika, poetika, sravnitel'naya kul'turologiya, teoriya perevoda* [Language and culture. Linguistics, poetics, comparative cultural studies, translation theory]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2001. 152 p.
9. Likhachev D. S. [Conceptosphere of the Russian language]. In: *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1993, vol. 1, pp. 3–9.
10. Oparina Ye. O. [Study of concepts in cognitive linguistics]. In: *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyy zhurnal (informatsionno-analiticheskiy zhurnal)* [Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Episode 6: Linguistics. Abstract journal (information and analytical journal)], 2020, no. 3, pp. 13–16.
11. Shvedova N. Yu. *Russkiy yazyk: Izbrannyye raboty* [Russian language: Selected works]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2005. 638 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карасева Арина Александровна – аспирант кафедры теории языка лингвистического факультета Государственного университета просвещения;
e-mail: rishik.karasik@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arina A. Karaseva – Postgraduate Student, Department of Theory of Language, Faculty of Linguistics, State University of Education;
e-mail: rishik.karasik@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карасева А. А. Репрезентация концепта «Брюссель» в русском политическом и медийном дискурсе первой половины XX и начала XXI в. // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 15–25.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-15-25

FOR CITATION

Karaseva A. A. Representation of the concept of “Brussels” in Russian political and media discourse of the first half of the XX – early XXI centuries. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 15–25.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-15-25

УДК 81-2

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-26-33

РЕАЛИИ РУССКОГО ДВОРЯНСКОГО БЫТА В ЗЕРКАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В. НАБОКОВА)

Курушин Д. Д.^{1,2}

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Российская Федерация

² Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, г. Пермь, ул. Комсомольский пр-т, д. 29, Российская Федерация

Аннотация

Цель нашего исследования заключается в выявлении специфики передачи реалий и решении проблемы «словесных превращений» в ситуации, когда в качестве переводчика выступает сам автор.

Процедуры и методы. Основные методы нашего исследования: 1) метод сплошной выборки (использовался для составления корпуса реалий в избранных текстах В. Набокова); 2) сравнительный анализ (использовался для сопоставления русских и английских названий реалий в отобранном материале); 3) контекстуальный анализ (использовался для выявления эмотивного значения определённых реалий в анализируемых текстах В. Набокова).

Результаты. Выявлены основные способы передачи реалий дворянского быта на английский язык: объяснение, функциональный аналог, калька и т. д.; определён наиболее часто встречающийся приём – транслитерация с объяснением.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что оно позволяет взглянуть на проблему билингвизма в целом и конкретно на билингвизм писателя-билингва, на связь двух языковых систем в его сознании. Проведённый анализ позволяет более детально изучить проблему автоперевода, который, по словам самого В. В. Набокова, представляет собой процесс «словесных превращений». Результаты исследования могут быть полезны для начинающих переводчиков как пример решения проблемы поиска переводческих соответствий. Поскольку анализируемые соответствия являются авторскими, они представляют собой ценный материал для практикующих переводчиков, а также могут быть использованы при разработке учебного курса по теории перевода.

Ключевые слова: лингвистика, переводоведение, автоперевод, авторский перевод, реалия

THE REALIA OF RUSSIAN NOBLE LIFE IN THE MIRROR OF THE ENGLISH LANGUAGE (BASED ON THE AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF V. NABOKOV)

D. Kurushin

¹ Perm State University
ulitsa Bukireva 15, Perm 614068, Russian Federation

² Perm National Research Polytechnic University,
Komsomolsky prospekt 29, Perm 614990, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the specifics of realias transfer and solve the problem of “verbal transformations” in a situation where the author himself acts as a translator.

Methodology. The main methods of our research include: 1) the method of continuous sampling (used to compile a corpus of realias in selected texts by V. Nabokov); 2) comparative analysis (used to compare the Russian and English names of realias in the selected material); 3) contextual analysis (used to identify the emotive meaning of certain realias in V. Nabokov's texts under study).

Results. The main methods of transferring the realias of life of the nobility into English have been established: explanation, functional analogue, loan-translation, etc.; the most common technique is determined - transliteration with an explanation.

Research implications. The results obtained allow to analyze the problem of bilingualism in general and specifically the bilingualism of a bilingual writer, the connection between two language systems in his mind. The analysis carried out allows us to study in more detail the problem of self-translation, which, according to Nabokov himself, is a process of "verbal transformations". The results of the study can be useful for beginner translators as an example of solving the problem of finding translation correspondences. Since the analyzed correspondences are made by the author, they are a valuable material for practicing translators, and can also be used in the development of a training course on the theory of translation.

Keywords: linguistics, translation studies, self-translation, author's translation, realia

Введение

Целью нашего исследования является выявление специфики передачи реалий и решение проблемы «словесных превращений» в ситуации, когда в качестве переводчика выступает сам автор.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, наблюдающимся сегодня повышенным интересом к двуязычности творчества Владимира Набокова как писателя-билингва, а также к опыту работы Набокова в области художественного перевода и автоперевода. С другой стороны, актуальность работы связана и с тем, что в современном переводоведении одним из проблемных вопросов является вопрос межъязыковой передачи реалий, поскольку реалии относятся к безэквивалентной лексике и всегда требуют особого переводческого решения.

Как известно, передача реалий относится к лингвокультурологическим проблемам межъязыкового перевода, представляя собой то, что называется «непереводимым в переводе». Термин «реалия» имеет целый ряд определений. Релевантным в рамках нашего исследования мы можем считать следующее толкование: «слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке»¹.

Более развёрнутое определение принадлежит С. Влахову и С. Флорину: «Реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу в общем основании, требуя особого подхода» [4, с. 14].

В своей работе мы рассматриваем особую категорию реалий, а именно реалии русского дворянского быта, содержащиеся в двуязычной автобиографической прозе В. Набокова. Выбор темы продиктован интересом к богатейшему «вещному миру» писателя и тем переводческим приёмам, которыми он пользовался для межъязыковой (русско-английской) передачи русских реалий.

«Вещный мир» В. Набокова

Как известно, для любой автобиографии важны не только события и действующие лица, но и вещи, так называемый предметный мир, создающий окружающую автора обстановку. И, несомненно, наиболее ярко этот мир воссоздан в автобиографической прозе Владимира На-

¹ См.: Реалия // Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 178.

бокова, представленной в трёх версиях на двух языках – на русском и английском, на который писатель переходит в американский период своей жизни. Как отмечает А. А. Долинин, В Набоков «относительно быстро вошел в американские литературные круги» [7, с. 163]. Но если социальный переход был относительно быстрым, то переход с русского на английский, по словам самого писателя, был «мучительным», особенно когда он хотел представить русские воспоминания англоязычной аудитории. Одна из проблем, возникших перед автором-билингвом, заключалась в том, чтобы сохранить и передать русскоязычные реалии своего детства. Как подчёркивает исследователь творчества В. Набокова и переводчик его произведений Геннадий Александрович Барабтарло, талант писателя заключался в умении «описывать тварный мир в его разновидностях» [3, с. 7].

Говоря о вещном, или «тварном», мире Набокова, хочется привести слова самого автора о влиянии вещей на его творчество: «тихую работу вещей надо мной я часто чувствовал в минуты пустых, неопределённых досугов»¹.

Специфика вещного мира Набокова определялась особенностями его биографии: свои первые 20 лет будущий писатель провёл в обстановке дворянского быта, а именно – в особняке на Большой Морской в Санкт-Петербурге и фамильных имениях (Выра, Рождествено и Батово).

Как отмечает А. А. Бабинов, в период эмиграции Набоков был убеждён «что вся Россия, которая ему нужна, и так при нем – литература, язык и его собственное русское детство» [2, с. 118]. Именно это детство, этот дворянский быт и составлял мир вещей «потерянного рая», который Владимир Набоков пытался воссоздать в своих произведениях, не только в автобиографических. Сам он писал,

что щедро «раздавал» героям своих книг те «драгоценности» своего детства, которые хранила его память, желая, по его словам, освободиться от этого богатства². Многие набоковеды отмечают набоковскую особенность по-своему описывать окружающий его мир: «... отличительная черта творческой манеры Набокова – его склонность и умение выражать словами то, что до него не было выражено» [6, с. 45].

Первым персонажем, которому писатель подарил свои воспоминания, часть своего «внутреннего мира», стал Ганин – герой первого романа В. Набокова «Машенька», написанного на русском языке в 1926 г., т. е. когда дворянская Россия уже осталась для автора в прошлом. Перевод этого романа на английский язык был выполнен только в 1970 г., и это был не автоперевод, а перевод, который можно назвать авторизованным, т. к. он был сделан «in collaboration» с профессиональным переводчиком М. Гленни. В предисловии к этому переводу В. Набоков писал: «Читатель моих “Других берегов” (начатых в сороковых годах) не может не заметить некоторых совпадений между моими и ганинскими воспоминаниями», – ведь «**настойка личной реальности** в романтизированном рассказе оказалась крепче, чем в строго-правдивом автобиографическом изложении»³.

Чтобы сохранить атмосферу дореволюционной России в англоязычном тексте, требовалось большое переводческое мастерство. О трудностях этого процесса свидетельствовал сам Набоков, об этом же говорят исследователи, занимающиеся изучением авторского перевода. Так, известный русист из Будапештского университета Жужа Хетени (Zsuzsa Hetényi)

¹ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М.: Правда, Огонек, 1990. С. 181.

² См.: Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М.: Правда, Огонек, 1990. С. 139.

³ Набоков В. Предисловие к английскому переводу романа «Машенька» ("Mary") // Набоков В. Собрание сочинений. Анн Арбор, Мичиган: Ардис, 1986. Т. 1. С. 7.

пишет: “I wish to underline a remark of the author from the foreword to this last one, allowing to understand that memory works more **deeply and more accurately** in his native Russian”¹ [10, p. 50].

Вещный мир В. Набокова невероятно богат и разнообразен. Из русскоязычного варианта автобиографии «Другие берега» нами было отобрано для анализа более 200 лексических единиц, среди них реалии, относящиеся как к родовым усадьбам, так и к дому в Петербурге. Их мы разделили на следующие группы: 1) реалии искусства и культуры (например, *Мир Искусства, цыганская скрипка*); 2) реалии образования (например, *здание сельской школы*); 3) бытовые реалии (например, *гардины, гувернер*); 4) реалии-топонимы (например, *Выра, Батово и Рождественно*); 5) этнографические реалии (например, *овчинный тулун*).

Первым этапом нашего исследования был отбор реалий из русскоязычной версии автобиографии. Второй этап завершился сравнительным анализом способов межъязыковой передачи реалий, использованных автором в англоязычной версии автобиографии “Speak, Memory”. Проведённый анализ позволил нам предположить, что одной из проблем автоперевода является проблема передачи реалий, окружавших писателя в детстве. Эта группа реалий была особенно важна для Набокова, потому что, по словам самого автора, у него было сильное желание передать «гармонию совершеннейшего счастливейшего детства». Можно предположить, что при передаче этой гармонии неразрывность культуры и языка для автора была особенно ощутима, поскольку языковая картина, сложившаяся в детстве автора, должна была отразиться в зеркале чужого языка, что не могло не вызвать определённого «конфликта» в языковом сознании В. Набокова: «Ужас-

ная вещь – переводить себя, перебирая собственные внутренности и примеривая их, как перчатку, и чувствуя в лучшем словаре не друга, а вражеский стан»².

Приёмы авторской передачи реалий: анализ и результаты

Как уже говорилось, нами были проанализированы реалии дворянского быта, представленные в русскоязычной версии, и их англоязычные аналоги, переданные по-английски самим автором. В ходе систематизации реалий мы опирались на классификацию С. Влахова и С. Флорина.

Так, нами были выделены следующие типы реалий (в дальнейшем для источников мы используем сокращения: «Другие берега»³ – ДБ, “Speak, Memory” – SM): 1) этнографические реалии (*хутор*); 2) реалии домашнего быта и обихода (*рамлетка*); 3) реалии-слова (*батенька*); 4) географические реалии (*Батово*).

Ниже приведены примеры типов реалий дворянского быта.

1. Одежда и вещи домашнего обихода: **«ночные сорочки, пикейные жилеты, теннисные туфли, дорожные часы, уют, неуклюжий пресс для штанов, еще какая-то чепуха»** (ДБ, с. 269) – “a **trouser press, tennis shoes, nightshirts, an alarm clock, a flat-iron, several other ridiculous things**” (SM, p. 190).

2. Наименования людей в зависимости от вида деятельности (типы слуг): **«буфетчик Алексей»** (ДБ, с. 144) – “Aleksey, the **butler**” (SM, p. 26); «в **экономках** числилась Елена Борисовна, бывшая няня матери» (ДБ, с. 153) – “the **housekeeping** was in the hands of her former nurse, at that

¹ Я хочу подчеркнуть замечание автора из предисловия к этому изданию, позволяющее понять, что память работает глубже и точнее на его родном русском языке (перевод наш – Д. К.).

² Шаховская З. В поисках Набокова [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/memory/shahovskaya-v-poiskah-nabokova/predislovie.htm> (дата обращения: 01.12.2022).

³ Набоков В. В. *Другие берега* // Набоков В. В. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М.: Правда, Огонек, 1990. С. 133–302.

⁴ Nabokov V. *Speak, Memory: An Autobiography Revisited*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 1989. 336 p.

time a bleary, incredibly wrinkled old woman (born a slave around 1830)” (SM, p. 37).

3. Денежные знаки: «сто или двести **рублей**» (ДБ, с. 233) – “the token sum of one hundred **rubles** (about as many dollars of the present time)” (SM, p. 37).

4. Жилище: «и в **усадеб**е, и в **петербургском доме** шла веселая воровская свистопляска» (ДБ, с. 154) – “our **city household and country place** were the scenes of a fantastic merry-go-round of theft” (SM, p. 38).

5. Музыкальные инструменты: «концертное **фортепиано** с фалдами и решительно все духовые хоботы и анаконды» (ДБ, с. 147) – “the **concert piano** and all wind instruments” (SM, p. 30).

Среди категорий выделенных реалий дополнительно хочется упомянуть так называемые слова-реалии. М. Е. Мошков пишет о них: «Русский язык располагает множеством дискурсивных слов, которые при умелом переводе способствуют смысловому развитию и экспликации скрытого смысла» [9, с. 111]. Перефразируя слова исследователя, можно сказать, что русский язык Набокова является многосмысленным, требующим особого подхода в процессе перевода.

На наш взгляд, для В. Набокова было очень важно передать в английской версии автобиографии именно этот русский язык, который, по мнению Андрея Вознесенского, можно «осязать» как язык «усадебный, о коем мы позабыли, от коего, как от вершинного воздуха, кружится голова» [5, с. 96].

Именно такие «заветные» набоковские слова-реалии бросаются в глаза при чтении русского варианта автобиографии и вызывают интерес к тому, как автор-переводчик передаёт их на английский язык.

Как известно, одной из главных проблем перевода является субъективный взгляд переводчика, отличный от автора. Как подчёркивает Ли Мань, «переводческая деятельность осуществляется конкретным человеком, который восприни-

мает художественный текст оригинала зачастую субъективно, что обусловлено его социальным бэкграундом или опытом в отношении выбора способов перевода» [8, с. 47]. Благодаря тому факту, что автором и переводчиком автобиографии является один человек, в данной ситуации эта проблема решается сама собой. Однако её место занимает новая – проблема передачи реалий с одного языка на другой.

Следующий этап нашего исследования касался именно этой проблемы: происходило выявление авторских приёмов межъязыковой передачи реалий. Как известно, в отечественном переводоведении проблема перевода реалий достаточно хорошо освещена, описаны и основные способы, которыми пользуются переводчики с целью трансфера «чужих» реалий в язык перевода. Перечень переводческих приёмов представлен, в частности, в работах М. Л. Алексеевой и в труде болгарских учёных С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе».

М. Л. Алексеева называет основные приёмы перевода реалий:

- 1) приёмы механической передачи;
- 2) приёмы создания нового слова;
- 3) разъясняющие приёмы;
- 4) уподобляющие приёмы [1].

Как показал анализ литературы по теме исследования, практически все переводоведы первым приёмом передачи реалии считают **транслитерацию** (транскрипцию). Это вполне закономерно, поскольку этот приём позволяет переводчику, как отмечают С. Влахов и С. Флорин, «добиться двойного эффекта: и передать содержание реалии, и сохранить национальный колорит» [4, с. 215].

Согласно мнению болгарских исследователей, если переводчики обращаются именно к традиционному переводу (а не к транслитерации), они используют такие приёмы, как *создание неологизма, замена реалии, приближительный и контекстуальный переводы*.

Замена реалии, по мнению болгарских исследователей, является не самым удачным методом перевода, так как ведёт к трансформации инокультурных реалий в свои.

Приблизительный перевод, как отмечают Влахов и Флорин, – наиболее распространённый способ передачи реалий. Разновидностями такого перевода называют *родовидовую замену* (эта замена в теории перевода известна как генерализация), *функциональный аналог* (подстановка, позволяющая у читателя перевода вызвать реакцию, близкую к реакции читателя исходного текста) и *описание* (объяснение) [4].

Основываясь на классификации практических способов межъязыковой передачи реалий, мы выявили переводческие решения, к которым наиболее часто прибегал Владимир Набоков в процессе создания английской версии своей автобиографии “Speak, Memory”. Эти способы не являются уникальными в переводе или даже в автопереводе, но данную стратегию их употребления мы считаем именно набоковской. Анализ этой стратегии показал, что автор-переводчик прибегал к разным способам передачи реалий, однако чаще всего он использует транслитерацию с последующим объяснением на языке перевода («сумерки» (ДБ, с. 175) – “*soomerki* – the lovely Russian word for dusk” (SM, p. 64)), а также **функциональный аналог** («я со своей рампеткой» (ДБ, с. 270) – “my butterfly net” (SM, p. 191)).

Частыми способами являются **замена** («буфетчик Алексей» – “Aleksey, the butler”) и **объяснение** («дорогу через село, окаймленную по-русски **бобриком**» (ДБ, с. 143) – “the dusty road to the village; the strip of short, pastel-green grass, **with bald patches** of sandy soil” (SM, p. 25)).

И менее употребительными способами перевода являются **калька** («одного из кинематографов на Невском, “Пикадилли” или “Паризиана”» (ДБ, с. 262) – “two movie theatres (the Parisiana and the Piccadilly)” (SM, p. 182)) и **полукалька**

(«По Большой Морской ... к Невскому» (ДБ, с. 148) – “Down Morskaya Street toward Nevski Avenue” (SM, p. 31)).

Анализ выявленных реалий в разноязычных версиях автобиографии В. Набокова показал, что автор-переводчик старается не оставлять реалии непередаваемыми, что подчёркивают и современные зарубежные исследователи, изучающие опыт Набокова-переводчика. Как правило, они цитируют или перефразируют слова самого Набокова о его переводческом принципе. Например, в работе “Nabokov’s Art of Translation: Effective Means to Attract a Wide Readership” текасский исследователь Пинфан Жу (Pinfan Zhu), рассмотрев «доктрину перевода Набокова», подчёркивает важность набоковских слов о переводе для понимания его подхода: “Nabokov’s translation norm is more balanced towards achieving equivalent effects since he sought to let his audience get the same effect of the original text from translation, regardless of the subject matter”¹ [11].

Данная переводческая «доктрина» Набокова объясняет, на наш взгляд, авторский подход к выбору способов презентации русских реалий в английской версии автобиографии.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Реалии, выявленные нами в автобиографической прозе В. Набокова, можно разделить на несколько основных групп (этнографические реалии; реалии домашнего быта и обихода; реалии-слова; географические реалии). При этом реалии домашнего быта включают в себя: наименования одежды и вещей обихода; наименование людей в зависимости от вида деятельности; наименования денежных знаков; наименования типов жилища; наиме-

¹ Правилom перевода для Набокова было достижение эквивалентных эффектов, поскольку он стремился, чтобы его аудитория получала от перевода тот же эффект, что и от оригинального текста, независимо от предмета (перевод наш – Д. К.).

нования музыкальных инструментов. В процессе автоперевода В. Набоков использовал для передачи реалий ряд приёмов, основными из которых можно считать транслитерацию с последующим объяснением на языке перевода, функциональный аналог, замену и объяснение. Таким образом, цель нашего исследования можно считать достигнутой. Подводя итог, можно вспомнить жизненное правило матери Владимира Набокова: «Любить всей душой». Когда Набоков переводит себя сам, эта любовь к «тварному» миру его детского «рая» действительно ощутима.

Именно поэтому особый интерес представляют авторские приёмы передачи реалий, когда автор является писателем-билингвом и носителем двух культур. Как нам кажется, писатель, для которого Россия была страной счастливого детства, стремился в своих автопе-

реводах воссоздать на английском языке свой родной вещный мир. Он хотел дать иностранному читателю возможность почувствовать и звучание особенно дорогих для него русских слов и выражений. Можно предположить, что это и заставляло его чаще всего использовать транслитерацию с последующим объяснением на английском языке. Необходимо отметить, что этот метод использовался В. Набоковым не только в автопереводе, но и при переводе «Евгения Онегина». Более того, можно сказать, что даже когда он писал по-английски, отдельные русские слова, особенно значимые для писателя, вводились в английский текст в транслитерированной форме. По всей видимости, этим отличается «набоковский» метод межъязыковой передачи реалий, особенно языковых.

Дата поступления в редакцию 19.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева М. Л. Теория и практика перевода: реалии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. 205 с.
2. Бабиков А. А. Прочтение Набокова: Изыскания и материалы. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 816 с.
3. Барабтарло Г. А. Сочинение Набокова. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 464 с.
4. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2006. 448 с.
5. Вознесенский А. А. Три бабочки культуры // Красная книга культуры. М.: Искусство, 1989. С. 96–113.
6. Головнёва Ю. В. Индивидуально-авторское выявление и замещение языковых лакун в сфере внутреннего мира человека (на примерах из произведений В. В. Набокова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 44–50. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-44-50.
7. Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове. СПб: Издательство «Симпозиум», 2019. 568 с.
8. Ли Мань, Лобанова Т. Н. Исследование эвфемизма смерть в переводе романа «Сон в красном тереме» с китайского языка на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 41–50. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-41-50.
9. Мошков М. Е. Дискурсивные слова и частицы в авторском переводе // Русская речь. 2021. № 5. С. 108–117. DOI: 10.31857/S013161170017243-6.
10. Hetényi Z. Translating self-translation and the units of the translation: the case of Nabokov // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2018. Vol. 63. Iss. 1. P. 49–55. DOI: 10.1556/060.2018.63.1.6.
11. Zhu P. Nabokov's Art of Translation: Effective Means to Attract a Wide Readership // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. 2020. Vol. 3. Iss. 12. P. 172–180. DOI: 10.32996/ijllt.2020.3.12.21.

REFERENCES

1. Alekseyeva M. L. *Teoriya i praktika perevoda: realii* [Theory and practice of translation: realities]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2008. 205 p.
2. Babikov A. A. *Prochteniye Nabokova: Izyskaniya i materialy* [Reading Nabokov: Research and materials]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2019. 816 p.
3. Barabtarlo G. A. *Sochineniye Nabokova* [Writing of Nabokov]. St. Peterburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2011. 464 p.
4. Vlahov S. I., Florin S. P. *Neperevodimoye v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, R. Valent Publ., 2006. 448 p.
5. Voznesensky A. A. [Three butterflies of culture]. In: *Krasnaya kniga kul'tury* [Red Book of Culture]. Moscow, Iskustvo Publ., 1989, pp. 96–113.
6. Golovnyova Yu. V. [An Author's individual identification and elimination of language lacunae in the sphere of human inner world (based on works by Vladimir Nabokov)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 44–50. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-44-50.
7. Dolinin A. A. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina. Raboty o Nabokove* [The true life of the writer Sirin. Works about Nabokov]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2019. 568 p.
8. Li Man, Lobanova T. N. [A study of the euphemism “death” in the translation of the novel “The dream in the red chamber” from Chinese into Russian]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 6, pp. 41–50. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-41-50.
9. Moshkov M. E. [Discursive Words and Particles in the Author's Translation]. In: *Russkaya rech* [Russian Speech], 2021, no. 5, pp. 108–117. DOI: 10.31857/S013161170017243-6.
10. Hetényi Z. Translating self-translation and the units of the translation: the case of Nabokov. In: *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2018, vol. 63, iss. 1, pp. 49–55. DOI: 10.1556/060.2018.63.1.6.
11. Zhu P. Nabokov's Art of Translation: Effective Means to Attract a Wide Readership. In: *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*, 2020, vol. 3, iss. 12, pp. 172–180. DOI: 10.32996/ijllt.2020.3.12.21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курушин Дмитрий Данилович – аспирант кафедры лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета; ассистент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета;
e-mail: dmitry.kurushin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmirty Kurushin – Postgraduate Student, Department of Linguodidactics, Perm State University; Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University;
e-mail: dmitry.kurushin@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курушин Д. Д. Реалии русского дворянского быта в зеркале английского языка (на материале автобиографической прозы В. Набокова) // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 26–33. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-26-33

FOR CITATION

Kurushin D. D. The realia of Russian noble life in the mirror of the English language (based on the autobiographical prose of V. Nabokov). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 26–33. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-26-33

УДК 81.22

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-34-44

ИЗ ПРИНЦЕВ В КОРОЛИ: СЕМИОТИКА БРИТАНСКОЙ КОРОНАЦИИ

Леонтович О. А.^{1,2}

¹ *Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400005, г. Волгоград, пр-т Ленина, д. 27, Российская Федерация*

² *Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель статьи – комплексный анализ коронации Карла III как сложной семиотической системы, включающей следующие типы знаков: церемониальные действия; знаки королевской власти; облачение и одежда; религиозные знаки; вербальные знаки; изображения и символы; музыкальные знаки. **Задачи** статьи: 1) рассмотреть различные виды знаков, в совокупности составляющих церемонию коронации, и предложить способы их истолкования; 2) выявить соотношение традиционных и инновационных составляющих коронации и на их основе определить приоритеты нового короля; 3) проанализировать интерпретацию коронации как семиотической системы британской общественностью.

Процедура и методы. В качестве ключевых методов исследования выступают этнографический и семиотический методы.

Результаты. На основе проведённого анализа установлено, что коронация используется для выражения и передачи символических значений, а именно: легитимности королевской власти, её божественной природы; связи с историей и традициями; приоритетов и обязательств монарха перед народом; внимания к социальным инновациям; единства и патриотизма нации; значимости монарха как символа государства. Показано разное прочтение знаков в зависимости от их интерпретации сторонниками и противниками монархии.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование вносит вклад в развитие ряда положений семиотики и лингвокультурологии. Практический материал исследования может быть использован в вузовских курсах общего языкознания, лингвострановедения Великобритании, а также на занятиях по английскому языку.

Ключевые слова: коронация, Карл III, семиотическая система, знак, символ

FROM PRINCES TO KINGS: SEMIOTICS OF THE BRITISH CORONATION

O. Leontovich^{1,2}

¹ *Volgograd State Socio-Pedagogical University
prospekt Lenina 27, Volgograd 400005, Russian Federation*

² *Pushkin State Russian Language Institute
ulitsa Akademika Volgina 6, Moscow 117485, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct a comprehensive analysis of the coronation of Charles III as a complex semiotic system, including the following types of signs: ceremonial actions; signs of royalty; vestments and clothes; religious signs; verbal signs; images and symbols; musical signs. The objectives of the

study are: 1) to investigate various types of signs making up the coronation ceremony, and suggest ways to interpret them; 2) to identify the correlation of traditional and innovative components of the coronation and, on their basis, determine the priorities of the new king; 3) to analyze the interpretation of the coronation as a semiotic system by the British public.

Methodology. The research design is based on the ethnographic and semiotic methods.

Results. It has been established that the coronation is used to form and convey symbolic meanings, namely: the legitimacy of royal power, its divine nature; connections with history and traditions; priorities and obligations of the monarch to the people; attention to social innovation; unity and patriotism of the nation; and the importance of the monarch as a symbol of the state. It is also shown that different readings of signs depend on their perception by supporters and opponents of the monarchy.

Research implications. The study makes a contribution to the development of semiotics and cultural linguistics. The practical material of the study can be used in university courses of general linguistics, British studies and ESL classes.

Keywords: coronation, Charles III, semiotic system, sign, symbol

Введение

Коронация Карла III, которого мир в течение 73 лет знал как Принца Чарльза, состоялась 5 мая 2023 г. и стала важным событием в жизни Великобритании. Церемония коронации представляет собой сложный семиотический комплекс, анализ которого помогает понять, каким образом система знаков становится средством презентации сегодняшнего имиджа Великобритании, самоидентификации нового короля, а также отношения широкой общественности к институту монархии. Задачи статьи: 1) рассмотреть различные виды знаков, в совокупности составляющих церемонию коронации, и предложить способы их истолкования; 2) выявить соотношение традиционных и инновационных составляющих коронации и на их основе определить приоритеты нового короля; 3) проанализировать интерпретацию коронации как семиотической системы британской общественностью.

В качестве материала исследования выступают репортажи о коронации из СМИ, информационные статьи о церемонии коронации, лексикографические источники и историческая литература.

Теоретические основы исследования

В основу исследования легли следующие идеи учёных-семиологов.

1. Знаки образуют сложные семиотические системы и выступают как основные элементы познания и коммуникации [1; 2; 4; 8; 11; 14; 15].

2. Семиозис – это процесс создания и интерпретации знаков. Трактовка знаков зависит от взаимоотношений знака и интерпретанта, а также от контекста общения [1; 2; 6; 7; 8].

3. Знаки функционируют в рамках культурных кодов, которые определяют, какие значения придаются различным символам [6; 7]. В социальных отношениях символы могут быть использованы для обозначения статуса, власти, авторитета и т. д. [5].

4. Символы обладают глубокими архетипическими и коллективно-бессознательными значениями, связанными с идеями, образами, эмоциями и моделями поведения, передаваемыми от поколения к поколению [10; 12].

5. При взаимодействии разных культур происходит обмен знаками, что может привести к обогащению и изменению культурных практик. Адаптация знаков к новым контекстам позволяет культурам ассимилировать и интегрировать новые идеи и выразительные средства [9; 13; 16].

6. Одно из возможных направлений лингвосемиотического моделирования действительности – это выделение эм-

блем, аллегорий и символов как интерпретативных знаковых феноменов [3].

Коронация – это церемония, в ходе которой власть символически передаётся новому монарху, и в этом контексте многочисленные знаки играют важную роль в выражении и утверждении символического значения этого события. В основе коронации исторически заложено две основных идеи: божественное происхождение королевской власти и красивая церемония для ублажения публики. Глубинный смысл церемонии – дистанцировать короля от простых смертных, показать уникальность его положения и продемонстрировать его абсолютную власть. В настоящее время, когда британская королевская семья в основном выполняет декоративную функцию, королю приходится делать многочисленные реверансы в адрес различных социальных групп и движений, чтобы показать, что ему не чужда жизнь современного общества.

Мы рассматриваем следующие типы знаков: церемониальные действия; знаки королевской власти; облачение и одежда; религиозные знаки; вербальные знаки; изображения и символы; музыкальные знаки. С лингвистической точки зрения представляют особый интерес уникальные номинации, присутствующие во всех вышеобозначенных группах знаков на всех этапах коронации, что подчёркивает традиционность британской культуры, архаичность наименований, связанных с традициями прошлого, и возвышенный характер события, передаваемый через стиливую окраску дискурса.

Церемониальные действия

Коронация – это праздничная церемония, проводимая в соответствии с тысячелетней традицией, в которую вписываются все знаки, в совокупности составляющие единое целое и реализующие своё значение во взаимодействии с другими знаками. Это пышное театрализованное зрелище, которое имеет чисто

символический статус, поскольку реальным началом правления является дата кончины предыдущего монарха. В случае с Карлом III процедура коронации состоялась через восемь месяцев после смерти Елизаветы II. Карл – сороковой монарх, коронованный в Вестминстерском аббатстве (начиная с Вильгельма Завоевателя в 1066 г.). Церемониальные действия, проводимые в ходе коронации, являются знаками, символизирующими акт вхождения во власть и утверждения нового монарха, и главным образом адресованы широкой общественности, выступающей в качестве интерпретанта.

Сценарий (скрипт) британской коронации включает следующие церемониальные действия:

- процессия из Букингемского дворца в Вестминстерское Аббатство (*the Coronation procession*);
- признание короля подданными (*the Recognition*);
- присяга короля (*The Accession Declaration Oath*);
- молитва короля, послание и проповедь (*the King's Prayer, the Epistle and Sermon*);
- помазание (*the Anointing*);
- инвеститура (акт введения в должность, *the Investiture*);
- увенчивание короной (*the Crowning*);
- восхождение на трон (*the Enthroning*);
- оммаж (присяга королю, *the Homage*);
- причащение (*the Communion*);
- процессия из Вестминстерского Аббатства в Букингемский дворец (*the King's Outward Procession*).

Знаки королевской власти

Как было сказано выше, церемония исторически создавалась для утверждения власти короля, с чем связано использование в ней многочисленных знаков, подчёркивающих уникальность его положения, власть, историческую преемственность, сохранение традиций.

Коронационное кресло (*Coronation Chair*) было изготовлено для короля Эдуарда I в 1300 г. Внутри него, под сидением, находится Скунский камень (*the Stone of Scone*), также известный как «Камень судьбы», ассоциируемый с шотландскими королями. Кроме того, на разных этапах коронации для короля и королевы-консорты используются **Державные кресла** (*Chairs of Estate*) и **Троны** (*Throne Chairs*).

Ту же символическую функцию – утверждения королевской власти – выполняют описанные ниже **Коронационные регалии** (*The Coronation Regalia*), большинство которых, за некоторыми исключениями, было изготовлено в XVII в.

Две булавы (*Two Maces*) из посеребрённого дуба и **Державный меч** (*the Sword of State*), обращённый острием вверх, – церемониальные эмблемы власти, которые несут впереди суверена во время важных событий, например, открытия сессии парламента. Меч символизирует роль монарха как защитника веры и государства.

Посох Св. Эдуарда (*St Edward's Staff*), изготовленный из золота в XVII в. взамен так называемого «Длинного скипетра», ассоциируемого с Эдуардом Исповедником.

Масло для помазания (*the Chrism oil*), освящённое в Храме Гроба Господня в Иерусалиме и находящееся в **Ампуле** (*the Ampulla*), сделанной из золота и отлитой в форме орла с распростёртыми крыльями.

Коронационная ложка (*the Coronation Spoon*) – самый старый предмет из числа коронационных регалий – единственное дошедшее до наших дней изделие королевских ювелиров XII в.

Шпоры (*the Spurs*) из золота, кожи и бархата, символизирующие рыцарство. Традиция использования шпор во время коронации восходит к Ричарду I Львиное Сердце.

Браслеты (*the Armills*) из золота, эмали и обшитые бархатом, которые ассоциируются с древними символами рыцарства и военного лидерства; известны

также под названием «браслеты искренности и мудрости».

Орб Суверена (*the Sovereign's Orb*) – полый шар из золота, сапфиров, рубинов, изумрудов, аметистов, бриллиантов, жемчуга и эмали диаметром около 15 см, символизирующий христианский мир; разделён рядами драгоценных камней на три секции, каждая из которых обозначает один из трёх известных в Средневековье континентов.

Кольцо Суверена (*the Sovereign's Ring*) из сапфира с рубиновым крестом, инкрустированным бриллиантами; было изготовлено в 1831 г. к коронации Вильгельма IV. Это кольцо также называют «обручальным кольцом Англии», так как оно символизирует «брак» монарха с нацией и её народом.

Скипетры Суверена (*the Sovereign's Sceptres*): **Скипетр с крестом**, символизирующий светскую власть суверена и ассоциирующийся с мудрым правлением; и **Скипетр с голубем** с распростёртыми крыльями, олицетворяющим Святого духа, известный как «Жезл справедливости и милосердия», ассоциируется с духовной властью.

Коронационная перчатка (*the Coronation Glove*) из белой кожи, украшенная на запястье золотой нитью и блёстками в виде национальных гербов, включая розу Тюдоров, чертополох, трилистник, дубовые листья и жёлуди. На её тыльной стороне вышита корона над гербом семьи герцогов Ньюкасла. Надевается на правую руку короля после Кольца Суверена. В этой руке король держит Скипетр с крестом.

Корона Св. Эдуарда (*St Edward's Crown*), используемая для коронации; состоит из четырёх крестов и четырёх геральдических лилий; внутри каркаса находится фиолетовая бархатная шапка с горностаевой тесьмой. Корона украшена рубинами, аметистами, сапфирами, гранатами, топазами и турмалинами; увенчана сферой и крестом, символизи-

рующими христианский мир. Вес короны 2,155 кг.

Таким образом, можно заключить, что Королевские регалии олицетворяют светскую и божественную власть, рыцарство, военную доблесть, приверженность христианству, мудрое правление, справедливость и милосердие. Использование традиционных регалий с давней историей обозначает непрерывность правления, исторические корни британской монархии и законность королевской власти. Материалы, из которых изготовлены артефакты (золото, серебро, драгоценные камни), подчёркивают богатство и величие суверена, создают ощущение пышности и значимости церемонии.

Облачение и одежда

Одежда, в которую одевается монарх при коронации, также является семиотическим знаком. Цвета, материалы и дизайн одежды имеют свои символические значения и отсылают к истории и культуре страны.

В начале церемонии король облачён в *Державную мантию* (*the Robe of State*), также известную как *Парламентская мантия* (*the Parliament Robe*), которую король надевает на различные важные мероприятия, включая открытие каждой законодательной сессии парламента. Мантия состоит из горностаевой накидки и длинного шлейфа из бархата бордового цвета, отороченного золотым кружевом и подбитого горностаем. Перед помазанием с короля снимают мантию и надевают на него *Colobium Sindonis* – белую льняную тунику без украшений, похожую на рубашку, с простым воротником, застёгивающимся на одну пуговицу. Эта туника символизирует избавление от мирской суеты и чистоту перед Богом. После помазания на суверена надевают *Супертунуку* (*the Supertunica*) – длинное золотое одеяние, а поверх неё – *Коронационный пояс* (*the Sword Belt*), к которому пристёгивается *Драгоценный меч подношения* (*the Jewelled Sword of Offering*).

Архиепископ вручает меч монарху, говоря, что его следует использовать для защиты добра и наказания зла. Затем меч забирают и кладут на алтарь Вестминстерского аббатства, а короля облачают в золотое *Императорское одеяние* (*the Imperial Mantle*), расшитое узором из роз, чертополоха, трилистника, корон, орлов и геральдических лилий, с золотой застёжкой в форме орла. В этом одеянии и происходит увенчивание короной. На последнем этапе церемонии короля облачают в *Императорскую мантию* (*the Imperial Robe*) из горностаея, в которой он вместе с королевой-консортом в золотой карете отбывает из Вестминстерского аббатства в Букингемский дворец.

Таким образом, одежда и облачение монарха во время церемонии, в дополнение к тому, что было сказано в предыдущем разделе, символизируют смирение монарха перед высшими силами и народом, наряду с его величием и властью, данной свыше.

Религиозные знаки

Церемонию коронации Карла III проводил Архиепископ Кентерберийский, Высокопреосвященнейший и Достопочтенный Джастин Уэлби. Религиозный характер церемонии и главная роль в ней Архиепископа призваны подчеркнуть предназначение короля как защитника христианской веры и помазанника Божьего. Этой цели служат многие из вышеописанных Королевских регалий (Масло для помазания, Амбула, Королевская ложка, Орб). Новое масло для помазания короля Карла III и королевы Камиллы было произведено из оливок, собранных в двух рощах на Масличной горе, одна из которых находится в монастыре Марии Магдалины (место захоронения бабушки короля, принцессы Греции Алисы, – жест в адрес сановных предков). Масло было ароматизировано эфирными маслами – кунжутного, розового, жасминового, коричневого, нероли, бензоинового и янтарного, а также апельсинового цвета.

Помазание – это часть коронации, скрытая от глаз публики ширмой (*an Anointing Screen*), созданной специально для этой церемонии. К религиозным знакам также относится *Крест Уэльский* (*the Cross of Wales*), который был подарен Карлу III Папой Франциском в ознаменование его коронации. Этот крест включает в себя два осколка Истинного Креста, который, как утверждается, был крестом, использованным при распятии Иисуса Христа,

Фраза, которой конгрегация долгое время прославляла королеву: “*God Save the Queen*” («Боже, храни королеву»), в настоящее время изменилась на “*God Save the King*” («Боже, храни короля») или “*God Save King Charles*” («Боже, храни короля Карла»).

Вербальные знаки

Важное место в коронации занимают разного рода номинации, связанные с церемонией, а также вербальные действия (речи и ритуалы), выполняющие перформативную функцию.

Прежде всего, обратим внимание на то, что имя самого короля является знаком. Новый король был вправе выбрать одно из имевшихся у него имён: *Charles*, *Philip*, *Arthur* или *George*. Высказывалось предположение, что он выберет имя *George* в знак уважения к своему деду Георгу VI. Считалось также, что имя *Charles* было подпорчено неблагоприятной репутацией предыдущих королей. Однако принц Чарльз вместе с именем решил сохранить свою идентичность. Для русскоязычной общественности перевод его имени на русский язык также выполняет знаковую функцию: в одночасье принц Чарльз стал королём Карлом III. Это объясняется тем, что по российской традиции имена европейских монархов и представителей знати передаются в унифицированной, латинизированной форме. Кроме того, высказывается мнение, что если сейчас начать передавать его имя как «Чарльз», то придётся переименовывать в Чарльзов и предыдущих Карлов.

Знаковую функцию (дань британской знати и указание на сохраняющуюся иерархичность британского общества) выполняют также титулы других участников церемонии, к которым, в частности, относятся: супруга короля Камилла, которая теперь именуется королевой-консортом (*Queen consort*); четыре почётных пажа (*Pages of Honour*), в том числе внук короля Его Королевское Высочество принц Джордж Уэльский; а также маркизы, герцоги и графы.

К вербальным действиям относятся упомянутые выше признание короля подданными (*the Recognition*), присяга короля (*The Accession Declaration Oath*), молитва короля, послание и проповедь (*the King's Prayer, the Epistle and Sermon*), инвеститура (акт введения в должность, *the Investiture*), оммаж (присяга королю, *the Homage*). Вербальный компонент присутствует и во всех других частях церемонии. Языковое оформление церемонии по большей части столь же архаично, как и сама традиция. Новые элементы, внедряемые в церемонию, имитируют традиционный стиль, как, например, специально созданная для данной коронации молитва короля:

*God of compassion and mercy whose Son was sent not to be served but to serve, give grace that I may find in thy service perfect freedom and in that freedom knowledge of thy truth. Grant that I may be a blessing to all thy children, of every faith and conviction, that together we may discover the ways of gentleness and be led into the paths of peace, through Jesus Christ our Lord. Amen*¹ (Бог сострадания и милосердия, чей Сын был послан не дабы ему служили, а дабы служить, дай благодать, чтобы я мог найти в служении Твоем совершенную свободу и в этой свободе познание Твоей истины. Даруй мне быть благословением для всех твоих

¹ The Authorised Liturgy for the Coronation Rite of His Majesty King Charles III [Электронный ресурс]. URL: https://www.royal.uk/sites/default/files/documents/2023-05/23-24132%20Coronation%20Liturgy_05%20May_0.pdf (дата обращения: 24.05.2023).

детей любой веры и убеждения, чтобы вместе мы могли открыть пути кротости и быть ведомыми путями мира через Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь¹).

Обращает на себя внимание также представленность языков, используемых в процессе коронации, наряду с английским и латинским. В частности, во время обмена мечами исполнялся новый псалом на греческом языке в память о герцоге Эдинбургском, покойном отце короля, урождённом греческом принце. Старинный католический гимн "*Veni, Creator Spiritus*" («Приди, Дух животворящий») был исполнен на английском, валлийском, шотландском гэльском и ирландском гэльском языках. После оммажа прихожанам было дозволено проносить молитву «Отче наш» на языке по своему выбору.

Изображения и музыкальные знаки

В церемонии коронации широко представлены изображения и символы, такие как гербы, флаги, медали и т. д., которые также служат знаками власти монарха и британской знати, иерархичности и национальной идентичности. В качестве основного знака коронации 2023 г. послужила **Коронационная эмблема** (*the Coronation Emblem*), на которой на белом фоне изображена синяя корона Св. Эдуарда, окружённая красными цветочными мотивами и отражающая любовь короля к миру природы. Как внутри короны, так и вокруг неё изображены цветы – символы наций, входящих в состав Соединённого Королевства: тюдоровские розы как символ Англии, чертополох – символ Шотландии, нарциссы – символ Уэльса и трилистник – символ Ирландии.

Музыкальные произведения, сопровождавшие церемонию, главным образом были представлены церковной и классической музыкой, например, знаменитым коронационным антемом *Zadok the Priest* на музыку Г. Ф. Генделя. Интересно,

что с 1992 г. этот антемы в новой аранжировке является гимном Лиги чемпионов УЕФА. Кроме того, во время коронации Карла III прозвучало двенадцать новых музыкальных произведений, специально созданных для церемонии известными современными композиторами, например, *Make a Joyful Noise* Эндрю Ллойда Уэббера, в основу которого лёг текст псалма 98. Общественность увидела в выборе текста намёк на постоянно провозглашаемую королём любовь к природе.

Как утверждают СМИ, король хотел, чтобы участники действия ушли домой, напевая прозвучавшие там мелодии. Кроме того, впервые в истории с помощью новейших технологий было синхронизировано исполнение одной и той же музыки восемью военными оркестрами, участвовавшими в церемонии.

Нововведения в коронации 2023 г.

Наряду с традициями, имеющими богатую историю, в коронации Карла III присутствовал ряд новых составляющих, которые выполняют важные символические функции, указывая на: 1) самоидентификацию Карла III как нового короля, его желание выразить собственное «я»; 2) дань современным социальным тенденциям; 3) обозначение приоритетов короля в политике и общественной жизни. Опишем ниже некоторые из них.

1. Изменения в церемонии коронации. Были введены некоторые новые составляющие, например, «Приветствие короля» (*Greeting the King*), где провозглашаются роль и призвание монарха «служить нации и народу». Кроме того, король отошёл от некоторых канонов в одежде; так, бриджи и шёлковые чулки по моде XVII в. были заменены на военную форму адмирала Королевских ВМС Великобритании.

2. Продвижение идей мультикультурализма. В церемонии присутствовали постоянные реверансы в сторону Содружества наций (*the Commonwealth*) и четырёх автономных частей Соединённого

¹ Здесь и далее перевод автора статьи – О. Л.

Королевства (Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии): их постоянное упоминание в речи короля и архиепископа, использование соответствующих символов в Коронационной эмблеме и вышивках на одежде короля, а также использование разных языков, о чём уже было сказано выше. В частности, валлийский, шотландский гэльский и ирландский гэльский использовались в церемонии коронации впервые. На специально изготовленной ширме для помазания было вышито дерево с 56 листьями, символизирующими 56 стран-членов Содружества. Был также изменён текст Коронационной клятвы: в новой редакции король клянётся «управлять народами Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, другими королевствами и территориями... в соответствии с их законами и обычаями»¹.

3. Защита всех религий и верований. Монарх позиционирует себя как защитник христианской веры, уважающий другие религии. В клятве, молитве короля и других присутствующих в процедуре высказываниях постоянно звучат фразы: *“allow the King to recognise his commitment to the multiple faiths of a diverse Britain”* (позволить королю признать свою приверженность многочисленным религиям в Британии), *“all faiths and beliefs may live freely”* (все религии и верования могут жить свободно), *“grant that I may be a blessing to all thy children, of every faith and conviction”* (дозволь мне быть благословением для всех твоих детей, любой веры и любых убеждений), хотя подчёркивается приоритет христианства: *“through Jesus Christ our Lord”* (через Иисуса Христа, Господа нашего).

Начало церемонии было ознаменовано процессией представителей разных религиозных общин Великобритании:

иудеев, мусульман-суннитов, шиитов, сикхов, буддистов, индуистов. Позднее премьер-министру Риши Сунаку, исповедующему индуизм, было предложено зачитать выдержки из Послания к Колоссянам (I: 9-17) – книги Нового Завета, написанной апостолом Павлом. Это был первый опыт участия представителей нехристианских религий в коронации британского монарха.

4. Продвижение гендерного равенства. На коронации впервые в церемониальной роли носителя Державного меча выступила женщина – Лорд-председатель Тайного совета Пенни Мордонт. Ещё одним новшеством стало активное участие в коронации первой женщины-епископа церкви Англии Сары Элизабет Мууллалли.

5. Поддержка устойчивого развития и защиты окружающей среды. Ещё в свою бытность принцем Чарльз постоянно позиционировал себя как любитель природы и защитник окружающей среды. В связи с коронацией СМИ неоднократно подчёркивали его приверженность устойчивому развитию (а точнее – плохо переводимому на русский язык понятию *sustainability*, обозначающему заботу об окружающей среде, поддержание социальной справедливости, экономической жизнеспособности и сохранение ресурсов для будущих поколений). В частности, Карл отказался от изготовления новых Супертуники, *Colobium Sindonis* и Имперской мантии, а также Коронационного меча и Коронационной перчатки, Государственного кресла и Трона «в интересах устойчивости и эффективности». Совершенно очевидно, что это чисто символический жест, «капля в море» по сравнению со средствами, израсходованными на проведение коронационной церемонии. Столь же несерьёзно выглядят доставка из Австралии и Новой Зеландии экологически чистых нитей для украшения ширмы для помазания и жест, адресованный вегетарианцам, – использование святого масла, изготовленного по той же формуле, что и при коронации Елиза-

¹ Keel T. The full text of the Coronation Oath of King Charles III [Электронный ресурс] // Country Life: [сайт]. URL: <https://www.countrylife.co.uk/coronation/the-full-text-of-the-coronation-oaths-of-king-charles-iii-255228> (дата обращения: 24.05.2023).

веты II, но без продуктов животного происхождения.

Выводы

Таким образом, коронация Карла III может быть рассмотрена как система знаков, которая используется для выражения и передачи символических значений, а именно:

- легитимности королевской власти;
- её божественной природы;
- связи с историей и традициями;
- приоритетов и обязательств монарха перед народом;
- внимания к социальным инновациям;
- единства и патриотизма нации;
- значимости монарха как символа государства.

Заключение

Реакция общественности на церемонию коронации продемонстрировала широкий диапазон мнений относительно этого события – от восторга и волнения до равнодушия, иронии и далее – до осуждения и негодования, что указывает на разное прочтение знаков в зависимости от их интерпретации. Представители общественности задавали вопросы: зачем нужна коронация? Что это – политическая акция, соблюдение традиций, красивое зрелище? На самом ли деле Великобритания является монархией или это просто красивый фасад, приманка для туристов? Некоторые заявляли, что само выражение «современная монархия» является оксюмором.

Сторонники монархии указывают на следующие её достоинства:

- 1) сохранение культурного наследия и традиций, глубоко укоренённых в британском обществе;
- 2) восприятие монархии как символа национальной гордости и единства;
- 3) благотворное влияние на туризм и бизнес, приносящие экономическую прибыль;

4) обеспечение стабильности и преемственности общественного развития;

5) аполитичность, способствующая отделению символично-церемониальных обязанностей от политики;

6) использование монархами мягкой власти и дипломатии для продвижения ценностей британской культуры на международной арене;

7) участие членов королевской семьи в благотворительных и филантропических акциях;

8) сохранение исторических зданий и артефактов.

Противники монархии, со своей стороны, критикуют:

1) высокую стоимость содержания королевской семьи;

2) нелегитимность наследственной власти, в противовес выборной;

3) поддержание социального неравенства;

4) незначительную роль монарха в управлении государством;

5) при этом возможность закулисного влияния королевской семьи на государственную политику;

6) исторические ассоциации с колониализмом и империализмом;

7) несоответствие монархии современным представлениям о национальной идентичности и разнообразии в социуме.

Представители общественности также высказывают недовольство высокой стоимостью церемонии, которая, по разным оценкам, составила от 50 до 250 млн фунтов стерлингов, став самой дорогой коронацией в истории Великобритании, в особенности в условиях экономического кризиса.

Многие СМИ оценили коронацию как чисто театральное «шекспировское» действо, смесь пышного шествия, музыки и тайны. Вывод, сделанный британскими журналистами: «Мы, кажется, несравненно лучше умеем устраивать публичные представления, чем управлять страной».

Дата поступления в редакцию 21.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. Знаковые системы. Кино. Поэтика. М.: Языки русской культуры, 1999. 912 с.
2. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4. Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянской культуры, 2007. 794 с.
3. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
4. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х томах / пер. с нем. С. А. Ромашко. М. – СПб.: Университетская книга, 2002.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 536 с.
6. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность: Антология. М.: ACADEMIA, 1997. С. 202–205.
7. Лотман Ю. М. Семiosфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. 704 с.
8. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков: монография. СПб.: Алетейя, 2000. 349 с.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.
10. Юнг К. Г. Символы трансформации. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 731 с.
11. Barthes R. *Eléments de sémiologie* // *Communication*. 1964. Vol. 4. P. 91–135.
12. Baudrillard J. *Le Système des Objets*. Paris: Gallimard, 1968. 288 p.
13. Eco U. *A Theory of Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 354 p.
14. McLuhan M. *Understanding Media: The Extension of Man*. New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.
15. Saussure F. *A Course in General Linguistics*. New York: McGraw Hill, 1966. 240 p.
16. Sontag S. *Against Interpretation and Other Essays*. New York: Farrar Straus and Giroux, 1990. 312 p.

REFERENCES

1. Ivanov Vyach. Vs. *Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. T. 1. *Znakovyye sistemy. Kino. Poetika* [Selected works on semiotics and cultural history. Vol. 1. Sign systems. Movie. Poetics]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 912 p.
2. Ivanov Vyach. Vs. *Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. T. 4. *Znakovyye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki* [Selected works on semiotics and cultural history. Vol. 4. Sign systems of culture, art and science]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2007. 794 p.
3. Karasik V. I. *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Language crystallization of meaning]. Moscow, Gnozis Publ., 2010. 351 p.
4. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form: v 3-kh tomakh* [Philosophy of symbolic forms: in 3 volumes]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2002.
5. Lévi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 536 p.
6. Lotman Yu. M. [Semiotics of culture and the concept of text]. In: *Russkaya slovesnost': Antologiya* [Russian literature: Anthology]. Moscow, ACADEMIA Publ., 1997, pp. 202–205.
7. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2010. 704 p.
8. Peirce Ch. S. *Logicheskiye osnovaniya teorii znakov* [Logical foundations of the theory of signs]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2000. 349 p.
9. Eco U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu* [Missing structure. Introduction to semiology]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2006. 544 p.
10. Jung C. G. *Simvolnyye transformatsii* [Symbols of transformation]. Moscow, AST: AST MOSKVA Publ., 2008. 731 p.
11. Barthes R. *Eléments de sémiologie*. In: *Communication*, 1964, vol. 4, pp. 91–135.
12. Baudrillard J. *Le Système des Objets*. Paris, Gallimard, 1968. 288 p.
13. Eco U. *A Theory of Semiotics*. Bloomington, Indiana University Press, 1979. 354 p.
14. McLuhan M. *Understanding Media: The Extension of Man*. New York, McGraw-Hill, 1964. 359 p.
15. Saussure F. *A Course in General Linguistics*. New York, McGraw Hill, 1966. 240 p.
16. Sontag S. *Against Interpretation and Other Essays*. New York, Farrar Straus and Giroux, 1990. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонтович Ольга Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета; главный научный сотрудник Лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;

ORCID: 0000-0002-0972-4609

email: olgaleo@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Leontovich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Chief Researcher, Laboratory of Philological Studies, Research Department, Pushkin State Russian Language Institute;

ORCID: 0000-0002-0972-4609

email: olgaleo@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Леонтович О. А. Из принцев в короли: семиотика британской коронации // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 34–44.

DOI: [10.18384/2949-5075-2023-5-34-44](https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-5-34-44)

FOR CITATION

Leontovich O. A. From princes to kings: semiotics of the British coronation. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 34–44.

DOI: [10.18384/2949-5075-2023-5-34-44](https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-5-34-44)

УДК 81'23

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-45-58

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ДЕТСКОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНИМАЦИОННОМ ФИЛЬМЕ

Лукьянова В. С., Колоскова О. А.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал)
143007, Московская обл., г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Статья посвящена изучению юридической терминологической лексики в детском англоязычном анимационном фильме. Целью данной работы является описание и анализ семантических, стилистических и структурных особенностей юридических терминологических включений и их типологизация в контексте детского англоязычного кинодискурса.

Процедура и методы. Материалом для исследования послужили более 3000 юридических терминологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из около 50 анимационных фильмов и мультсериалов с высоким рейтингом согласно данным веб-сайта IMDb. На основании проведённого лексико-семантического, контекстуального, структурного, компонентного и фриквентативного анализа были выявлены наиболее типичные характеристики специальной лексики, обеспечивающие семантическую подвижность юридического термина в исследуемом дискурсе, подсчитано распределение терминологических единиц по возрастным группам в зависимости от степени специализированности их семантической составляющей.

Результаты. В качестве результата исследования предлагается классификация, отражающая как структурный состав юридических терминов, так и их семантические характеристики, что позволяет соотнести встретившиеся в контексте детского анимационного фильма лексические единицы с определёнными лексико-семантическими полями подязыка юриспруденции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость работы состоит в том, что обобщённый материал может послужить расширению представлений о семантической значимости юридической терминологии за пределами юридического дискурса. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшего изучения прагматического потенциала и особенностей функционирования специальной лексики в детском кинотексте. Практическая значимость определяется широкими возможностями использования анализируемых примеров при составлении учебных пособий и материалов для обучения профессионально-ориентированному иностранному языку.

Ключевые слова: английская юридическая терминология, детский анимационный фильм, лексическое значение, стилистический анализ, структурный состав

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF LEGAL VOCABULARY IN AN ENGLISH ANIMATED FILM FOR CHILDREN

V. Lukyanova, O. Koloskova

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo branch
3 ulitsa Novo-Sportivnaya, Odintsovo143007, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study legal terminological vocabulary in the text of an English-language children's animated film. The purpose of this work is to describe and analyze the semantic, stylistic and structural characteristics of legal terms used in the English-language children's film discourse.

Methodology. The material for the study was more than 3,000 legal terminological units selected by a continuous sampling method from about 50 highly rated animated films and series according to the IMDb website. On the basis of lexical and semantic, contextual, structural, component and frequency analysis, the most typical characteristics of special vocabulary providing semantic mobility of a legal term in the studied discourse were identified, the distribution of terminological units by age groups was calculated depending on their semantic component specialization degree.

Results. The classification proposed by the authors reflects both the structural composition of legal terms and their semantic characteristics, which makes it possible to correlate the lexical units encountered in the context of a children's animated film with certain lexical-semantic fields of the sublanguage of jurisprudence.

Research implications. Theoretical application of this work lies in the fact that the generalized results of the study can serve to expand the understanding of the semantic significance of legal terminology outside legal discourse. The data obtained can be useful for further study of the pragmatic potential and features of the functioning of special vocabulary in children's film text. Practical application is determined by wide possibilities of using the analyzed examples in textbooks and materials for teaching a professionally oriented foreign language.

Keywords: English legal terminology, children's animated film, lexical meaning, structural composition, stylistic analysis

Введение

На современном этапе развития языкознания юридическая терминология привлекает особое внимание лингвистов, так как широко используется за пределами юридического дискурса в силу значительного влияния правовых норм на все сферы социальной жизни. Юридические термины стали обычным явлением и в современном детском кинодискурсе. В поликодовом аудиовизуальном тексте за образом персонажа, в создании которого первостепенную роль играют языковые средства, скрываются символические значения, закодированные модели поведения, стандартные ситуации общения.

Моделируя картину действительности, эти лексические единицы проявляют определённую прагматическую специфику, по-своему отражая значимость явления в реальном мире и делая его знаковым в рамках художественного произведения [6, с. 109].

В настоящее время интересы языковедов в области юрлингвистики связаны с проблемами юридизации естественного языка [9], с вопросами типологии юридического дискурса и его жанровой классификации [16], с различными аспектами взаимодействия общеупотребительной и правовой лексики, в том числе в диахроническом и синхроническом ракурсах

[12], а также с процессом детерминологизации юридической лексики, изложенной в концепции лингвокультурологического терминоведения [4]. Результаты исследований подтверждают высокую степень взаимопроникновения и взаимовлияния языка юриспруденции и естественного или обывденного языка, широкую распространённость юридической терминологии за пределами профессиональной среды, значительное количество юридической лексики во многих текстах, не относящихся к правовому дискурсу.

Одновременно с этими исследованиями объектом внимания лингвистов становится специальная лексика, которая рассматривается как «совокупность лексических единиц применяемых в профессиональной коммуникации между специалистами определенной сферы человеческой деятельности» [17, с. 72]. Анализируя производственную кинематографическую лексику, применяемую при создании анимационных произведений, Романова Т. А. обращает особое внимание на «неидеальность» терминологических единиц в неспециальном контексте [13]. В силу того, что коммуникативные цели в привычном отраслевом дискурсе и в детском кинотексте в значительной степени отличаются, семантические оттенки юридической терминологии тоже меняются. Семантическая подвижность юридического термина проявляется в зависимости от сферы его употребления: в юридическом дискурсе актуализируется краткость и точность, однако за его пределами основными свойствами становятся расплывчатость и стремление к языковой экономии [19, р. 851].

Функционально-стилистическая стратификация специальной лексики позволяет более широко посмотреть на язык профессиональной коммуникации, определяя специальные языковые единицы как совокупность официальных терминов, которые являются «научными наименованиями специальных понятий, и профессионализмов, которые функцио-

нируют в большинстве случаев в устной речи как “полуофициальные» слова” [18, с. 176]. В области юриспруденции к разряду профессионализмов относят так называемую «неофициальную юридическую лексику», под которой понимается «комплекс стилистически маркированных единиц, функционирующих в разговорной речи правовой тематики» [11, с. 135].

Следует отметить, что при большом количестве исследований особенностей терминологических единиц (в работах Г. О. Винокура, Д. С. Лотте, В. М. Лейчика, В. П. Даниленко, О. В. Загоровской, А. А. Суперанской, С. В. Гринева-Гриневича, С. Д. Шелова, В. А. Иконниковой и многих других) не предпринималась попытка изучить термин в неспециальном дискурсе детского анимационного фильма, в текстах которого отмечаются факты намеренного использования юридической лексики, что отражает «стремление ... расширить использование собственного идиома в социально значимых сферах» [16, с. 68]. Посредством регулярных обращений к вопросам правопорядка с использованием соответствующей терминологической лексики подчёркивается важность аксиологических ценностей правовой сферы.

В современных аудиовизуальных текстах количество случаев употребления специальной лексики персонажами детских анимационных фильмов постоянно растёт, что привлекает внимание исследователей к особенностям их функционирования в данном виде художественного текста, а также к влиянию этих лексических единиц на освоение родного языка и формирование речи ребёнка [8]. Исследователи мультипликационного жанра выявляют взаимосвязь средств языковой выразительности и изобразительных средств, «расширяющих понятие интертекста», рассматривая их как «визуальную аллюзию, визуальную цитату и визуальное эхо» [15]. Юридические лексемы в тексте детского анимационного фильма почти всегда сопровождаются

соответствующим визуальным маркером: адвокат в строгом костюме, с галстуком и портфелем; документ с подписью и печатью или толстая книга – свод законов, здание суда и т. д. Таким образом в сознании юного зрителя формируется более комплексное представление о юридической сфере в целом.

Принимая во внимание специфику языка юриспруденции, достаточно высокую частотность появления профессиональной лексики этого лексико-семантического поля в речи мультипликационных героев возникает необходимость обобщить и систематизировать функционально-прагматический подход к исследованию юридической терминологии в детском кинотексте. В рамках данного исследования особый интерес к специальной лексике в тексте детского анимационного фильма объясняется необходимостью изучения особенностей использования юридических терминологических вкраплений в детском кинотексте с точки зрения их семантических характеристик, структурного состава и контекстного взаимодействия с целью дальнейшего описания их функций и специфики прагматического воздействия на юного носителя языка, речевые и когнитивные механизмы которого находятся в стадии становления.

Объектом исследования выступает юридическая терминологическая лексика в детском кинотексте в условиях естественного для англоязычного юного зрителя освоения родного языка. Предметом исследования являются лингвистические и экстралингвистические особенности семантических характеристик юридической терминологии за пределами привычного профессионального дискурса.

Цель работы заключается в описании и анализе типологических характеристик юридических терминологических включений в лексико-семантическом, стилистическом и структурном аспектах на материале детского англоязычного кинодискурса.

Материалом для исследования послужили более 3000 юридических терминов, терминологических сочетаний, клише и устойчивых выражений, отобранных методом сплошной выборки из текстов более 50 детских англоязычных анимационных фильмов и мультсериалов. Выборка детских фильмов проводилась с учётом возрастных ограничений, приведённых в базе данных веб-сайта Internet Movie Database (IMDb)¹.

Категориальные характеристики юридических терминов и их интеграция в текст детского анимационного фильма

По мнению лингвистов, занимающихся вопросами английской правовой терминологии, состав юридической терминологической лексики отличается высокой степенью вариативности и неоднородности, что объясняется «гуманитарной» направленностью этой профессиональной сферы [2], её тесной связью с общелитературным языком, а также большим разнообразием самого подъязыка юриспруденции, который включает в себя узкоспециализированные термины, употребляемые в правовых документах и законодательных актах; специальные понятия, относящиеся к различным отраслям права; реалии общественно-политической жизни, нуждающиеся в правовом регулировании; правовые нормы и категории; стандартные ситуации взаимодействия в рамках законодательно регулируемых процессов; неофициальную профессиональную лексику представителей юридических профессий. Подобное разнообразие лексического состава придаёт особую актуальность вопросам, связанным с определением границ юридической терминосистемы, классификацией правовой лексики, выделением специально юридических терминов, изучением соотношений между обще-

¹ IMDb [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/> (дата обращения: 10.01.2022).

языковым и специальным значением в семантике общеправовых терминов. Достаточно широкий взгляд на эти вопросы был изложен в работе Т. В. Усковой, которая обобщила описание юридической терминологии и предложила считать терминологическим любое слово или словосочетание в номинативной функции, обозначающее ключевое понятие элемента правовой нормы, допуская различный характер терминологичности [14]. Проанализировав лексические единицы, включённые в такие толковые словари, как *Black's Law Dictionary*¹, *Dictionary of Legal Terms*², *Dictionary of Legal Usage*³ издательства Oxford, Т. В. Ускова предложила следующую классификацию юридической терминологии:

- 1) термины общего права;
- 2) лексические единицы, одно из значений которых является юридическим термином;
- 3) общеупотребительные слова, которые в определённых ситуациях могут употребляться в качестве юридических терминов.

Такой подход к пониманию свойств и состава правовой терминологии находит подтверждение в современных энциклопедических словарях. Согласно толкованию понятия «юридический термин», приведённому в «Юридической энциклопедии» под редакцией М. Ю. Тихомирова⁴, все лексические единицы, относящиеся к данному типу дискурса, можно разделить на три категории в соответствии со сферами использования: общезначимые термины, специально-юридические термины и специально-технические термины.

¹ Garner B. A. *Black's Law Dictionary*; 8th edition. USA: West Publishing Co, 2019. 1910 p.

² Gifis S. H. *Dictionary of Legal Terms*; 5th edition. Hauppauge, NY: Barron's Educational Services, 2015. 600 p.

³ Garner B. A. *Garner's Dictionary of Legal Usage*; 3rd edition, Oxford: Oxford University Press, 2011. 1040 p.

⁴ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. *Юридическая энциклопедия*; 5-е изд., доп. и перераб. / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2014. 971 с.

В тексте детского анимационного фильма юридические терминологические вкрапления в основном представлены общезначимыми терминами, которые Милославская Д. И. также называет общеупотребительными терминами [10, с. 105]. С. В. Гринев-Гриневич и Э. А. Сорокина разграничивают термин и общеразговорное слово, рассматривая первое как понятие, отражающее научное мышление, в то время как второе лишь описывает бытовое представление об объекте или явлении. Термин, употребляемый в бытовых ситуациях, зачастую не несёт в себе научное содержание, имплицитно подразумевая именно поверхностные, бытовые характеристики обозначаемого термином объекта или явления [3].

С учётом того, что существует определённое разделение кинопродукции в соответствии с возрастом ребёнка-зрителя, распределение юридических терминов в детских мультфильмах по категориям в соответствии со сферами их использования может быть представлено в виде таблицы, в которой за 100% принимаются отобранные методом сплошной выборки 3000 лексических единиц из более 50 анимационных фильмов и мультсериалов (см. табл. 1).

Кинопродукция, предназначенная для детей до 6 лет, например: *Ben & Holly's Little Kingdom* / «Маленькое королевство Бена и Холли» (2008–2013), *Peppa Pig* / «Свинка Пеппа» (2004–2021), *PAW Patrol* / «Щенячий патруль» (2013–2021), *Team Umizoomi* / «Команда Умизуми» (2010–2015), часто представляет собой сериалы, в которых одна серия длится не более 30 минут. В них преобладают тексты наивного характера, требующие примитивной аналитики, с минимальным количеством специальной лексики (*criminal* / преступник, *robber* / грабитель, *steal* / украсть, *thief* / вор, *be under arrest* / состоять или быть под арестом, *police officer* / полицейский, *traffic warden* / инспектор дорожного движения). В этой категории общезначимые термины составляют почти 100% из

Таблица 1 / Table 1

Соотношение категорий юридических терминов в детских фильмах / Correlation of categories of legal terms in children's films

Возрастная категория зрителя	Категории юридических терминов (из 3000 лексических единиц, составляющих 100%)		
	общезначимые термины	специально-юридические термины	специально-технические термины
0–6 лет	99%	0,5%	0,5%
6–12 лет	60%	20%	20%
12–16 лет	80%	10%	10%

Источник: по данным авторов.

всех выявленных лексем юридического дискурса.

В кинотексте для детей от 6 до 12 лет, например: *Lego* / «Лего. Фильм» (2014), *Tangled* / «Рапунцель: Запутанная история» (2010), *Moana* / «Моана» (2016), *Treasure Planet* / «Планета сокровищ» (2002), появляется чуть более сложный аналитический материал. В тексте наряду с общезначимыми терминами могут встречаться специально-юридические (*vehicle apprehension* / задержание транспортного средства, *moving violation* / нарушение правила передвижения, *juvenile hall* / детская колония) и специально-технические термины. Возможные трудности в понимании и восприятии подобной лексики чаще всего снимаются с помощью контекста, зрительных образов, создания наиболее типичных ситуаций общения. Например, в сцене, где робот-полицейский предупреждает задержанного подростка Джима Хокинса о последствиях нарушения закона, по контексту и интонации понятно, что ни к чему хорошему его проступки не приведут: *Any more slip-ups will result in a one-way ticket to juvenile hall*¹ / Следующее нарушение будет для него путёвкой в Суд по делам несовершенно-

летних, детскую колонию, тюрьму². Такие лексические единицы представляют собой слова со специализированным значением, которые закрепились в литературном употреблении, при этом многие словари не маркируют данные лексемы как термины: *The contract's legal, binding, and completely unbreakable even for you*³ / Договор законный и обязательный к исполнению даже для тебя. По нашим подсчётам соотношение между общезначимыми юридическими терминами, специально-юридическими терминами и специально-техническими терминами в категории от 6 до 12 лет составило 60% : 20% : 20%.

В мультфильмах для возрастной категории от 12 до 16 лет, например: *Coco* / «Тайна Коко» (2017), *Howl's Moving Castle* / «Ходячий замок» (2004), *Nightmare before Christmas* / «Кошмар перед Рождеством» (1993), сценаристы отходят от наивной лексики, насыщая сюжеты более сложными, иногда жуткими и жестокими сценариями, поднимают больше взрослых философских вопросов, что несколько отдаляет лексический состав от юридической сферы, в результате, распределение терминов по категориям выглядит следующим образом: общезначимых – 80%,

¹ *Treasure Planet* [Электронный ресурс] // Lelang: [сайт]. URL: <http://lelang.ru/english/anglijskij-dlya-detej/engl-cartoons/planeta-sokrovishh-na-anglijskom-yazyke-s-subtitrami/> (дата обращения: 10.02.2022).

² Здесь и далее перевод авторов статьи – В. Л., О. К.

³ *The Little Mermaid* (1989) [Электронный ресурс] // Filmatika: [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/the-little-mermaid/ (дата обращения: 10.01.2022).

специально-юридических – 10%, специально-технических – 10%.

Структурно-семантическая классификация юридической терминологической лексики

Многие лингвисты придерживаются широких взглядов в отношении структурного состава терминологических единиц. По мнению Г. О. Винокура, «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции ... В роли термина может выступать всякое слово, как бы оно не было тривиально» [1, с. 5]. Ряд лингвистов поддерживают точку зрения, согласно которой считается возможным употребление разных частей речи в качестве терминологических элементов, а также признаётся существование «полисемии, синонимов и антонимов, многокомпонентных терминов и др.» [7].

Исходя из структурного состава все лексические единицы, которые используются при создании сцен, описывающих типичные ситуации общения по вопросам права, а также стандартные процедуры взаимодействия гражданина с представителями закона и власти, можно разделить на следующие категории:

1. Однокомпонентные лексемы – называют отдельные юридические понятия, правовые концепты.

2. Двухкомпонентные лексемы – представляют собой коллокации, состоящие из двух слов, совместное употребление которых является наиболее типичным.

3. Многокомпонентные лексемы – описывают типовые ситуации взаимодействия персонажей в рамках правового поля с помощью устойчивых сочетаний слов и предложений, которые являются характерными для подобных ситуаций в реальной жизни.

По мнению В. И. Карасика, с помощью клишированных выражений, которые широко используются в институциональном дискурсе, все участники взаимодействия в определённых разновидностях общения ведут диалог «в соот-

ветствии с нормами данного социума» [5, с. 190].

При создании классификации юридической терминологии наряду со структурой специальных лексических единиц необходимо учитывать их семантическую принадлежность к определённому направлению такого огромного лексико-семантического поля, как юриспруденция. Принимая во внимание семантические характеристики юридической лексики, встречающейся в тексте детского анимационного фильма, можно выделить категории терминологических включений, относящиеся к следующим лексико-семантическим полям или областям права.

1. Специальная лексика, используемая для описания уголовных преступлений и следующего за ними наказания, то есть относящаяся к **области уголовного права**:

– однокомпонентные лексемы (70%): *burgle / совершить кражу со взломом, kill / убить, murder / совершить умышленное убийство, strangle / задушить, kidnap / похищать*. Например: *Six months ago, we rescued this little bird from **smugglers**¹ / Шесть месяцев назад мы спасли эту птичку от контрабандистов; Kuzco: ... See, just like I said, I'm the **victim** here!² / Как я уже говорил, я жертва в этой истории.*

Такие лексемы часто используются в сочетании с эпитетами для усиления стилистического эффекта, например, гиперболизации: *Which of the **world's villains** is responsible for this **heinous crime**? And where will he strike next?³ / Кто из великих злодеев совершил это одиозное преступление и где ждать следующего удара?; Our honey is being **brazenly stolen on a massive***

¹ Rio [Электронный ресурс] // JustWatch: [сайт]. URL: <https://www.justwatch.com/sg/movie/rio> (дата обращения: 20.12.2022).

² The Emperor's New Groove [Электронный ресурс] // Lelang: [сайт]. URL: <http://lelang.ru/english/anglijskij-dlya-detej/engl-cartoons/pohozhdeniya-imperatora-na-anglijskom-yazyke-s-subtitrami/> (дата обращения: 10.12.2022).

³ Despicable Me [Электронный ресурс] // Filmatika: [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/gadkij-ya (дата обращения: 21.10.2022).

*scale!*¹ / *Наш мёд нагло крадут в огромных масштабах!* или литоты: *And so here we have yet another example of bee culture casually stolen by a human for nothing more than a prance-about stage name. Exploiting tiny, helpless bees*² / *Вот здесь мы имеем ещё один пример пчеловодства, случайно украденного человеком не более чем для сценического псевдонима. Эксплуатация крошечных, беспомощных пчёл.*

– двухкомпонентные лексемы (20%): *Mr. Potato Head: That's Mr. Potato Head to *you* you are backstabbing murderer! Sergeant: ... **juvenile intrusion**, repeat*³ / ... *вторжение несовершеннолетних, повторяю!*; *These are obviously **doctored photo***⁴ / *Это явно поддельные фотографии*; *Moving violation nine-zero-four, section fifteen, paragraph - uh... - Six.... - ...Any more slip-ups will result in a one-way ticket to **juvenile hall***⁵ / *Нарушение правил перемещения девять-ноль-четыре, раздел пятнадцать, параграф ... Шесть .... - ...Ещё одна ошибка приведёт к билету в один конец в колонию для несовершеннолетних.*

– многокомпонентные лексемы (10%): *We apprehended your son **operating a solar vehicle in a restricted area***⁶ / *Мы задержали вашего сына, управлявшего солнечным транспортным средством в запретной*

зоне. Иногда такие конструкции имеют стилистическую окраску, например, могут быть выражены через эвфемизм: ***once we take it...*** / *как только мы её возьмём* (вместо ***once we steal it*** / *как только мы её украдём*), ***we got this...*** / *мы получим вот это ...* (о краже Луны)⁷. Анализируя действия преступников, нельзя не учитывать особую модель мира, представленную в детском кино. В контексте детского анимационного и игрового фильма уголовные преступления могут совершаться персонажами не только в реальном, физическом мире (например: *and then, my faithful Huntsman, **you will kill her!**... And then to make doubly sure you do not fail, bring back her heart in this*⁸ / *и тогда, мой верный Охотник, ты убьёшь её!*... *А затем, чтобы убедиться наверняка, что всё совершено как надо, принеси мне её сердце вот здесь*), но и в мире волшебном при помощи всевозможных заклятий, погружающих всё королевство в сон, как в фильме «Спящая красавица», или убийства посредством отравления, которое можно расколдовать: *And you **turned me into a llama!***⁹ / *И тогда ты превратил меня в ламу!* Действия, направленные на исправление поведения персонажа, также могут включать волшебство: *As **punishment she placed a spell on a castle and all who lived there...***¹⁰ / *В наказание она наложила заклятие на замок и всех, кто там жил ...*

¹ Bee Movie [Электронный ресурс] // Netflix : [сайт]. URL: <https://www.netflix.com/ru/title/70060010> (дата обращения: 15.01.2022).

² Bee Movie [Электронный ресурс] // Netflix : [сайт]. URL: <https://www.netflix.com/ru/title/70060010> (дата обращения: 15.01.2022).

³ Toy Story [Электронный ресурс] // Lelang : [сайт]. URL: <http://lelang.ru/english/anglijskij-dlya-detej/engl-cartoons/istoriya-igrushek-na-anglijskom-s-subtitrami-v-hd/> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Bee Movie [Электронный ресурс] // Netflix : [сайт]. URL: <https://www.netflix.com/ru/title/70060010> (дата обращения: 15.01.2022).

⁵ Toy Story [Электронный ресурс] // Lelang : [сайт]. URL: <http://lelang.ru/english/anglijskij-dlya-detej/engl-cartoons/istoriya-igrushek-na-anglijskom-s-subtitrami-v-hd/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁶ Treasure Planet [Электронный ресурс] // Lelang : [сайт]. URL: <http://lelang.ru/english/anglijskij-dlya-detej/engl-cartoons/planeta-sokrovishh-na-anglijskom-yazyke-s-subtitrami/> (дата обращения: 10.02.2022).

⁷ Despicable Me [Электронный ресурс] // Filmatika : [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/gadkij-ya (дата обращения: 21.10.2022).

⁸ Snow White and the Seven Dwarfs [Электронный ресурс] // OnlineMult : [сайт]. URL: <https://onlinemult.org/2070-belosnezhka-i-sem-gnomov-1937-smotret-multfilm-onlayn.html> (дата обращения: 10.02.2022).

⁹ The Emperor's New Groove [Электронный ресурс] // Lelang : [сайт]. URL: <http://lelang.ru/english/anglijskij-dlya-detej/engl-cartoons/pohozhdeniya-imperatora-na-anglijskom-yazyke-s-subtitrami/> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁰ Beauty and the Beast [Электронный ресурс] // Filmatika : [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/beauty-and-the-beast/ (дата обращения: 10.02.2022).

2. Специальная лексика, используемая для описания ситуаций, связанных с экономическими преступлениями, то есть относящаяся к области **финансового и уголовного права**:

– однокомпонентные лексемы (70%): *bribery* / взяточничество, *fraud* / мошенничество. *And with some luck their marriage may result in lower taxes.*¹ / И, если повезёт, их брак сможет привести к снижению налогов.

– двухкомпонентные лексемы (20%): *tax felony* / налоговое преступление².

– многокомпонентные лексемы (10%): *to sue the human race for stealing our honey, packaging it and profiting from it illegally!*³ / подать в суд на человечество за кражу нашего мёда, его незаконную упаковку и незаконное получение прибыли!

3. Специальная лексика, используемая для описания действий правоохранительных и судебных органов и отдельных представителей закона, то есть связанная с **процессуальным правом**:

– однокомпонентные лексемы (60%): *officer, sheriff, judge, imprison, trial, sue* / офицер, шериф, судья, заключение в тюрьму, суд, предъявление иска.

– двухкомпонентные лексемы (20%): *Law enforcement still has no leads*⁴ / У правоохранительных органов до сих пор нет никаких зацепок; *Captain: AUTO, you are relieved of duty!*⁵ / АВТО, вы отстраня-

етесь от своих обязанностей! (капитан наказывает машину-виновницу в намеренном сокрытии улики); *I wasn't on holiday, Babs. I was in solitary confinement*⁶ / Я не была в отпуске, Бэбс. Я была в одиночном заключении.

– многокомпонентные лексемы (20%) чаще всего имеют ритуализированный характер. *All rise! The Honorable Judge Bumbleton presiding. All right. Case number 4475, Superior Court of New York, Barry Bee Benson versus the Honey Industry is now in session*⁷ / Всем встать! Председательствует distinguished судья Бамблтон. Итак, на сегодняшнем заседании суда в Высшем суде Нью-Йорка рассматривается дело № 4475, Барри Би Бенсон выступает против Медовой промышленности; *Little Pig: Lord Farquaad. He huffed, and he puffed... and he signed an eviction notice*⁸ / Поросёнок: лорд Фаркваад. Он пыхтел, пыхтел ... и подписал уведомление о выселении; *Your Honor, we're ready to proceed. Mr. Montgomery, your opening statement, please. Ladies and gentlemen of the jury, I would have to negotiate with the silkworm for the elastic in my britches!*⁹ / Ваша честь, мы готовы продолжить. Мистер Монтгомери, ваше вступительное слово, пожалуйста. Дамы и господа присяжные, мне пришлось бы вести переговоры с шелкопрядом за резинку в моих штанах!; *They have presented no compelling evidence to support their charges against my clients, who run legitimate businesses*¹⁰ / Они не представили никаких убедительных

¹ The Swan Princess // Фильмы на английском. Movies in English : страница VK Видео [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-104965865_456239142 (дата обращения: 10.12.2022).

² Zootopia [Электронный ресурс] // English-films : [сайт]. URL: <https://english-films.com/action/612-zootopia-2016-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения 10.10.2021).

³ Bee Movie [Электронный ресурс] // Netflix : [сайт]. URL: <https://www.netflix.com/ru/title/70060010> (дата обращения: 15.01.2022).

⁴ Despicable Me [Электронный ресурс] // Filmatika : [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/gadjij-ya (дата обращения: 21.10.2022).

⁵ Wallie [Электронный ресурс] // Lelang : [сайт]. URL: <http://lelang.ru/english/anglijskij-dlya-detej/engl-cartoons/vall-i-na-anglijskom-yazyke-s-subtitrami/> (дата обращения: 10.02.2022).

⁶ Chicken Run [Электронный ресурс] // Free Movies Online : [сайт]. URL: <https://www.mov.onl/2020/10/chicken-run.html> (дата обращения: 10.02.2022).

⁷ Bee Movie [Электронный ресурс] // Netflix : [сайт]. URL: <https://www.netflix.com/ru/title/70060010> (дата обращения: 15.01.2022).

⁸ Shrek [Электронный ресурс] // JustWatch : [сайт]. URL: <https://www.justwatch.com/sg/movie/shrek> (дата обращения: 20.12.2021).

⁹ Bee Movie [Электронный ресурс] // Netflix : [сайт]. URL: <https://www.netflix.com/ru/title/70060010> (дата обращения: 15.01.2022).

¹⁰ Bee Movie [Электронный ресурс] // Netflix : [сайт]. URL: <https://www.netflix.com/ru/title/70060010> (дата обращения: 15.01.2022).

доказательств в поддержку своих обвинений против моих клиентов, которые ведут законный бизнес.

4. Специальная лексика, используемая для заключения контрактов и сделок, то есть относящаяся к области **корпоративного права**:

– однокомпонентные лексемы (50%):
... *What if Odette doesn't go for the merger?*¹ / *А что, если Одетт не пойдет на слияние?*

– двухкомпонентные лексемы (25%):
Pacha: *We **shook hands on it!*** Kuzco: *I got a little secret for you. Come here. No, closer. ... I don't **make deals** with peasants!*² / *Пача: Мы же руки пожали! Кузко: У меня для тебя есть маленький секрет. Подойди-ка. Поближе... Я не заключаю сделок с крестьянами!*

– многокомпонентные лексемы (25%):
(Ursula to Triton): *The **contract's legal, binding, and completely unbreakable***³. / (Урсула Тритону): *Договор законный и обязательный к исполнению даже для тебя.*

5. Специальная лексика, используемая при составлении завещаний и обсуждении наследства, то есть относящаяся к области **наследственного права**:

– однокомпонентные лексемы (70%):
*He had no **heir** to the throne*⁴ / *А наследника престола у него не было.*

– двухкомпонентные лексемы (20%):
Lawyer: ... *Gusteau's **business interests** will*

*pass to his sous chef, you!*⁵ / *Деловые интересы Густо перейдут к его су-шефу, то есть к тебе!*

– многокомпонентные лексемы (10%):
Lawyer: *Well, the **will stipulates that if after two years from the date of death, no heir appears***...⁶ / *Так вот, в завещании оговаривается, что если по истечении двух лет со дня смерти наследник не объявится ...*

Проведённый структурно-семантический анализ более 3000 примеров позволяет подсчитать процентное соотношение выявленных категорий терминологических включений. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Соотношение лексико-семантических категорий юридических терминов / Correlation of lexical and semantic categories of legal terms

область права или лексико-семантическое поле	процент лексики от 3000 лексических единиц
Уголовное право	33%
Финансовое и уголовное право	23%
Процессуальное право	20%
Корпоративное право	13%
Наследственное право	10%

Источник: данные авторов.

Заключение

В результате проведённого исследования встречающейся в тексте детского анимационного фильма юридической лексики, а также анализа коммуникативных ситуаций, в которых использование юридической терминологии в таком нетипичном для юридического термина жанре, как детское кино, становится значимым, необходимым или неизбежным,

¹ The Swan Princess // Фильмы на английском. Movies in English: страница VK Видео [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-104965865_456239142 (дата обращения: 10.12.2022).

² The Emperor's New Groove [Электронный ресурс] // Lelang: [сайт]. URL: <http://lelang.ru/english/anglijskij-dlya-detej/engl-cartoons/pohozhdeniya-imperatora-na-anglijskom-yazyke-s-subtitrami/> (дата обращения: 10.12.2022)

³ The Little Mermaid (1989) [Электронный ресурс] // Filmatika: [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/the-little-mermaid/ (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ The Swan Princess // Фильмы на английском. Movies in English: страница VK Видео [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-104965865_456239142 (дата обращения: 10.12.2022).

⁵ Ratatouille [Электронный ресурс] // JustWatch: [сайт]. URL: <https://www.justwatch.com/sg/movie/ratatouille> (дата обращения: 10.01.2022).

⁶ Ratatouille [Электронный ресурс] // JustWatch: [сайт]. URL: <https://www.justwatch.com/sg/movie/ratatouille> (дата обращения: 10.01.2022).

можно сделать вывод о том, что данный лексический пласт в детском кинотексте имеет следующие особенности:

– характеризуется разнообразием структурного состава, так как в тексте детского анимационного фильма встречаются как одно- и двухкомпонентные лексические единицы, так и многокомпонентные сочетания слов, при этом основная часть проанализированных в рамках данного исследования лексем, от 50 до 70%, представляют собой однокомпонентные терминологические включения;

– может быть представлен не только общезначимыми терминами (хотя таких встречается абсолютное большинство – от 60 до 99% в зависимости от возрастной категории зрителя), но и более узкоспециализированными лексическими единицами, процент которых составляет от 0,5 до 20%;

– относится к различным областям права, при этом уголовное право представлено наибольшим количеством случаев употребления исследуемых терминологических единиц, что по нашим подсчётам составило одну треть часть от общего числа всех анализируемых терминов;

– обладает особой семантической подвижностью, так как способен расширять свои речевые смыслы и коннотации, на фоне, например, юмористического контекста, что обычно не присуще юридическим терминам в профессиональном

контексте, в результате чего происходит семантическая трансформация путём приращения смысла используемых терминов для достижения соответствующего коммуникативного эффекта;

– в ряде проанализированных примеров юридическая терминология используется как средство для достижения определённого стилистического эффекта наряду с другими элементами художественного дискурса, а отсылка к правовым нормам несёт скорее эмотивный, чем информативный характер с целью произвести впечатление на слушателя.

Проведённое исследование позволяет расширить представление о специфике значений терминологической и нетерминологической юридической лексики в контексте языка и речи, а также вносит свой вклад в изучение механизмов процесса детерминологизации правовой терминологии, характерного для современного этапа развития языка. Полученные данные могут быть использованы в дальнейшем для исследования стилистических и прагматических особенностей функционирования специальной лексики не только в рамках определённого вида аудиовизуального текста, но и с точки зрения её влияния на речевой онтогенез, когнитивные процессы и формирование сознания юного носителя языка.

Дата поступления в редакцию 10.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. М.: ЛИТЕРА, 1939. Т. 5. Сборник статей по языковедению. С. 3–54.
2. Глинская Н. П. Вариантность юридических терминов в когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 617–621.
3. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Перспективные направления развития терминологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 18–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-18-28.
4. Иконникова В. А., Цверкун Ю. Б. Лингвокультурологические исследования англоязычных отраслевых терминологий и современные технологии в лингвистике. М.: ООО «Русайнс», 2021. 188 с.
5. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1998. С. 189–191.
6. Клычков Г. С. Значение и полисемия слова // Законы семантического развития в языке: сборник научных трудов. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1961. С. 100–120.

7. Лантюхова Н. Н., Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его существенные признаки // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. 2013. № 1 (6). С. 42–45.
8. Лукьянова В. С., Колоскова О. А. Особенности прагматических функций экономических терминов в детском англоязычном анимационном фильме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 27–34. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-27-34.
9. Маркова А. В. Проблема юридизации естественного языка в современной лингвистике // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 86–89.
10. Милославская Д. И. Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 104–116.
11. Моргунова М. Н., Соколова М. О. Неофициальная юридическая лексика в современном английском языке: структурно-семантические особенности // Научная мысль Кавказа. 2021. № 2 (106). С. 135–140. DOI: 10.18522/2072-0181-2021-106-2-135-140.
12. Попова Е. П. Взаимодействие общеупотребительного и юридического языков: история, современность и перспективы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 79–95.
13. Романова Т. А. Общие и частные вопросы изучения специальной лексики (на примере специальной лексики анимации) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 64–78. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-64-78.
14. Ускова Т. В. Когнитивно-дискурсивные особенности англоязычной юридической терминологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 191 с.
15. Филиппова И. Н. Культуроцентризм визуального интертекста в анимации сказок А. С. Пушкина // Язык. Культура. Перевод: сборник материалов V Международной научной конференции (Магадан, 14 октября 2022 г.). Красноярск: ООО «Научно-инновационный центр», 2023. С. 313–322.
16. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Народ и язык: равнозначность или пересечение? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 9 (851). С. 59–70. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_59.
17. Шарафутдинова Н. С. О составе специальной лексики // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2001. № 1 (13). С. 72–76.
18. Юсупова Л. Г., Казыханова Г. Х. Особенности профессиональной лексики и её отличие от терминов // Достижения вузовской науки. 2016. № 21. С. 175–178.
19. Vlasova L. V. Scope extension that forms the secondary meaning in legal terminology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11. № 5. P. 850–854. DOI: 10.17516/1997-1370-0276.

REFERENCES

1. Vinokur G. O. [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology]. In: *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury* [Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature]. Moscow, LITERA Publ., 1939, Vol. 5. Collection of articles on linguistics, pp. 3–54.
2. Glinkaya N. P. [Variation of law terms in cognitive aspect]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2013, no. 14, pp. 617–621.
3. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. [Perspective directions of terminological research]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 5, pp. 18–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-18-28.
4. Ikonnikova V. A., Tsverkun Yu. B. *Lingvokul'turologicheskiye issledovaniya angloyazychnykh otraslevykh terminologii i sovremennyye tekhnologii v lingvistike* [Linguistic and cultural studies of English-language industry terminologies and modern technologies in linguistics]. Moscow, «Rusayns» Publ., 2021. 188 p.
5. Karasik V. I. [On the categories of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskiye i emotivnyye aspekty* [Language personality: sociolinguistic and emotive aspects]. Volgograd, Peremena Publ., 1998, pp. 189–191.

6. Klychkov G. S. [Meaning and polysemy of a word]. In: *Zakony semanticheskogo razvitiya v yazyke* [Laws of semantic development in language]. Moscow, Publishing House of the Higher Party School and the Academy of Social Sciences, 1961, pp. 100–120.
7. Lant'yukhova N. N., Zagorovskaya O. V., Litvinova T. A. [Term: definition and its essential features]. In: *Vestnik Voronezhskogo instituta GPS MChS Rossii* [Bulletin of Voronezh Institute of State Fire Service of Russian Emergencies Ministry], 2013, no. 1 (6), pp. 42–45.
8. Lukyanova V. S., Koloskova O. A. [Pragmatic functions of economic terms in animated movies for children]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 6, pp. 27–34. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-27-34.
9. Markova A. V. [Problem of juridization of natural language in contemporary linguistics]. In: *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2015, no. 1 (68), pp. 86–89.
10. Miloslavskaya D. I. [Typical difficulties in the semantic interpretation of a legal text]. In: *Yurislingvistika* [Legal Linguistics], 2000, no. 2, pp. 104–116.
11. Morgunova M. N., Sokolova M. O. [Informal legal vocabulary in modern English: structural and semantic features]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], 2021, no. 2 (106), pp. 135–140. DOI: 10.18522/2072-0181-2021-106-2-135-140.
12. Popova Ye. P. [Interaction of common and legal languages: history, modernity and prospects]. In: *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznaniye. Referativnyy zhurnal* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics. Abstract journal], 2019, no. 4, pp. 79–95.
13. Romanova T. A. [General and special questions of studying special vocabulary (by the example of special vocabulary of animation)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 2, pp. 64–78. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-64-78.
14. Uskova T. V. *Kognitivno-diskursivnyye osobennosti angloyazychnoy yuridicheskoy terminologii: dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive-discursive features of English-language legal terminology: PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2008. 191 p.
15. Filippova I. N. [Cultural centrism of visual intertext in the animation of A. S. Pushkin's fairy tales]. In: *Yazyk. Kul'tura. Perevod: sbornik materialov V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Magadan, 14 oktyabrya 2022 g.)* [Language. Culture. Translation: collection of materials of the V International Scientific Conference (Magadan, October 14, 2022)]. Krasnoyarsk, OOO «Nauchno-innovatsionnyy tsentr» Publ., 2023, pp. 313–322.
16. Khukhuni G. T., Valuytseva I. I. [Ethnos and language: equipollency or intersection?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2021, no. 9 (851), pp. 59–70. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_59.
17. Sharafutdinova N. S. [About structure of special lexicon]. In: *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], 2001, no. 1 (13), pp. 72–76.
18. Yusupova L. G., Kazykhanova G. Kh. [Features of professional vocabulary and its difference from terms]. In: *Dostizheniya vuzovskoy nauki* [Achievements of university science], 2016, no. 21, pp. 175–178.
19. Vlasova L. V. Scope extension that forms the secondary meaning in legal terminology. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 850–854. DOI: 10.17516/1997-1370-0276.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукьянова Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал);
e-mail: vlukyan0203@yandex.ru, v.lukyanova@odin.mgimo.ru;

Колоскова Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал);
e-mail: o-kolosk@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina S. Lukyanova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Odintsovo branch);
e-mail: vlukyan0203@yandex.ru, v.lukyanova@odin.mgimo.ru

Olga A. Koloskova – Senior Lecturer, Department of English language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Odintsovo branch);
e-mail: o-kolosk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лукьянова В. С., Колоскова О. А. Структурно-семантические особенности юридической лексики в детском англоязычном анимационном фильме // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 45–58.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-45-58

FOR CITATION

Lukyanova V. S., Koloskova O. A. Structural and semantic features of legal vocabulary in an English animated film for children. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 45–58.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-45-58

УДК 81'366.594

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-59-65

УПОТРЕБЛЕНИЕ СОЮЗА (أَوْ [ʾaw] – «ИЛИ») ПРИ ОБРАЗОВАНИИ НАКЛОНЕНИЯ نَصْب 'NAṢB' (СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ) В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

Хамада З. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать мнения грамматиков и лексикографов относительно употребления союза *أَوْ* [ʾaw] в большинстве типов предложений, в которых за *أَوْ* [ʾaw] следует глагол в *نصب* – в сослагательном наклонении в арабском языке.

Процедура и методы. Исследование проводилось методом лингвистического, историографического и сравнительного анализа.

Результаты. Особое внимание уделено наиболее выдающимся ранним грамматикам Сибавейхи и аль-Фарра, представляющим школы Басры и Куфы соответственно. Определён подход к изучению наклонения *نصب* – глагола «сослагательное наклонение», обусловленного *عطف* [ʾaʔf] – «присоединением» между двумя несоответственными элементами, а именно существительным и глаголом.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье представлены грамматические факторы, вызывающие наклонение *نصب* – «в сослагательном наклонении» в глаголе, следующем за союзом *أَوْ* [ʾaw] в арабском языке.

Ключевые слова: *naṣb* «сослагательное наклонение», существительное, глагол, несоответственные элементы, арабский, союз

USE OF THE CONJUNCTION (أَوْ [AW] – “OR”) WHEN FORMING THE MOOD نَصْب 'NAṢB' (SUBJUNCTIVE) IN ARABIC

Z. Hamada*State University of Education**ulitsa VERA Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the opinions of grammarians and lexicographers regarding the use of the conjunction *أَوْ* [ʾaw] in most types of sentences in which *أَوْ* [ʾaw] is followed by a verb in *نصب* – in the Subjunctive mood in Arabic.

Methodology. The study was conducted based on the methods of linguistic, historiographic and comparative analyses.

Results. Close attention is paid to the most outstanding early grammars of Sibawayhi and al-Farra, representing the schools of Basra and Kufa, respectively. An approach to the study of the mood *نصب* – the verb as "Subjunctive", due to *عطف* [ʾaʔf] – "attachment" between two not corresponding elements, namely a noun and a verb, is defined.

Research implications. The article presents the grammatical factors that cause the mood نصب – “in the Subjunctive mood” in the verb following the conjunction أو [aw] in Arabic.

Keywords: naṣb’ “Subjunctive”, noun, verb, not corresponding elements, Arabic, conjunction

Введение

Наклонение как грамматическая категория существует почти во всех языках мира, т. к. реализует, в первую очередь, понятие модальности. Без модальности человеческая коммуникация вряд ли возможна, поэтому исследования этого языкового явления не прекращаются. Перед нами стояла задача – рассмотреть этапы изучения наклонения, а именно, сослагательного наклонения, в историографическом плане на примере арабского языка.

Наклонение, или «модус», относится к свойствам арабского глагола в изъявительном, сослагательном, юссивном наклонениях и императиве. Эти категории, или морфосинтаксические свойства, отражают контекстуальные модальности, обуславливающие действие глагола. Например, изъявительное наклонение характерно для прямых, фактических утверждений или вопросов, в то время как сослагательное наклонение отражает отношение к действию, такое как сомнение, намерение, желание или необходимость, а также юссивное наклонение, когда оно используется для повелительного наклонения, указывает на отношение приказа, просьбы или потребности в действии со стороны говорящего.

В арабском языке обозначение наклонения делается только на основе настоящего времени или несовершенного вида; вариантов наклонения для прошедшего времени нет. Таким образом, арабские наклонения не конечны; то есть они не относятся к конкретным моментам времени и не различаются по времени. Время выводится из контекста и других частей предложения.

Сослагательное наклонение – это второй тип наклонения в арабском языке. Это выразительный и чёткий способ отличить значения друг от друга. Объект всегда имеет сослагательное наклонение

в качестве своего особого наклонения, поэтому это наклонение отличает его от подлежащего, имеющего изъявительное наклонение [10].

Глагол несовершенного вида подпадает под сослагательное наклонение, если ему предшествует один из следующих артиклей: أن [ʿan] – «что, чтобы»; لن [lan] – «не»; كي [kay] – «для того, чтобы»; إذا [ʿiḍā] – «тогда»; أو [ʿaw] – «или»; حتى [ḥattā] – «пока»; و [wa-] – «и»; ف [fa-] – «в результате чего»; ل [li-] – «для того, чтобы» [2].

1. Описание материала и методов исследования

Союз أو [ʿaw] является одним из союзов, после которых глагол может принимать نصب [naṣb] – сослагательное наклонение. Все грамматики подчёркивают, что в большинстве типов предложений, в которых за أو [ʿaw] следует глагол в نصب (сослагательном наклонении), он выражает значение, отличное от его обычного значения как союза «или». Однако в том предложении, в котором существительное и глагол несовершенного вида соединены с помощью أو [ʿaw], а глагол – منصوب [manṣub] (в сослагательном наклонении), أو [ʿaw] принимается как имеющее своё обычное значение «или», а наклонение نصب – сослагательное наклонение глагола объясняется как обусловленное عطف [ʿatf] – «присоединение» между двумя несоответственными элементами, а именно существительным и глаголом. Этот принцип применим не только к أو [ʿaw], но и к другим союзам.

Средневековые исследователи по-разному рассматривали этот процесс.

Сибавейхи (VIII век)

Сибавейхи [17] посвящает целую главу в его книге كتاب [Kitāb] («Книга») أو [ʿaw] – «или», за которым следует نصب – сослагательное наклонение. Там он рас-

смаатривает типы предложений, в которых за *أو* – «или» может следовать *نصب* – сослагательное наклонение, и приводит примеры из речи бедуинов, Корана и древней поэзии.

Аль-Фарра (VIII век)

Аль-Фарра рассматривает *أو* [ʾaw] – «или», за которым следует *نصب* – сослагательное наклонение в своём комментарии к четырём кораническим стихам: Коран [3:128, 14:13, 42:51 и 48:16]. Его взгляд на эти стихи рассматривается в соответствующих разделах этой главы.

Другие грамматики

Большинство других грамматиков вообще не рассматривает *أو* – «или», за которым следует глагол *صوب* – в сослагательном наклонении. Некоторые даже не упоминают об этом в описании наклонения *نصب* – сослагательное наклонение [9; 13].

2. Факторы, заставляющие глагол, следующий за *أو* – «или», быть *منصوب* – в сослагательном наклонении

Граматики расходятся во мнениях относительно того, что вызывает *نصب* – сослагательное наклонение в глаголе, который следует за *أو* – «или». Точка зрения Сибавейхи, с которой соглашается большинство грамматиков, состоит в том, что наклонение *نصب* – сослагательное наклонение связано со скрытой частицей *an*.

Аль-Фарра описывает это наклонение принципом *خلاف* [xilaf] – «разногласие» объяснением, приписываемым куфанцам в целом, а басранский грамматист Аль-Джарми придерживается мнения, которое некоторые приписывают и Аль-Кисаи, что сам союз порождает *نصب* – сослагательное наклонение в следующем глаголе [8; 12].

Сибавейхи

Сибавейхи утверждает, что наклонение глагола, следующего за *أو* – «или», связано с влиянием *أن المضمرة* – «скрытая *an*».

Первое предложение главы 243 в его книге *كتاب* [Kitāb] («Книга»), посвящён-

ное *أو* – «или», звучит так: *إعلم أن ما انتصب بعد أو فإنه ينتصب على إضمار أن* [i'lam 'anna mā ntaṣaba ba'da 'aw fa'innahu yantaṣibu 'alā 'idmāri 'an] – «знай, что то, что есть [منصوب منصوب] [manṣub] (т. е. глагол منصوب [manṣub]), следующий за *أو* – «или», помещается в *نصب* – «сослагательное наклонение» из-за скрытого *an* в уме говорящего». Впоследствии Сибавейхи сравнивает *نصب* – «сослагательное наклонение», следующий за *أو* – «или», с *نصب* – «сослагательное наклонение», следующим за союзами [fa-] и [wa-] и упоминает несколько сходств. Во-первых, глагол, следующий за всеми тремя союзами, находится в *نصب* (сослагательном наклонении) из-за скрытой *an*, которая не произносится в буквальном высказывании. Во-вторых, структура *تقدير* [taqdīr] – «смысл в уме говорящего» предложений с каждым из этих трёх союзов аналогична, с существительным, прикреплённым к элементу, эквивалентному существительному [17].

Например, структура *تقدير* [taqdīr] – «смысл в уме говорящего» слова *لألزمناك أو* [la'alzamnaka 'aw tu'tiyāni] – это *تؤتيني* [la'alzamnaka 'aw tu'tiyāni] – это *لاكونا لزوم أو أن تؤتيني* [laakūnanna l-luzūmu 'aw 'an tu'tiyāni] – «обязательно будет привязанность [между вами и мной] или то, что вы дадите мне [что-то]». Что касается значения *أو* – «или» в этом контексте Сибавейхи отмечает, что это *إلا* ['illā 'an] – «пока не», значение, которое отличается от значения структуры *تقدير* [taqdīr], где встречается *أو أن* ['aw 'an], а не *إلا أن* ['illā 'an] – «пока не». Это третья точка сходства между *أو* ['aw] и двумя союзами [fa-] и [wa-], когда за ними следует глагол [منصوب manṣub] – в сослагательном наклонении: их значения не выводятся из структуры *تقدير* [taqdīr] [17].

Аль-Фарра

Согласно аль-Фарра, наклонение *نصب* [naṣb] (сослагательное наклонение), следующее за *أو* – «или», а также другими союзами, связано с *خلاف* [xilaf] – «разногласие». Суть этого принципа заключается в том, что из-за разницы в значении между глаголами, предшествующими и следую-

щими за союзом, последний есть [منصوب *manṣub*] (в сослагательном наклонении).

Считается, что, по мнению аль-Фарра, значение «إلى 'ilā» или «إلا 'illā» добавляется к глаголу منصوب [منصوب *manṣub*] (в сослагательном наклонении), который следует за أو – «или», и поэтому высказывание, следующее за أو – «или», отличается от того, что ему предшествует [1].

В комментарии аль-Фарра к нескольким стихам Корана утверждает, что значение أو ['aw] – حتى [hattā] – «пока» или إلا ['illā 'an] – «пока не». Эти значения отражают реализацию его принципа خلاف (разногласие): глагол, который следует за أو – «или», семантически и, следовательно, синтаксически отличается от того, который ему предшествует.

Другие грамматики

Глагол, следующий за أو ['aw] – «или», является منصوب [manṣub] (в сослагательном наклонении) из-за أن المضمره ['an al-muḍmara] – «скрытая an».

Большинство специалистов по грамматике согласны с Сибавейхи в том, что أن المضمره ['an al-muḍmara] – «скрытая an» объясняет наклонение نصب [naṣb'] (сослагательное наклонение) глагола, следующего за أو – «или», так что структура تقدير – «смысл в уме говорящего» содержит два прикрепленных отглагольных существительных [6; 7].

Некоторые обосновывают эту точку зрения, используя принцип العامل له [al- 'āmil lahu xtiṣāṣ] – «фактор имеет уникальность»: поскольку أو – «или» является союзом и может соединять как существительные, так и глаголы, оно не может иметь синтаксического воздействия ни на то, ни на другое, и, следовательно, наклонение نصب (сослагательное наклонение) должно быть связано с أن المضمره – «скрытая an» (аналогичное объяснение даётся в отношении союзов [fa-] и [wa-]) [4; 5; 15]. Что касается أن ['an], следующего за أو ['aw] в буквальном высказывании, грамматики придерживаются мнения Сибавейхи о том, что это

недопустимо, когда أو ['aw] означает أن ['illā 'an] – «пока не».

Они оправдывают это, используя несколько теоретических аргументов [11; 14].

Глагол, следующий за أو ['aw] – «или», является منصوب [manṣub] (в сослагательном наклонении) из-за خلاف [xilāf] – «разногласие»

Мнение о том, что глагол, следующий за أو – «или», является منصوب – в сослагательном наклонении из-за خلاف – «разногласие», приписывается аль-Фарра в частности и куфанцам в целом [16].

Глагол, следующий за أو – «или», является منصوب [manṣub] (в сослагательном наклонении) из-за влияния самого أو – «или»

Согласно некоторым грамматикам, басрийцы приписывают نصب (сослагательное наклонение), следующий за أو – «или», أن المضمره – «скрытая an», но басрийский грамматист аль-Джарми утверждает, что أو – «или» сам по себе вызывает наклонение نصب (сослагательное наклонение) (это также его точка зрения на [fa-] и [wa-], за которыми следует نصب [naṣb]) [1; 3]. Некоторые приписывают это мнение и аль-Кисаи [12].

3. Разделение между أو ['aw] – «или» и последующим глаголом

Сибавейхи

Сибавейхи не упоминает об этом в своей книге كتاب [Kitāb] («Книга»).

Аль-Фарра

Аль-Фарра, как и Сибавейхи, прямо не касается этого вопроса.

Другие грамматики

Большинство грамматиков вообще не упоминают о возможности разделения أو ['aw] – «или» и следующего за ним глагола.

Теми, кто занимается этим вопросом, являются аль-Астарабади, Ибн Малик, Абу Хайян и Ас-Суяти. Ибн Ас-Саррадж приписывает аль-Аксфашу мнение, что

حتى [*hattā*] – «пока» и следующий за ним глагол могут быть разделены протасисом.

Аль-Астарбади цитирует взгляды Ибн Ас-Сарраджа и некоторые из его примеров относительно حتى – «пока», но приписывает аль-Аксфаду то же мнение относительно أو – «или», а именно, что протасис может стоять между أو – «или» и следующим за ним глаголом منصوب – «в сослагательном наклонении», как в لا أسيرُ [*lā asīru wallāhi 'aw 'idā qultu laka rkab tarkaba*] – «Клянусь Богом, я, конечно, не поеду, но только тогда, когда я скажу тебе “сядь в автобус!”, ты сядешь» [1].

Ибн Малик, Абу Хайян и Ас-Суюти, с другой стороны, заявляют, что أو – «или» не следует отделять от следующего глагола ни ظرف [*zarf*] – «наречие», наречиями винительного падежа времени и места, ни شرط [*šart*] – «условность». Ас-Суюти утверждает, что такое разделение невозможно, поскольку أو [*'aw*] – это союз, соединяющий два неразделимых элемента (в данном контексте вторым элементом является глагол منصوب – «в сослагательном наклонении» [14].

Заключение

Союз أو [*'aw*] – «или» является одним из союзов, за которым может следовать глагол منصوب – в сослагательном наклонении при определённых условиях:

А. Когда أو [*'aw*] – это настоящий союз, который соединяет два глагола منصوب – (в сослагательном наклонении) в отношениях إشتراك [*išrāk*] – «партнёрство».

Б. Когда أو [*'aw*] соединяет два глагола и означает إلا أن [*'illā 'an*] – «пока не» (или, по мнению некоторых, имеет одно из значений حتى [*hattā*] : إلى أن [*'ilā 'an*] – «до тех пор пока» или كي [*kay*] – «для того, чтобы», в основном первое).

В. Когда أو [*'aw*] соединяет существительное и глагол, два элемента разного рода, и таким образом получается глагол منصوب (в сослагательном наклонении).

В этой статье группы Б и В рассматривались, но не группа А, которая суще-

ственно отличается от двух других: в группах Б и В глагол, следующий за أو [*'aw*], является منصوب – «в сослагательном наклонении» из-за скрытой 'ап (по мнению большинства грамматиков), тогда как в группе А это منصوب – (в сослагательном наклонении), потому что он соединён с другим глаголом منصوب (в сослагательном наклонении), и оба они занимают одно и то же синтаксическое положение.

Грамматики рассматривают вторую группу более подробно, чем третью, и сосредотачиваются в основном на значении أو [*'aw*] в этом контексте. Все значения, предлагаемые для أو [*'aw*], относятся к частицам, после которых глаголы منصوب (в сослагательном наклонении) встречаются при определённых условиях: إلا أن [*'illā 'an*] – «пока не» и حتى [*hattā*] (последнее означает либо إلى أن [*'ilā 'an*] – «до тех пор пока» либо كي [*kay*] – «для того, чтобы»). Это может показаться попыткой грамматиков объединить إعراب [*i 'rāb*] – «изменение окончаний по наклонениям» (здесь: наклонение [*naṣb*] – сослагательное наклонение глагола, следующего за أو [*'aw*]) со значением этого союза в контексте [*naṣb*] – (сослагательное наклонение): أو [*'aw*], за которым следует глагол منصوب – в сослагательном наклонении, имеет то же значение, как и другие частицы, за которыми может следовать такой глагол.

Что касается третьей группы, то Сибавейхи уже чётко отличает её от второй группы. Другие грамматики, напротив, не всегда проводят такого чёткого различия.

Выводы

Таким образом, можно сделать следующие выводы: термин التَّصْبُ 'alnasb' (modus coniunctivus) употребляется в арабском языке в ином значении, чем в других языках. Эта форма характерна для зависимых (придаточных) предложений со значениями воли, желания, сомнения, запрещения, а также цели и следствия, но разграничить сферу употребления той

или иной частицы, маркирующей сослагательное наклонение в арабском языке, сложно, так как большинство частиц являются полными синонимами.

Выдающиеся грамматики Басранской школы (Сибавайхи, Аль-Ахфаш, Аль-Муббаред, Ибн Ас-Сарраж) считали, что сослагательное наклонение является более эффективным средством выражения желания или приказа и что оно должно использоваться в этих случаях. Эти споры продолжались многие столетия. По мнению представителей этой школы, сослагательное наклонение используется для обозначения команды или запрещения. Они считают, что наклонение используется для выражения императива с подразумеваемым условием.

Углублённое понимание грамматических факторов, вызывающих наклонение

(сослагательное наклонение) в глаголе, следующем за союзом *أَوْ* ['aw] в арабской глагольной системе, в дополнение к правильному употреблению многозначного союза *أَوْ* ['aw] во всех типах предложений может способствовать модернизации методов обучения арабскому языку в иноязычной аудитории и методов обучения переводу, поскольку использование несоответствующих значений при переводе с арабского языка на разноструктурные языки приводит к системным ошибкам. Анализ произведений классиков средневекового арабского языкознания и их современная интерпретация позволяет прояснить функционирование этой сложной языковой единицы.

Дата поступления в редакцию 10.07.2023

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. الأسترايادي رضي الدين محمد بن الحسن، شرح كافية ابن الحاجب ج ٤، بيروت: دار الكتب العلمية، ١٨٩٩م، ص ٢١٥
2. الأفغاني، المجاز في قواعد اللغة العربية، بيروت: دار الفكر، ٣٠٠٢م، ص ٢٣٤
3. البيهقي عبد الله بن محمد بن السيد، اصلاح الخلل الواقع في الجمل للزجاجي، الرياض: دار المريخ، ١٩٧٩م، ص ٦٧٣
4. الوراق أبو الحسن البغدادي، العلل في النحو، دمشق: دار الفكر، ٢٠٠٢م، ص ٦١٤
5. الجرجاني عبد القاهر، شرح الجمل في النحو، ط ١، القاهرة: مكتبة الثقافة الدينية، ١١٠٢م، ص ٤٧٢
6. الزجاجي أبو القاسم عبد الرحمن ابن اسحاق، الجمل في النحو، باريس: مطبعة كلينسيك، ١٧٥٩م، ص ٢٠٤
7. الميرد أبو العباس، المقتضب ج ٢، القاهرة: مؤسسة دار التحرير، ١٩٩١م، ص ٤٧٣
8. الأشموني أبو الحسن نور الدين، شرح الأشموني على ألفية ابن مالك ج ٣، بيروت: دار الكتب العلمية، ١٨٩٩م، ص ٤٦٤
9. الفارسي أبو علي الحسن، المقتصد في شرح الإيضاح ج ١، بغداد: دار الرشيد، ١٣٨٩م، ص ٢٨٦
10. الحلواني، الواضح في النحو والصرف، سوريا: مكتبة الشات، ١٩٧٩م، ص ٥٥٣
11. الشريف الكوفي جمال الشرف أبو البركات، البيان في شرح اللمع لابن جني، عمان: دار عمار، ٢٠٠٢م، ص ٨٥٨
12. ابن عقيل، المساعد على تسهيل الفوائد ج ٣، ط ١، دمشق: دار الفكر، ١٤٨٩م، ص ٦١٦
13. ابن قتيبة مسلم الدينوري، تلقين المتعلم في النحو، القاهرة: مطبعة حسان، ١٩٨٩م، ص ٣٢٤
14. ابن مالك، تسهيل الفوائد وتكميل المقاصد، القاهرة: دار الكاتب العربي، ١٩٦٩م، ص ٨٣٣
15. ابن الخشاب أبو محمد عبد الله ابن أحمد، المرتجل، دمشق: دار الحكمة، ٢٧٩١م، ص ٦٤٣
16. ابن عصفور أبو الحسن علي بن مؤمن، شرح جمل الزجاجي ج ٢، بغداد: دار الكتب، ٢٨٩١م، ص ٠٠٨
17. سيويه، الكتاب ج ١، ط ١، مصر: المطبعة الكبرى الأميرية، ١٨٩٨م، ص ٧٠٥

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Hamada Ziad Asef – аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения;
e-mail: zoozhamad12@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hamada Ziad – Postgraduate Student, Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, Linguistic Faculty, State University of Education;
e-mail: zoozhamad12@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хамада З. А. Употребление союза (أو [’aw] – «или») при образовании наклонения نصب ‘naşb’ (со-
слагательное наклонение) в арабском языке // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5.
С. 59–65.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-59-65

FOR CITATION

Hamad Z. A. Usage of the conjunction (أو [’aw] - “or”) when forming the mood نصب ‘naşb’ (subjunctive)
in arabic. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 59–65.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-59-65

УДК 81'246.3

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-66-73

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ И СМЕШЕНИЕ КОДОВ В РЕЧИ УЧАЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Шовкович Е. Г.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация**

Цель данной статьи заключается в рассмотрении результатов контактирования трёх языков (английского, русского и казахского) в образовательной полилингвальной среде Республики Казахстан.

Процедура и методы. Материалом для исследования послужили 324 случая переключения и смешения кодов. В работе были применены такие методы, как: опосредованное наблюдение, беседа, количественный метод.

Результаты. Произведённое исследование позволило отметить, что учащиеся в Казахстане переключаются на другой язык, чтобы быть понятым собеседником. В основном слышится казахско-русское переключение, а в свою речь старшеклассники и студенты чаще всего вставляют слова из русского и английского языков.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные выводы углубляют представление о взаимодействии языков в образовательной среде, вносят вклад в дальнейшее развитие теории языковых контактов. Полученные результаты можно использовать в теоретических курсах по социолингвистике, лингвокультурологии.

Ключевые слова: интерференция, переключение и смешение кодов, полилингвальное образование, полилингвизм, трёхязычная система

SWITCHING AND MIXING CODES IN THE SPEECH OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL MULTILINGUAL ENVIRONMENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

E. Shovkovich*State University of Education**ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract**

Aim. To consider the results of contacting three languages (English, Russian and Kazakh) in the educational multilingual environment of the Republic of Kazakhstan.

Methodology. The material for the study was 324 cases of switching and code mixing. The following methods were applied in the work: indirect observation, conversation, quantitative method.

Results. The study made it possible to note that students in Kazakhstan switch to another language in order to be understood by their interlocutor. Basically, Kazakh-Russian switching is heard, and high school students and students most often insert words from Russian and English into their speech.

Research implications. The research conclusions deepen the understanding of the language interaction in the educational environment, contribute to the further development of the theory of language contacts. The results obtained can be used in theoretical courses in sociolinguistics, cultural linguistics.

Keywords: interference, code switching and mixing, multilingual education, multilingualism, trilingual system

Введение

Современное сообщество характеризуется взаимопроникновением языков и культур [2, с. 15], а образование является значимой и наиболее массово-организованной сферой коммуникации, оно влияет на становление мультилингвальной личности в поликультурной среде [8, с. 15]. В образовательных организациях в полиэтнических обществах мы можем наблюдать результаты контакта различных языков. И эти межнациональные контакты порождают разнообразные языковые процессы [7]. Одним из важных аспектов полилингвизма исследователи считают явление перехода говорящих в речи с одного языка на другой [7].

Теоретической основой нашего исследования послужили работы по исследованию переключения языковых кодов и многоязычному образованию Ш. К. Жаркынбековой, Ж. Е. Кенжебаевой, Е. В. Тутовой, П. Гарднер-Хлорос (P. Gardner-Chloros) и др.

Полилингвизм подразумевает регулярное переключение с одного языка на другой в зависимости от ситуации [1]. Такие переходы называются «переключение кодов» или «кодовое переключение»¹.

Переключение языковых кодов представляет собой многоаспектный феномен и является характерной чертой языкового поведения для многих сообществ [6, с. 24]. П. Гарднер-Хлорос относит переключение кода к смене вариантов речевого поведения [10]. Для того чтобы процесс переключения кода осуществлялся успешно, между языками должен про-

исходить непосредственный контакт [9, с. 993].

В то же время в речи часто встречается и смешение кодов, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки. Граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания так, что определение принадлежит одному языку, определяемое – другому; глагол одному языку (с соответствующей морфологией), а зависимые от него слова – другому и т. п.². Они различимы именно как включения, как слова из другого языка. Смешение кода может происходить автоматически, когда человек в равной степени владеет несколькими (зачастую двумя) языками и интуитивно заменяет какое-то «потерявшееся в памяти» слово на другое из другого языка. Точно так же происходит переход на другой язык в ситуации, когда в языке нет эквивалентной единицы [4, с. 470].

Смешение и переключение кодов можно наблюдать только тогда, когда в обществе общаются на нескольких языках, и так как в школах и вузах Казахстана теперь введена политика трёхязычия, очень часто в речи учащихся можно услышать, как ученики переходят с одного языка на другой; вставляют в свою речь слова из русского, казахского и английского языков.

В данной статье мы рассматривали переключение и смешение кодов в речи учащихся в образовательной среде Республики Казахстан. Целью нашего исследования было рассмотреть результаты контактирования трёх языков (англий-

¹ См.: Языковой код. Переключение и смешение кодов [Электронный ресурс] // Студопедия: [сайт]. URL: <https://studopedia.org/6-45076.html> (дата обращения: 23.10.2022).

² См.: Переключение и смешение кодов [Электронный ресурс] // Студми: [сайт]. URL: https://studme.org/76142/sotsiologiya/pereklyuchenie_smeshenie_kodov (дата обращения: 23.10.2022).

ского, русского и казахского), проанализировать примеры языкового смешения и переключения кодов, а также выяснить, по какой причине учащиеся переключаются с одного языка на другой и какое переключение кодов (русско-казахское, казахско-русское или русско-английское, казахско-английское) слышится гораздо чаще.

В 2022 г. нами были рассмотрены контексты переключения и смешения кодов, наблюдаемые в повседневной практике общения среди учащихся школы-лицея и среди студентов города Караганды. Эти данные были получены при помощи опосредованного наблюдения (учительницы школы-лицея г. Караганды и одной из студенток КарГТУ; для обеих русский язык является родным), и так как для анализа было получено лишь 50 примеров, то мы также извлекли контексты переключения и смешения кодов из современного молодёжного веб-сериала «Сыныптас» (первый сезон)¹, режиссёром которого является Атхам Сайдуллаев. Это веб-сериал на казахском языке, сюжет которого рассказывает о простых школьниках. Нами был выбран именно этот веб-сериал, так как в нём показаны типичные ситуации, аналогичные общению в реальной практике, и в нём прекрасно отражается практика смешения и переключения кодов. По результату анализа получилось 274 примера. Всего было выявлено 324 случая смешения и переключения.

Переключение и смешение кодов в речи учащихся в образовательной среде Республики Казахстан

Жикеева А. Р. в своём автореферате отметила, что «переключение с одного языка на другой происходит при смене ситуации, при желании показать знание второго языка, языка своего собеседника,

в целях расположить к себе собеседника, либо при ущербной компетенции второго языка» [5, с. 20], но мы исходили из того, что перечисленные факторы не обязательно являются центральными, чтобы мотивировать переключение и смешение кода среди мультилингвов. Ниже будет представлено несколько ситуаций и примеров (из веб-сериала), где переключение происходит и по другим причинам.

Ситуация 1. На уроке русского языка в казахском классе. Ученик отвечает у доски.

Ученик 1: Словосочетание это связано между ээ ...

Ученик 2 (подсказывает): Между нами тает лёд.

Ученик 1 (повторяет): Между нами тает лёд ...

Учитель: Что?

Ученик 1: Ни что, нормально.

Учитель: Всё понятно, ты не знаешь, иди садись, тебе двойка.

Ученик 1 (на казахском): ... **жене кандай негизде?** (рус. «и на каком основании?»)

Учитель: Какой ещё **жене кандай негизде**, я же говорю тебе двойка, иди садись.

В этом примере мы видим, что ученик во время своего ответа перешёл на свой родной (казахский) язык и сделал это из-за нахлынувших эмоций.

Ситуация 2. Ученика вызвали к директору из-за того, что нашли складной нож.

Директор: **Бұл қайдан шыққан нәрсе?** (рус. «Откуда эта штукавина?»)

Ученик: Made in China.

В этой приведённой ситуации учащийся перешёл на другой язык, потому что фраза “Made in China” уже стала классическим выражением.

Но чаще всего в казахской речи проскакивают слова и фразы из других языков, то есть, мы наблюдаем уже не языковое переключение, а смешение. Смешение кода представлено главным образом линейной последовательностью слов из ка-

¹ См.: Synyptas /Сыныптас / /сериал // /kak budto : YouTube-канал. URL: /https://www.youtube.com/watch?v=PTzrU8vdmsU&t=1s (дата обращения: 23.10.2022).

захского, русского и английского языков внутри высказывания.

Примеры контекстов смешения кода в повседневном общении учащихся:

– «Я тебе сказала **жок**» (рус. «я тебе сказала нет»);

– «Мен солай ойлаймын **короче** кейін сөйлесеміз» (рус. «Я тоже так думаю, короче потом поговорим»);

– «Ты что? Там тема **easy!**» (рус. «Ты что? Там тема лёгкая»).

Примеры контекстов смешения кода в веб-сериале про школу «Сыныптас»:

– «Кездескенше **заброшке**» (рус. «Увидимся на заброшке»);

– «**Брат, ручка** бар ма?» (рус. «Есть ручка?»);

– «Кіммен **вальс** билейсің?» (рус. «С кем танцуешь вальс?»).

При помощи программы miratext.ru был выставлен частотный ряд из извлечённых слов. Ниже в табл. 1 представлен топ-15 слов, благодаря которому мы понимаем, что казахоязычные школьники и студенты чаще всего вставляют в свою речь такие слова из русского языка как: «давай, давайте» (в качестве слов про-

щания), «нормально», «в смысле», «хорошо», «брат» (как обращение одного одноклассника к другому); вводные слова: «короче», «так»; междометие: «чё» и т. д.

Благодаря упорядоченному представлению информации, мы легко можем выявить, какие английские слова вставляют в свою речь казахоязычные студенты и школьники. На английском чаще всего встречаются слова: “hello”, “hi”, “sorry”, “money” и пр. (см. табл. 2).

Если в некоторых случаях слова, сказанные на русском, были обусловлены отсутствием того или иного слова в языке (например, такие слова, как «вальс», «математика», «директор», «олимпиада», «профиль» и пр., не имеют перевода на казахский язык и являются полностью заимствованными), то в большинстве случаев языковое переключение не может быть функционально оправданным. Например, если взять уже приведённый выше пример: «Брат, ручка бар ма?», то непонятно, почему ученик в этом случае перешёл на русский язык, ведь этот вопрос можно спокойно перевести на казахский, как: «Аға, қаламыңыз бар ма?».

Таблица 1 / Table 1

Топ-15 русских слов, выявленных в речи казахоязычных учащихся / Top-15 Russian words identified from the speech of Kazakh-speaking students

Слова	Плотность, %	Зона текста + зона ссылок
давай, давайте	5,82	23
короче	5,06	20
чё, че	4,3	17
так	3,29	13
молодцы, молодец	2,03	8
брат	1,77	7
телефон	1,77	7
нормально	1,77	7
(в) смысле	1,52	6
хорошо	1,27	5
братан	1,27	5
директор	1,27	5
точно	1,01	4
прикинь	1,01	4
(ругательство)	1,01	4

Таблица 2 / Table 2

Список английских слов, выявленных в речи казахоязычных учащихся /
A list of English words identified from the speech of Kazakh-speaking students

Слова	Плотность, %	Зона текста + зона ссылок
hello	0,51	2
hi	0,51	2
money	0,51	2
sorry	0,51	2
okay	0,25	1
made in China	0,25	1
welcome	0,25	1
happy birthday to you	0,25	1
this is my room	0,25	1
what	0,25	1
easy	0,25	1

В таком примере, как: «о кандай спортсмен», слово «спортсмен» есть в казахском языке: «спортшы», или фраза «что за beautiful girl» легко переводится на казахский – «кандай әдемі қыз» или на русский – «какая красивая девочка». Вопрос, касающийся такого языкового смешения, мы уточнили у студентки из г. Караганды, и по её словам, в большинстве случаев молодёжь говорит так «по приколу» (ради забавы, потому что так модно). В основном русский и английский языки выполняют экспрессивную и вспомогательную функцию по отношению к казахской части.

Также в контекстах было замечено несколько примеров интерференции. Интерференция – это явление, которое возникает при взаимодействии двух или более языковых систем [3, с. 7]. Она рассматривается как языковое явление – негативное влияние родного языка на изучаемый язык в результате их взаимодействия [3, с. 8].

Примеры интерференции в повседневном общении:

– «Ты что рофлишь?» (от английской аббревиатуры ROFL – “Rolling On the Floor Laughing” – «катаясь по полу от смеха»; присоединение к английской аббревиатуре русского глагольного окончания).

– «Чего не саламкааешь?» (от казахского слова сәлем («привет»); присоединение к казахскому слову русского глагольного окончания).

– «Давай похабарим позже» (от казахского слова «хабар» («сообщение»); присоединение к казахскому слову русского глагольного окончания и приставки).

Примеры интерференции в веб-сериале «Сыныптас» про школу:

– «Доставкасіз» («без доставки»; присоединение к русскому слову «доставка» окончания «сіз» – «отрицание» (прим. в казахском языке есть слово «доставка» – «жеткізу»: жеткізусіз – «без доставки»))

– «Киноға» (рус. «в кино»; присоединение к русскому слову «кино» казахского окончания «ға» предложного падежа (прим. в казахском языке нет слова «кино»)).

Типичные проявления интерференционных ошибок представлены сочетаемостью корневой морфемы слова из казахского и английского языка и формообразующего аффикса и префикса из русского, гораздо меньше замечена сочетаемость корневой морфемы слова из русского языка и аффикса из казахского. Но приведённые интерференционные ошибки не препятствуют пониманию устной речи, и, по словам респондента

(студентки КарГТУ), в казахстанском обществе толерантно относятся к подобного рода ошибкам. А для смешанного казахского языка, когда казахоязычные употребляют русские слова в речи, у них даже есть свой термин – шала-казахский язык.

Причины языкового переключения и смешения

Благодаря беседе с учительницей школы-лицея г. Караганды и одной из студенток КарГТУ было выяснено, что ученики начальных классов обычно не вставляют в свою речь слова и выражения из другого языка и не переключаются с одного языка на другой в зависимости от ситуации (в своём русскоязычном классе учительница подобное не замечала и сказала, что сама она не вставляет в свою речь слова/фразы на казахском или английском), переключение и смешение кода обычно встречается в речи старшеклассников и студентов.

На вопрос, заданный студентке, «Какое смешение можно встретить чаще всего: русско-казахское, казахско-русское или русско-английское, казахско-английское?», был получен следующий ответ: «Чаще всего я слышу вставки русских и английских слов, а в речи русскоговорящих казахские фразы слышатся гораздо реже. В основном употребление английских и русских слов и фраз больше относится к молодым людям в возрасте до 25 лет, потому что молодёжь любит использовать всякие “трендовые словечки”. Но на самом деле языковое смешение наблюдается и у взрослых, и среди молодёжи, и среди ребят помладше, потому что мы живём в многоязычной среде, где как минимум ты каждый день слышишь два языка (русский и казахский) и плюс иностранные языки в школе и вузе».

Что же касается переключения кода, то на вопрос: «С какой целью чаще всего ты переключаешься с одного языка на другой и какое переключение предпочтительно?», студентка сказала: «Пере-

ключаюсь, когда не понимают. Обычно у нас идёт переключение русско-казахское или казахско-русское, но переключение с казахского на русский происходит значительно чаще, потому что большинство казахоязычных знают русский, тогда как русскоязычные гораздо хуже знают казахский или вообще не знают (взрослые люди), на английский переключаются в основном те, кто проходит обучение в специализированных казахстанских школах или вузах, где и учатся на английском, и это зависит от уровня знания языка».

Заключение

Таким образом, по словам нашего респондента, ученики и студенты в Казахстане переключаются на другой язык, чтобы быть понятым собеседником.

Переключение может происходить по ряду факторов, и, как показало исследование, ученики переходят на другой язык не только для того, чтобы показать знание второго языка, языка своего собеседника или при ущербной компетенции второго языка, но и из-за нахлынувших эмоций или для того, чтобы произнести классическую фразу другого языка. В основном слышится казахско-русское переключение, русско-казахское переключение идёт в основном со взрослыми, а полностью переключаются на английский язык только в специализированных учебных заведениях с английским языком обучения.

Благодаря политике трёхязычия в системе образования английский язык доминирует в сравнении с изучением других иностранных языков (немецкого, французского и т. д.). Вследствие чего учащиеся стали употреблять его (слова и выражения) в своей речи. Казахский язык является государственным в Казахстане, а русский – языком межнационального общения, но русский язык в течение длительного исторического периода был доминирующим средством не только межэтнического, но и внутриэтнического общения, поэтому смешение

этих двух языков (русского и казахского) можно назвать особым семиотическим ресурсом, который используется для выражения гармонизации коммуникации, что приводит к продуктивному, успешному общению.

Как правило, использование нескольких языков в качестве средства общения применяется для достижения взаимопонимания в многоязычной среде, но, если рассматривать смешение кодов, а не переключение, то, как показало наше исследование, учащиеся, в основном, употребляли слова из другого языка, просто потому что им так нравилось, а не из-за ущербной компетенции второго языка. То есть, с нашей точки зрения, переключение и смешение кода в полилингвальной

среде обусловлено не недостаточной компетенцией человека в рамках одного из языков, но скорее показывает высокий лексико-грамматический уровень владения вторым и третьим языком.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты вносят вклад в дальнейшее развитие изучения языка и теорию языковых контактов и могут быть использованы для реализации идей полилингвального образования. Важно подчеркнуть, что полилингвальное образование – это возможность свободного общения в многоязычном мире, а языковые контакты неизбежны.

Дата поступления в редакцию 19.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодоньи М. А. Многоязычные и полиязычные технологии обучения многоязычию // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 132–135.
2. Быкова Н. О. Переключение языковых кодов как характеристика полилингвальности // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Саратов, 25-26 февраля 2021 г.). Саратов: Саратовский источник, 2021. С. 14–18.
3. Гнатюк О. А. Психолингвистические основы формирования интерференции, наблюдаемой при русско-испанском языковом контакте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-1. С. 6–13. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-6-13.
4. Жаркынбекова Ш. К., Чернявская В. Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 468–482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482.
5. Жикеева А. Р. Языковая ситуация Костанайской области Республики Казахстан: билингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 28 с.
6. Зурабова Л. Р. Грамматический аспект изучения переключения языковых кодов: модели и подходы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 24–34. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-24-34.
7. Кенжебаева Ж. Е. Переключение кода: основные направления исследования // Colloquium-journal. 2020. № 19-3 (711). С. 22–25. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-12067.
8. Модель мультилингвального образования в полиэтническом регионе (на базе общеобразовательного учреждения): коллективная монография / Малых Л. М., Жукова А. В., Ахунова Л. А. и др. Ижевск: ИЦ «Удмуртский университет», 2016. 208 с.
9. Тутова Е. В. Психосоциолингвистический подход к изучению процесса переключения кода в билингвальной среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 993–998. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-993-998.
10. Gardner-Chloros P. Code-switching. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 242 p.

REFERENCES

1. Bodon'i M. A. [Monolingual and multilingual technologies of multilingualism teaching]. In: *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin], 2013, no. 2, pp. 132–135.

2. Bykova N. O. [Language switching as a feature of polylinguality]. In: *Inostrannyye yazyki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii: materialy dokladov XIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Saratov, 25-26 fevralya 2021 g.)* [Foreign languages in the context of intercultural communication]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2021, pp. 14–18.
3. Gnatyuk O. A. [Psycholinguistic basis of the process of interference formation observed under Russian-Spanish language contact]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3-1, pp. 6–13. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-6-13.
4. Zharkynbekova Sh. K., Chernyavskaya V. E. [Kazakh-Russian bilingual practice: code-mixing as a resource in communicative interaction]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2022, vol. 13, no. 2, pp. 468–482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482.
5. Zhikeyeva A. R. *Yazykovaya situatsiya Kostanayskoy oblasti Respubliki Kazakhstan: bilingvisticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Language situation in the Kostanay region of the Republic of Kazakhstan: bilingual aspect: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Chelyabinsk, 2011. 28 p.
6. Zurabova L. R. [Grammatical aspects of code-switching: models and approaches]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 4, pp. 24–34. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-24-34.
7. Kenzhebayeva Zh. Y. [Switching the code: the main directions of research]. In: *Colloquium-journal*, 2020, no. 19-3 (711), pp. 22–25. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-12067.
8. Malykh L. M., Zhukova A. V., Akhunova L. A. et al. *Model' mul'tilingval'nogo obrazovaniya v polietnicheskom regione (na baze obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya)* [Model of multilingual education in a multi-ethnic region (based on a general education institution)]. Izhevsk, Udmurtskiy universitet Publ., 2016. 208 p.
9. Tutova E. V. [Psychosociolinguistic approach to studying the process code switching in bilingual environment]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2017, vol. 8, no. 4, pp. 993–998. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-993-998.
10. Gardner-Chloros P. *Code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 242 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шовкович Елена Геннадьевна – аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения;
e-mail: shovkoviche@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Shovkovich – Postgraduate Student, Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, State University of Education;
e-mail: shovkoviche@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шовкович Е. Г. Переключение и смешение кодов в речи учащихся в образовательной полилингвальной среде Республики Казахстан // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 66–73.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-66-73

FOR CITATION

Shovkovich E. G. Switching and mixing codes in the speech of students in the educational multilingual environment of the republic of Kazakhstan. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 66–73.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-66-73

УДК 811.111 Английский язык
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-74-82

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ СРАВНЕНИЯ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЯ “A CLOCKWORK ORANGE” Э. БЁРДЖЕССА)

Шумакова Н. А., Карчава О. В., Куклина А. И., Медников Д. М.

*Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева
660037, Красноярский край, г. Красноярск, пр-т им. газеты Красноярский рабочий, д. 31,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель работы – определение способов перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ) в романе Э. Бёрджесса “A Clockwork Orange”.

Процедуры и методы. Примеры перевода БЭЛ проанализированы методами контекстуально-го анализа, компонентного и лингвострановедческого анализа, математического подсчёта и сравнительно-сопоставительным методом.

Результаты. Проанализированы способы перевода 19 единиц БЭЛ: транскрипция и транслитерация, калькирование, разъяснительный перевод, приближенный перевод и опущение. Большинство единиц БЭЛ переведено с помощью опущения, транслитерации и приближенного перевода. В основном перевод качественный. Выявлены случаи неадекватного перевода, что привело к потере информации и национального колорита.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при обучении переводу и при составлении учебных материалов по переводу с английского на русский язык.

Ключевые слова: вымышленный сленг «Надсат», транскрипция, транслитерация, калькирование, разъяснительный перевод, приблизительный перевод, опущение реалии

DIFFICULTIES OF TRANSLATING NON-EQUIVALENT VOCABULARY (BY COMPARING TRANSLATIONS OF “A CLOCKWORK ORANGE” BY ANTHONY BURGESS)

N. Shumakova, O. Karchava, A. Kuklina, D. Mednikov

*Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Prospekt imeni gazetki Krasnoyarskij rabochij 31, Krasnoyarsk 660037, Krasnoyarsk kraj,
Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the ways of translating non-equivalent vocabulary (NEV) in the novel by A. Burgess “A Clockwork Orange”.

Methodology. The examples of NEV translation were analyzed based on the methods of contextual analysis, component, linguistic and cultural analysis, mathematical calculation and comparative method.

Results. The methods of translation of 19 NEV units were analyzed: transcription and transliteration, loan translation, explanatory translation, approximate translation and omission. Most NEV units have

been translated using omission, transliteration and approximate translation. Basically, the quality of translation is good. Cases of inadequate translation were revealed, which led to the loss of information and national identity.

Theoretical and/or practical significance. The results of the research can be used in teaching translation and in compiling teaching materials for translating from English into Russian.

Keywords: fictional slang “Nadsat”, transcription, transliteration, loan translation, explanatory translation, approximate translation, omission of realia

Введение

Роль переводных художественных произведений в развитии человеческой культуры трудно переоценить. Значительное количество крупных произведений мировой литературы сегодня публикуется в новых переводах, так как качество старых переводов зачастую оставляет желать лучшего, а техника перевода со временем усовершенствовалась.

Исследователей интересует множество тем, имеющих непосредственное отношение к переводу, которые часто являются источником противоречивых мнений.

Предметом нашего исследования в данной работе является безэквивалентная лексика (БЭЛ) и способы её перевода. Актуальность данной темы объясняется тем, что переводчикам часто приходится решать проблему передачи БЭЛ, которая, как правило, всегда вызывает особые трудности в процессе перевода.

Целью данной работы является выявление способов перевода безэквивалентной лексики в романе Э. Бёрджесса “A Clockwork Orange”.

Цель работы предопределила следующие задачи:

1. Рассмотреть различные виды безэквивалентной лексики и определить способы их перевода на другой язык.

2. Выявить примеры безэквивалентной лексики в романе “A Clockwork Orange” и классифицировать их по способу перевода.

Материалом для теоретического исследования послужили работы лингвистов, изучавших проблему БЭЛ [1; 2; 3; 6; 8–13]. Хотя данная проблема изучалась многими лингвистами, в основном в их

работах рассматривался какой-то один аспект передачи безэквивалентной лексики на английском языке, например, проблема передачи кодовых переключений с одного языка на другой [4] или ещё более узкий аспект – проявления гостевых языков в рамках кодовых переключений [5].

Для практической части работы мы использовали 19 примеров БЭЛ, взятых из переводов романа Э. Бёрджесса “A Clockwork Orange”, выполненных В. Бошняком и Е. Синельщиковым.

Исходя из характера поставленных задач, нами были использованы следующие методы исследования: метод контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительный метод, компонентный и лингвострановедческий анализ; также был использован математический подсчёт.

Перевод БЭЛ в романе «Заводной апельсин»

К безэквивалентной лексике, как известно, относятся лексические единицы исходного языка, не имеющие аналога в языке перевода и поэтому представляющие особую сложность при переводе на иностранный язык. Однако то, что в русском языке нет специальных слов для обозначения этих понятий, не значит, что они непереводаемы.

Трудность перевода БЭЛ объясняется в значительной мере тем, что переводчику приходится выбирать между калькированием и разъяснительным переводом. При стремлении сохранить внутреннюю форму может пострадать прагматика, а сохранение прагматической стороны может повлечь за собой утрату некоторой доли смысла. Этот выбор не может быть

зафиксирован универсальными нормами перевода, он основывается исключительно на уровне мастерства и языковом чутье переводчика.

В романе Э. Бёрджесса описано интересное явление – сленг «Надсат», придуманный автором. Английская синтаксическая основа в нём сочетается с лексикой на основе русских слов. Конструированием нового языка достигается ряд целей. В первую очередь таким образом получилось избежать привязки сленга главных героев «Заводного апельсина» к какой-либо исторической эпохе. В результате речь персонажей в глазах читателей не устарела за более чем полвека, миновавшие со времени публикации. Русские заимствования в надсате устроены так, чтобы их форма и контекст способствовали пониманию их значения читателем, не владеющим русским языком. Особый сленг также служит задаче создания связи между героем и читателем, обособляя от окружающего мира.

Опишем вкратце сущность различных способов перевода БЭЛ и рассмотрим их на конкретных примерах из переводов английского романа «A Clockwork Orange» Э. Бёрджесса с приведением комментариев.

Транскрипция и транслитерация

Транскрипция и транслитерация являются одними из основных средств передачи непереводаемых слов. При этом первый способ призван сохранить насколько возможно фонетический образ слова в языке перевода, в то время как второй во главу угла ставит сохранение сходства написания. В обоих случаях речь идёт об адаптации слова, за которым скрывается не поддающееся переводу содержание, за счёт алфавита языка перевода (в ряде случаев возникает необходимость использования расширенного алфавита).

1) There was me, that is **Alex**, and my three droogs, that is **Pete, Georgie, and Dim**¹.

Компания такая: я, то есть **Алекс**, и три моих друга, то есть **Пит, Джорджик** и Тем².

Это – я, **Алекс**, а вон те три ублюдка – мои фрэнды: **Пит, Джорджи** (он же **Джоша**) и Кир (Кирилла-дебила)³.

В вышеприведённом примере в качестве способа перевода имён собственных была выбрана транскрипция. Перевод выполнен адекватно, за исключением неуместного добавления прозвища Джоша Е. Синельщикова.

2) Well, we went off now round the corner to **Attlee Avenue**...

Ну и пошли мы тут же за угол на **Эттли-авеню** ... (пер. В. Бошняка)

Гурьбой мы вышли на **Эттли-стрит** ... (пер. Е. Синельщикова)

В этих вариантах также используется транскрипция. Мы считаем, что перевод В. Бошняка является адекватным. Переводчик Е. Синельщиков неверно переводит *Avenue* как *стрит*.

3) ... we were in **Priestly Place** as soon as we viddied the big bronze statue of some starry poet ...

... мы, выйдя из переулка, свернули влево, где раскинулась **площадь Пристли-плейс**, как мы определили по сразу же бросившейся в глаза большой бронзовой статуе какого-то старого поэта ... (пер. В. Бошняка)

Вскоре мы оказались на **Пристли-сквэйр**, где стоял загаженный голубями

¹ Здесь и далее текст оригинала романа цитируется по: Burgess A. A Clockwork Orange // Online Read Free Novel. URL: https://onlinereadfreenovel.com/anthony-burgess/31885-a_clockwork_orange_read.html (дата обращения: 11.02.2023).

² Бёрджесс Э. Заводной апельсин (пер. Владимир Борисович Бошняк) [Электронный ресурс] // Флибуста: [сайт]. URL: <https://flibusta.club/b/610044/read> (дата обращения: 11.02.2023). Далее в тексте – пер. В. Бошняка.

³ Бёрджесс Э. Заводной апельсин (пер. Е. Синельщикова) [Электронный ресурс] // Книги онлайн: [сайт]. URL: https://sharlib.com/read_7770-1 (дата обращения: 11.02.2023). Далее в тексте – пер. Е. Синельщикова.

бронзовый памятник старому поэту... (пер. Е. Синельщикова)

В данном примере также в качестве способа перевода используется транскрипция. Е. Синельщиков вновь неверно переводит вторую часть имени собственного, заменяя *плейс* на *сквэйр*.

В трёх нижеприведённых примерах перевода В. Бошняк использовал транслитерацию.

4) ... we were going out without one **cent** of cutter in our carmans.

... мы уже пошли на выход без единого **цента** *deneg* в карманах.

5) ... there was the usual **cowboy** riot ...

... фильм, по обыкновению, был **ковбойским** боевиком...

6) I was peeting **gallons** and **gallons** of water ...

... вскоре я поглощал воду **галлон за галлоном** ...

На наш взгляд, в последнем варианте перевода галлон (мера жидких и сыпучих тел; английский галлон = 4,54 л; американский = 3,78 л) следовало перевести как литр, поскольку данная мера объёма является более близкой для русскоязычного читателя.

Е. Синельщиков во всех трёх случаях прибегает к опущению.

Калькирование

Этот способ имеет существенные ограничения, т. к. язык перевода может не иметь соответствующих морфем для поморфемного калькирования.

1) ... here was the first graduate from the new **State Institute for Reclamation of Criminal Types** ...

... это первый выпускник нового **Государственного Института Исправления Преступных Элементов** ... (пер. В. Бошняка)

В переводе Синельщикова фрагмент, содержащий рассматриваемое выражение отсутствует.

2) Then **Big Jew** turned on me ...

Ко мне повернулся **Еврей** ... (пер. В. Бошняка)

Большой Жид тяжело посмотрел на меня ... (пер. Е. Синельщикова)

Поскольку **Big Jew** является прозвищем, мы считаем калькирование уместным в качестве способа перевода. На наш взгляд, Е. Синельщиков лучше смог передать приведённое в примере имя собственное. В. Бошняк перевёл лишь одну его часть.

3) Anyway, they were each given a bottle of **Yank General**, cognac that is, to take away ...

Мы принялись грести с прилавка все что попало: **коньяк «Генерал-янки»**, печенье, шоколад ... (пер. Е. Синельщикова)

Ладно, выдали мы им по бутылке **«Янк-Дженерал» – коньяка**, значит, причем это уже с собой ... (пер. В. Бошняка)

С нашей точки зрения, перевод названия коньяка выполнен Е. Синельщиковым не совсем удачно. Уместнее было бы передать название с помощью транскрипции или транслитерации, как это сделал В. Бошняк.

Разъяснительный перевод

Этот метод позволяет перевести что угодно, поскольку не имеет ограничений, связанных с необходимостью поиска фонетических или иных соответствий в языке перевода. В то же время присутствуют и недостатки: ведь разъяснение предполагает перевод одного слова многими, что делает текст более громоздким. Кроме того, злоупотребление разъяснительным переводом может лишить повествование национально-культурных особенностей.

Этот способ требует от переводчика определённой эрудиции, либо серьёзной исследовательской работы, чтобы разъяснение было действительно содержательным и полным.

1) ... what they called my **Post-Corrective Adviser**.

... он был назначен моим **«наставником по перевоспитанию»** (пер. В. Бошняка)

... узнал голос **моего опекуна из** идиотского **посткоррективного общества содействия органам охраны правопорядка** (пер. Е. Синельщикова).

Оба переводчика использовали описательный перевод. Мы считаем, что перевод В. Бошняка вполне удачен, в то время как перевод Е. Синельщикова является достаточно громоздким и сложным для понимания.

2) ... I unlocked the **treasure-chest** in my room ...

... в комнате я отпёр один **хитрый ящичек** ... (пер. В. Бошняка)

Treasure-chest – ящик, где хранятся какие-то ценные вещи. Хитрый ящичек – аналог, который использовал В. Бошняк, – является не самым подходящим аналогом при переводе. Мы считаем, что использование словосочетания «ящик с ценными вещами» было бы более уместным при переводе данной реалии. Е. Синельщиков в данном случае вновь использовал приём опущения.

Приблизительный перевод

Приблизительный перевод – ещё один из возможных путей передачи БЭЛ, заключающийся в нахождении в языке перевода понятия, которое не является абсолютно идентичным аналогичному понятию в исходном языке, но семантически сходно с ним и может в какой-то степени раскрыть читателю сущность описываемого явления.

Преимущество приблизительного перевода заключается в его доступности для понимания. Читатель встречается с понятиями, которые ему знакомы и привычны. Но использование приблизительного перевода всегда сопряжено с риском неприемлемой национально-культурной ассимиляции, поэтому необходимо соблюдать большую осторожность.

1) We came at last to a sort of village, and just outside this village was a small sort of a **cottage** on its own with a bit of garden.

Мы остановились на краю какой-то деревни, у одинокого **бунгало**, окружен-

ного аккуратным садиком (пер. Е. Синельщикова).

Наконец приехали в какой-то поселок, на краю которого был маленький **коттеджик** – торчит себе на отшибе, и маленький садик при нем (пер. В. Бошняка).

На наш взгляд, использование Е. Синельщиковым слова «бунгало», чуждого русскому языку, является не совсем верным вариантом перевода слова cottage. Уместнее было бы в качестве замены использовать нейтральное слово «дом» или уже вошедшее в русский язык заимствование «коттедж», как поступил В. Бошняк.

2) I got fruit-pie from the **larder** and tore chunks off it to stuff into my greedy rot.

... из **хлебницы** достал фруктовый пирог и, отрывая от него куски, принялся запихивать их в свой ненасытный rot. (пер. В. Бошняка)

Еще достал из **брэдницы** фруктовый пай и заглотив его весь без остатка. (пер. Е. Синельщикова)

Larder – кладовая для продуктов; продуктовый шкаф. В данном контексте использование слова «хлебница» в качестве аналога для продуктового шкафа не вызывает искажения смысла. Также хочется заметить, что образ хлебницы понятен и близок русскому человеку.

3) ... **the Governor** himself was very pleased to hear that I had taken to like Religion ...

... даже сам **комендант** был доволен, когда ему сказали, что я пристрастился к религии ... (пер. В. Бошняка)

... и даже сам **Губернатор** был приятно удивлен, когда ему доложили, что я проникся религиозным рвением. (пер. Е. Синельщикова)

Под *the Governor* в данном случае подразумевается начальник тюрьмы. Поэтому перевод В. Бошняка является более удачным, нежели Е. Синельщикова. Губернатором, по мнению С. И. Ожегова¹,

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ozhegov.info/slovar/?q=губернатор> (дата обращения: 11.02.2023).

можно назвать начальника какой-нибудь области, но не тюрьмы. Поэтому перевод Е. Синельщикова является неадекватным и приводит к искажению смысла.

4) I then bent down to **the letter-slit** and called through in a refined like goloss: “Help, madam, please”.

... наклонившись к **замочной скважине**, жалобно проскулил:

– Помогите! Ради Бога помогите, мадам. (пер. Е. Синельщикова)

С нашей точки зрения этот перевод не является точным. The letter-slit – это отверстие в двери для почты. Мы считаем, что в данном случае замочная скважина не является адекватной заменой. Впрочем, в переводе В. Бошняка это место опущено.

Опущение

Опущение реалий часто является результатом не того, как они переводятся (в данном случае перевода как такового нет), а того, как они учитываются при переводе текста, в котором они содержатся.

1) “Why?” he said, very alert like some skorry animal with an **egg-spoon** in its rooker. “Why shouldn’t you think I have a phone?”

– А почему ты решил, что у меня его нет? – ответил он вопросом на вопрос и пристально посмотрел на меня. (пер. Е. Синельщикова)

– Почему это? – спросил он, вдруг насторожившись как какое-то верткое животное, **ложечка** так и застыла у него в руке. – Почему вы думали, что у меня нет телефона? (пер. В. Бошняка)

Вариант В. Бошняка можно отнести к приёму приблизительного перевода.

2) And there’s Will the English in the **Muscleman coffee** mesto saying he can fence anything that any malchick cares to try to crast.

А вот Уилл-англичанин на днях сказал мне, что знает одно местечко, где можно легко взять желтизну и камушки. (пер. Е. Синельщикова)

При том что в **кафе «Масклмэн»** есть такой Билл Англичанин, и вот он гово-

рит, что способен parisovatt нам такой krasting, о котором каждый malltshik только мечтать может. (пер. В. Бошняка)

Как видим, В. Бошняк прибег к транслитерации.

3) ... there were three or four old baboochkas peeting their black and suds on **SA (State Aid)**.

... несколько беззубых старух, расплескивая, ели свой благотворительный суп. (пер. Е. Синельщикова)

... в закутке не сидели бы три или четыре babusi, lakafa помойное пиво на последние грошовые остатки своих **ГП (государственных пособий)**. (пер. В. Бошняка)

В данном случае перед нами калька.

4) ... I led them to the **Pasta Parlour** just round the corner ...

... и привел их в соседнюю пиццерию ... (пер. В. Бошняка)

У Е. Синельщикова отсутствует весь фрагмент текста, в котором содержится выделенное слово.

Почти все вышеприведённые примеры опущений взяты из перевода Е. Синельщикова. Мы считаем, что его перевод выполнен неадекватно. Е. Синельщиков опустил перевод не только реалий, но и целых предложений, что привело к потере большого количества ценной для читателя информации.

Перевод В. Бошняка выполнен адекватно, с незначительными потерями, которые не приводят к нарушению смысла.

Заключение

Анализ художественных произведений свидетельствует о том, что переводчики используют самые разные способы решения проблемы БЭЛ, что является доказательством наличия субъективного элемента при обращении к этой проблеме.

В ходе нашей работы мы проанализировали способы перевода 19 единиц безэквивалентной лексики. Это транскрипция и транслитерация (26,3%), калькирование (15,8%), разъяснительный перевод (7,9%), приближенный перевод

(21,1%) и случаи опущения (28,9%). Больше количество единиц БЭЛ переведено с помощью транскрипции и транслитерации. Переводчики правомерно использовали этот способ перевода, переводя топонимы, имена собственные, денежные единицы и др., тем самым передавая звуковую оболочку слова и сохраняя национальный или исторический колорит. Анализируя качество перевода данного романа, нами было также обнаружено достаточно большое количество реалий, переведённых с помощью приближенного перевода, который требует от переводчика проникновения в суть передаваемых явлений. По нашему мнению, перевод большинства единиц БЭЛ можно считать качественным. Однако мы выявили также случаи неадекватного перевода, которые привели к значительной потере информации и национального колорита.

Донести оригинальность исходного текста при переводе – особенно сложная задача. На наш взгляд, только В. Бошняк в своём переводе справился с этой задачей. Перевод Е. Синельщикова содержит много опущений и искажения информации.

Именно благодаря активному использованию Е. Синельщиковым метод опущения вышел на первое место по частоте использования в рассматриваемом нами материале. Второй перевод тоже не избе-

жал опущений, нам удалось обнаружить два случая, когда В. Бошняк прибегает к этому приёму. Это значительно меньше, чем в другом рассматриваемом переводе: у Е. Синельщикова выявлено 9 случаев использования приёма опущения. Необходимо учесть и объём опущений: нередко из перевода Е. Синельщикова выпадают значительные по объёму фрагменты оригинального текста.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при подготовке переводчиков, а также при составлении учебных материалов по переводу с английского на русский язык [7]. В частности, результаты исследования могут использоваться на курсах дополнительной квалификации СибГУ им. Решетнева «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», утверждённых приказом Министерства общего и профессионального образования России. Обучение на курсах направлено на подготовку высококвалифицированных специалистов-переводчиков, обладающих глубокими знаниями в области тех или иных наук, отличным знанием как иностранных, так и русского языков и профессиональными навыками перевода.

Дата поступления в редакцию 10.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирова О. Г. Лексические трансформации при переводе безэквивалентной лексики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-2 (65). С. 43–45.
2. Бакашева Н. С. К проблеме перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ) // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Международной научной конференции (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 61–64.
3. Габимова К. Ш., Ашурбекова Т. И. Способы перевода безэквивалентной лексики // Научные междисциплинарные исследования: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции (Саратов, 30 июня 2021 г.). Саратов: Цифровая наука, 2021. С. 173–179.
4. Денисова Е. А. Проявление гостевого языка в англоязычном художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). С. 50–55. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10107.
5. Коваль Д. Е. Проблема перевода сленга «Надсат» на русский язык в романе Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 3 (30). С. 88–91.
6. Коротаева И. Э. Особенности перевода безэквивалентной лексики транспортной тематики с английского языка на русский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 99–104.

7. Куковская А. В. Стратегии перевода полимодальных текстов: из опыта обучения студентов профессионально ориентированному переводу с английского на русский язык // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. № 12. С. 306–311. DOI: 10.30853/filnauki.2020.12.62.
8. Особенности перевода безэквивалентной лексики как составляющей социокультурной компетенции / Быстрой Е. Б., Власенко О. Н., Дорохова Е. Ю., Ружина Л. В. // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 5. С. 39–49. DOI: 10.25588/CSPU.2018.49..5..003.
9. Паутова С. М. Способы передачи кодовых переключений при переводе на русский язык романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2019. № 3 (90). С. 91–97. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-3-90-10.
10. Ромова О. М. Понятие «реалия» в ряду других научных терминов в лингвистике // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 60–63.
11. Смариовидло А. А. Виды и трудности перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский // *Проблемы современной науки и образования*. 2016. № 30 (72). С. 76–78.
12. Чебыкова В. В., Тихонова Е. В. Способы перевода безэквивалентной лексики // *Язык и культура: сборник статей XXVII Международной научной конференции (Томск, 26–28 октября 2016 г.)*. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 373–376.
13. Чепак О. А., Данчинова С. К. Проблемы передачи безэквивалентной лексики в переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 3-2 (57). С. 163–167.

REFERENCES

1. Amirova O. G. [Lexical transformations when translating non-equivalent vocabulary]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, no. 11-2 (65), pp. 43–45.
2. Bakasheva N. S. [On the problem of translating non-equivalent vocabulary (BEL)]. In: *Aktual'nyye voprosy filologicheskikh nauk* [Current issues of philological sciences]. Kazan, Buk Publ., 2016, pp. 61–64.
3. Gabibova K. Sh., Ashurbekova T. I. [Methods of translating non-equivalent vocabulary]. In: *Nauchnyye mezhdistsiplinarnyye issledovaniya* [Scientific interdisciplinary research]. Saratov, Tsifrovaya nauka Publ., 2021, pp. 173–179.
4. Denisova E. A. [Guest language manifestation in the anglophone literary text]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2019, no. 1 (423), pp. 50–55. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10107.
5. Koval D. E. [The problem of translation of argot “Nadsat” into Russian language in Anthony Burgess’ novel “A Clockwork Orange”]. In: *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], 2018, no. 3 (30), pp. 88–91.
6. Korotayeva I. E. [Peculiarities of translation of culture-loaded transportation words from English into Russian]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2014, no. 2, pp. 99–104.
7. Kukovskaya A. V. [Strategies to translate polymodal texts: from the experience of teaching professionally oriented English-Russian translation]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, no. 12, pp. 306–311. DOI: 10.30853/filnauki.2020.12.62.
8. Bystrai E. B., Vlasenko O. N., Dorochova E. Yu., Rushina L. V. [Training to translation of behavioral lexis as a composition of sociocultural competence]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 5, pp. 39–49.
9. Pautova S. M. [Translation of codeswitches from English into Russian in the novel “A Clockwork Orange” written by E. Burgess]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2019, no. 3 (90), pp. 91–97. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-3-90-10.
10. Romova O. M. [Concept “realia” among other scientific terms in linguistics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2010, no. 2, pp. 60–63.
11. Smarovidlo A. A. [Types and difficulties in translation of non-equivalent vocabulary from English to Russian]. In: *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 2016, no. 30 (72), pp. 76–78.

12. Chebykova V. V., Tikhonova Ye. V. [Methods of translating non-equivalent vocabulary]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Tomsk, National Research Tomsk State University Publ., 2017, pp. 373–376.
13. Chepak O. A., Danchinova S. K. [The problems of transfer of culture-specific vocabulary in the translation from English into Russian and from Russian into English]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, no. 3-2 (57), pp. 163–167.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шумакова Наталья Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой делового иностранного языка Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева;

e-mail: shumna@inbox.ru;

Карчава Ольга Витальевна – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева;

e-mail: i.karchava@mail.ru;

Куклина Анна Ивановна – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева;

e-mail: ai_kuklina@mail.ru;

Медников Дмитрий Михайлович – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева;

e-mail: poliorket@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Shumakova – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Department Head, Department of Business English, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology;

e-mail: shumna@inbox.ru;

Olga V. Karchava – Senior Lecturer, Department of Business English, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology;

e-mail: i.karchava@mail.ru;

Anna I. Kuklina – Senior Lecturer, Department of Business English, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology;

e-mail: ai_kuklina@mail.ru;

Dmitriy M. Mednikov – Senior Lecturer, Department of Business English, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology;

e-mail: poliorket@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Трудности перевода безэквивалентной лексики (на примере сравнения переводов произведения “A clockwork orange” Э. Бёрджесса) / Шумакова Н. А., Карчава О. В., Куклина А. И., Медников Д. М. // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 74–82.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-74-82

FOR CITATION

Shumakova N. A., Karchava O. V., Kuklina A. I., Mednikov D. M. Difficulties of translating non-equivalent vocabulary (by comparing translations of “A Clockwork Orange” by Anthony Burgess). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 74–82.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-74-82

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 811.112.2`36

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-83-89

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ТАКСИСНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СЕМАНТИКОЙ КРАТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Архипова И. В.

*Новосибирский государственный педагогический университет
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы заключается в описании прототипических конструкций немецкого языка, характеризующихся семантикой кратности. Проводится анализ актуализации категориальных значений мультипликативного и итеративного таксиса одновременности и разновременности в высказываниях с девербативно-предложными сочетаниями.

Процедура и методы. В статье рассмотрены прототипические таксисные конструкции с семантикой мультипликативности и итеративности. Таковыми являются немецкие высказывания с девербативами-мультипликативами и девербативами-итеративами, употребляемые с различными предложениями обстоятельственной семантики. При проведении исследования применены гипотетико-дедуктивный, индуктивный и описательный методы, позволяющие выявить и описать основные варианты мультипликативно-таксисных и итеративно-таксисных категориальных значений с их последующей проекцией на конкретные немецкие высказывания.

Результаты. В результате исследования было выявлено, что в прототипических высказываниях с семантикой многоактности (мультипликативности), содержащих генетические девербативы-мультипликативы, актуализируются мультипликативно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности. В высказываниях с семантикой итеративности (генетической, деривационной), средством выражения которой являются девербативы-итеративы и другие итеративные индикаторы (адвербиалы, атрибуты), реализуются различные итеративно-таксисные категориальные значения.

Теоретическая и практическая значимость. Исследуется вопрос актуализации мультипликативно-таксисных и итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в прототипических высказываниях немецкого языка, конституируемых девербативами с семантикой кратности. Результаты исследования вносят определённый вклад в теорию таксиса, в частности мультипликативного и итеративного таксиса. Основные положения исследования могут быть использованы при преподавании функциональной грамматики современного немецкого языка в высшей школе.

Ключевые слова: девербативы, предлоги, девербативы-мультипликативы, девербативы-итеративы, мультипликативно-таксисная категориальная ситуация, итеративно-таксисная категориальная ситуация, итеративно-таксисные маркеры, мультипликативно-таксисные маркеры, итеративные индикаторы, итеративно-таксисная синергия

© CC BY Архипова И. В., 2023.

PROTOTYPICAL TAXIS CONSTRUCTIONS WITH SEMANTICS OF MULTIPLICITY (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

I. Arkhipova

*Novosibirsk State Pedagogical University,
ulitsa Vilyuiskaya 28, Novosibirsk 630126, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe the prototypical constructions of the German language, characterized by the semantics of multiplicity. An analysis is carried out of the actualization of the categorial meanings of the multiplicative and iterative taxis of simultaneity and non-simultaneity in statements with deverbative-prepositional combinations.

Methodology. The article considers prototypical taxis constructions with multiplicative and iterative semantics. These are German utterances with deverbative-multiplicatives and deverbative-iteratives used with various prepositions of adverbial semantics. During the study, hypothetical-deductive, inductive and descriptive methods were used to identify and describe the main variants of multiplicative-taxis and iterative-taxis categorial meanings with their subsequent projection onto specific German statements.

Results. As a result of the study, it was revealed that in prototypical statements with the semantics of multi-act (multiplicative) containing genetic deverbatives-multiplicatives, multiplicative-taxis categorial situations of simultaneity and non-simultaneity are actualized. In statements with the semantics of iteration (genetic, derivational), the means of expression of which are deverbative-iteratives and other iterative indicators (adverbials, attributes), various iterative-taxis categorial meanings are realized.

Research implications. The article examines the issue of actualization of multiplicative-taxis and iterative-taxis categorial situations of simultaneity and non-simultaneity in prototypical statements of the German language, constituted by deverbatives with multiplicity semantics. The results of the study make a certain contribution to the theory of taxis, in particular, multiplicative and iterative taxis. The main provisions of the study can be used in teaching the functional grammar of the modern German language in higher education.

Keywords: deverbatives, prepositions, deverbatives-multiplicatives, deverbatives-iteratives, multiplicative-taxis categorial situation, iterative-taxis categorial situation, iterative-taxis markers, multiplicative-taxis markers, iterative indicators, iterative-taxis synergy

Введение

Вопросы актуализации категориальной семантики кратности (итеративности, мультипликативности) в немецком, английском, французском, русском и других языках привлекают внимание ряда отечественных и зарубежных лингвистов (И. В. Архипова [1; 2], Ю. В. Баклагова [3], А. В. Бондарко [4], С. В. Вяткина [5], Е. С. Гайломазова [6], И. Б. Долинина [7], С. М. Кибардина [8], Г. Р. Муллахметова, Е. П. Молостова [9], А. А. Червяков [10], Л. Готье (L. Gautier), Д. Хаберкорн (D. Haberkorn) [11],

В. У. Дресслер (W. U. Dressler) [12]). Труды вышеперечисленных отечественных и зарубежных языковедов составили теоретическую базу настоящей работы. Исследования А. В. Бондарко, И. Б. Долининой и С. М. Кибардиной, проведённые на материале русского, английского и немецкого языков, наиболее полно освещают ключевые позиции теории семантической категории кратности (количественности, множественности, плуральности) [4; 7; 8]. Ю. В. Баклагова исследует семантику английских мультипликативных глаголов в сфере категорий количественной аспек-

туальности [3]. С. В. Вяткина анализирует семантику и синтагматику наречий как маркеров итеративности в русском языке [5]. Е. С. Гайломазова рассматривает вопросы языкового выражения глагольной плуральности (множественности) в современных языках (германских, романских, славянских) [6]. Г. Р. Муллахметова и Е. П. Молостова проводят сравнительно-типологический анализ семантики итеративности в структуре длительного способа действия в русском, французском и татарском языках [9]. А. А. Червяков изучает вопрос использования разноуровневых языковых средств семантической категории итеративности в английских новостных текстах [10]. Зарубежные языковеды Л. Готье, Д. Хаберкорн, В. У. Дресслер исследуют семантику различных аспектуальных значений, в том числе, итеративности, дистрибутивности, дуративности и др., в системе грамматики немецкого, латинского и др. языков [11; 12]. Многочисленные исследования семантики и средств языкового выражения итеративности в разнотипных языках подтверждают актуальность изучаемой проблемы. Однако, отметим, что в поле исследовательского интереса не попадает вопрос сопряжённости и взаимодействия итеративных категориальных значений с другими значениями, в частности, с таксисно-хронологическими значениями одновременности и разновременности. Анализ реализации синкретичных таксисных категориальных значений, совмещённых с семантикой кратности (итеративности, мультипликативности), проводимый в данной работе, обуславливает её научную новизну.

Цель работы заключается в описании прототипических таксисных конструкций немецкого языка, характеризующихся семантикой кратности. В связи с поставленной целью проводится анализ актуализации категориальных значений мультипликативного и итеративного таксиса одновременности и разновремен-

ности в высказываниях с девербативно-предложными сочетаниями.

Материалом настоящего исследования послужили высказывания, содержащие итеративные и мультипликативные девербативы в сочетании с различными обстоятельственными предлогами, полученные методом направленной выборки из электронных баз данных Лейпцигского корпуса (LC)¹ и Немецкого электронного словаря (DWDS)². Количество обследованных фрагментов составило 6500.

В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный и описательный методы, позволяющие выявить и описать основные варианты мультипликативно-таксисных и итеративно-таксисных категориальных значений одновременности / разновременности с их последующей проекцией на конкретные немецкие высказывания с предложно-девербативными сочетаниями.

Терминологическую базу исследования составили следующие, вводимые нами в научный оборот понятия: мультипликативный таксис, итеративный таксис и итеративно-таксисная синергия. Категориальная семантика итеративно-го таксиса актуализируется в высказываниях с итеративными девербативами и другими маркерами итеративности (атрибутами, адвербиалами). Категориальные значения мультипликативного таксиса реализуются в высказываниях с девербативами-мультипликативами. При наличии в высказываниях двух и более маркеров итеративности (девербативов, адвербиалов, атрибутов) наблюдается эффект интеративно-таксисной синергии, демонстрирующей «взаимоусиление» или «взаимодополнение» выражаемых кратных значений.

¹ LC – Leipzig Corpora Collection [Электронный корпус]. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 20.02.2023).

² DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный корпус]. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 20.02.2023).

Результаты

В данной работе в качестве прототипических таксисных конструкций с семантикой кратности рассматриваются немецкие высказывания с девербативами мультипликативного и итеративного значения с различными обстоятельственными предложениями (темпоральными, модальными, медиальными, каузальными и др.). В таких высказываниях актуализируются категориальные ситуации мультипликативного и итеративного таксиса одновременно и разновременности, в том числе, сопряжённые и/или с эффектом итеративно-таксисной синергии.

Прототипические таксисные конструкции с семантикой мультипликативности

В состав прототипических таксисных конструкций с семантикой мультипликативности входят девербативы, наследующие значения многоактности (мультипликативности), свойственные производящим (мотивирующим) немецким глаголам (см. глаголы *nicken, seufzen, winken, schütteln, zucken* и др.). Простые девербативы-мультипликативы типа *das Nicken, das Winken, das Zucken, das Seufzen, das Schütteln* и др. и сложные девербативы-мультипликативы типа *das Kopfnicken, das Achselzucken, das Schulterzucken, das Kopfschütteln* участвуют в актуализации различных мультипликативно-таксисных категориальных ситуаций.

В следующих высказываниях с простыми и сложными девербативами-мультипликативами *das Nicken, das Winken, das Kopfnicken, das Achselzucken* актуализованы мультипликативно-таксисная категориальная ситуация одновременности (см. пример 1 с предлогом *bei* в темпоральном значении), медиально-таксисные и модально-таксисная категориальные ситуации одновременности (см. примеры 2–4 с предлогом *mit* в медиальном и модальном значениях). В качестве маркеров мультипликативного таксиса выступают

обстоятельственные предлоги *bei* и *mit*, употребляемые в темпоральном, модальном и медиальном значениях.

(1) *Beim Winken und bei dem, was zum Winken führte, handelt er nicht selbst, sondern hat nur das, was wohl andere täten, im Kopf* (DWDS).

(2) *Mit Kopfnicken bestätigten sie die Schilderung des Rathauschefs ...* (LC).

(3) *Doch sie bleibt zuversichtlich und reagiert auf die steigenden Inzidenzzahlen mittlerweile nur noch mit Schulterzucken* (LC).

(4) «Brot» fragte Dominik *mit Achselzucken ...* (DWDS).

Прототипические таксисные конструкции с семантикой итеративности

В состав прототипических таксисных конструкций с семантикой итеративности (многократности) входят девербативы-итеративы со значением деривационной (словообразовательной) и генетической кратности (*die Besprechungen, die Beschuldigungen, die Untersuchungen, die Angriffe, das Klopfen, das Schlagen* и др.). Итеративные девербативы генетической кратности (см. *das Klopfen, das Dröhnen, das Kingeln, das Knistern, das Knallen, das Zischen, das Schnarren, das Wiederholen* др.) наследуют семантику производящих кратных глаголов.

В следующих высказываниях с генетическими девербативами-итеративами *das Knistern, das Knallen, das Zischen, das Scharren, das Zischen* актуализованы инструментально-итеративно-таксисная, модально-итеративно-таксисная и медиально-итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности:

(1) *Durch lautes Knistern und Knallen aus einer Lautsprecherbox wurde die Lage noch unübersichtlicher simuliert* (LC).

(2) *Mit scharfem Zischen packt der pneumatische Greifer den Stahldraht ...* (LC).

(3) *Ein Eichelhäher verpetzt mit lautem Schnarren unsere Anwesenheit im Wald* (LC).

(4) *Mit Klopfen an den Wänden* belästigten Freitagabend Männer ihre Nachbarn in einem Mehrfamilienhaus in der Käthe-Kollwitz-Straße in Wittstock (LC).

В вышеприведённых примерах в качестве итеративно-таксисных маркеров выступают обстоятельственные предлоги *durch* и *mit*, употребляемые в инструментальном (см. высказывание 5), модальном (см. пример 6) и медиальном значениях (см. примеры 7–8).

В высказываниях, содержащих дополнительные индикаторы кратности, каковыми являются итеративный атрибут *mehrmalig* и итеративный адвербиал *meist*, реализуются различные итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности, следования и предшествования. В таких высказываниях наблюдается так называемый эффект итеративно-таксисной синергии, т. е. усиления значения кратности за счёт итеративного значения девербативов и адвербиалов / атрибутов. Например:

(1) *Nach mehrmaligem Wiederholen dieser Prozedur* wird sich Ihre Haut straffen (LC).

(2) *Meist* schläft der Starrer eine Stunde vor dem Klingeln des Weckers auf ... (LC).

(3) *Trotz mehrmaligem Klingeln* bewegte sich niemand in diesem Haus (LC).

В приведённых примерах реализованы итеративно-таксисные категориальные ситуации строгого следования (см. высказывание 9) и строгого предшествования (см. пример 10) и сопряжённая итеративно-концессивно-таксисная категориальная ситуация одновременности (см. пример 11). В качестве маркера итеративно-концессивно-таксисного значения выступает обстоятельственный предлог с семантикой уступки *trotz*.

Деривационно-итеративные девербативы употребляются в форме множественного числа и участвуют в актуализации различных итеративно-таксисных значений одновременности и разновременности.

В следующих высказываниях с девербативами-итеративами *die Angriffe*, *die Beobachtungen*, *die Untersuchungen* с каузальными предлогами *wegen*, *aufgrund* и темпоральным предлогом *nach* актуализованы сопряжённые каузально-итеративно-таксисные категориальные значения одновременности и итеративно-таксисное значение строгого следования. В функции маркеров различной итеративно-таксисной семантики одновременности / разновременности выступают предлоги *wegen*, *aufgrund*, *nach*:

(1) *Wegen dieser Angriffe* wurde der Aktienhandel dieses Unternehmens an der Börse für mehrere Monate gestoppt (LC).

(2) *Aufgrund der Beobachtungen* hatte es der Kanton Wallis als wahrscheinlich erachtet, dass sich in diesem Gebiet im Verlauf des Jahres ein Wolfsrudel bilden könnte (LC).

(3) *Nach Untersuchungen von Ärzten* erlitt eine Vielzahl von Schülern Prellungen und Schocks (LC).

Заклучение

Немецкие высказывания с различными мультипликативными и итеративными девербативами являются прототипическими конструкциями, характеризующимися мультипликативно-таксисной и итеративно-таксисной категориальной семантикой. В высказываниях с генетическими девербативами-мультипликативами актуализируются различные мультипликативно-таксисные категориальные ситуации. Высказывания с семантикой генетической и деривационной итеративности содержат девербативы-итеративы и некоторые другие итеративные индикаторы (в частности, адвербиалы и атрибуты). В них реализуются различные итеративно-таксисные категориальные значения одновременности и разновременности, в том числе сопровождаемые эффектом итеративно-таксисной синергии.

Результаты данного исследования вносят определённый вклад в теорию таксиса, в частности, мультипликативно-

го и итеративного таксиса. Исследование описывает прототипические таксисные конструкции с семантикой кратности (мультипликативности, итеративности) в немецком языке. Основные положения исследования могут быть использованы

при преподавании общей теории языка и функциональной грамматики немецкого языка, а также при проведении спецкурсов и спецсеминаров по теории таксиса.

Дата поступления в редакцию 10.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова И. В. Индикаторы категориальной семантики итеративного таксиса (на материале немецкого языка) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32. № 2. С. 272–278. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-272-278.
2. Архипова И. В. Таксисные актуализаторы в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 30–37. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-30-37.
3. Баклагова Ю. В. Мультипликативные глаголы в сфере аспектуальных значений (на материале английского языка) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 296–298.
4. Бондарко А. В. Количественность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 161–162.
5. Вяткина С. В. Наречные маркеры итеративности: семантика и синтагматика // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2016. № 27. С. 5–15.
6. Гайломазова Е. С. Числовая квантификация (категория итеративности) // Известия Южного федерального университета. 2012. № 2. С. 105–112.
7. Долинина И. Б. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 219–245.
8. Кибардина С. М. Выражение множественности ситуаций в немецком языке // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 170–179.
9. Муллахметова Г. Р., Молостова Е. П. Семантика итеративности в структуре длительного способа действия в русском, французском и татарском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1–1 (79). С. 158–160.
10. Червяков А. А. О категории итеративности в современном английском языке // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2019. № 3 (14). С. 98–101.
11. Aspekt und Aktionsarten im heutigen Deutsch / Hrgs. Gautier L., Haberkorn D. Tübingen: Stauffenburg, 2004. 238 S. (Eurogermanistik: europäische Studien zur deutschen Sprache. 19).
12. Dressler W. U. Studien zur verbalen Pluralität: Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Wien: Böhlau, 1968. 253 S.

REFERENCES

1. Arkhipova I. V. [Indicators of categorial semantics of iterative taxis (on the material of the German language)]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya. Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 2022, vol. 32, no. 2, pp. 272–278. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-272-278.
2. Arkhipova I. V. [Taxis actualizer in English]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 2, pp. 30–37. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-30-37.
3. Baklagova Yu. V. [Multiplicative verbs in the sphere of aspectual meanings (based on English)]. In: *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2012, no. 14, pp. 296–298.
4. Bondarko A. V. [Quantitativeness. Introductory remarks]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [Theory of functional grammar: Qualitativeness. Quantity]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 161–162.

5. Vyatkina S. V. [Adverbial markers of the iterativity: semantics and syntagmatics]. In: *Russkiy yazyk kak inostrannyi i metodika yego prepodavaniya* [Russian as a foreign language and methods of teaching it], 2016, no. 27, pp. 5–15.
6. Gaylomazova E. S. [Numerical quantification (a category of iterative)]. In: *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 2012, no. 2, pp. 105–112.
7. Dolinina I. B. [Quantitativeness in the sphere of predicates (category of “verbal plurality”)]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [Theory of functional grammar: Qualitativeness. Quantity]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 219–245.
8. Kibardina S. M. [Expression of the plurality of situations in the German language]. In: *Tipologiya iterativnykh konstruksiy* [Typology of iterative structures]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 170–179.
9. Mullakhmetova G. R., Molostova E. P. [Semantics of iterativity in the structure of a long-term method of action in Russian, French and Tatar languages]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2018, no. 1–1 (79), pp. 158–160.
10. Chervyakov A. A. [On iterative category in modern English]. In: *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye i filologicheskiye nauki* [Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology], 2019, no. 3 (14), pp. 98–101.
11. Gautier L., Haberkorn D. *Aspekt und Aktionsarten im heutigen Deutsch* / Hrsgs. Tübingen, Stauffenburg, 2004. 238 S. (Eurogermanistik: europäische Studien zur deutschen Sprache. 19).
12. Dressler W. U. *Studien zur verbalen Pluralität: Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen*. Wien, Böhlau, 1968. 253 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архипова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков Новосибирского государственного педагогического университета;
e-mail: irarch@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Arkhipova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of French and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University;
e-mail: irarch@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Архипова И. В. Прототипические таксисные конструкции с семантикой кратности (на материале немецкого языка) // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 83–89.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-83-89

FOR CITATION

Arkhipova I. V. Prototypical taxis constructions with semantics of multiplicity (on the material of the German language). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 83–89.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-83-89

УДК 81-23

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-90-97

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ АВСТРИЙСКОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Бузинова Л. М.*Московский международный университет**125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Выявление специфики лексического строя современного австрийского немецкого языка, обусловленной влиянием экстралингвистических факторов.

Процедура и методы. В процессе работы применялись методы сплошной выборки, лексикографического, лексико-семантического и контекстуального анализа, классификации и систематизации языкового материала в процессе выявления трансформационных процессов в лексическом строе австрийского немецкого языка.

Результаты. Выявлены наиболее и наименее продуктивные трансформационные процессы, свойственные лексическому строю австрийского немецкого языка, а также сформированы причины таких изменений. Проанализирована специфика заимствованных лексических единиц из иностранных языков, обозначены причины частотности их функционирования в современном австрийском немецком языке. Доказано, что для лексической подсистемы австрийского немецкого языка характерно наличие уникалий, формирующих базу австрийской лингвокультуры. Австрицизмы являются нормой для австрийского немецкого языка и в большей степени функционируют в бытовых сферах. Выявленные лексические трансформационные процессы в австрийском немецком языке отражают специфику лингвокультурной картины мира австрийцев.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии потенциала трансформационных процессов, происходящих с таким национальным вариантом немецкого языка, как австрийский немецкий язык. Лексический строй австрийского немецкого языка подвержен влиянию двух ключевых процессов: индигенизации и глобализации, что способствует сохранению его уникальных свойств, отражающих специфику австрийской лингвокультуры.

Ключевые слова: австрийский немецкий язык; лексические трансформации; лингвокультурология; лингвокультурная адаптация; языковой контакт

AUSTRIAN GERMAN: LEXICAL TRANSFORMATIONS

L. Buzinova*Moscow International University**Leningradskiy prospect 17, Moscow 125040, Russian Federation***Abstract**

Aim. To identify modern Austrian German lexical structure specific characteristics due to the influence of extra linguistic factors.

Methodology. The research uses the method of continuous sampling, lexicographic, lexical and semantic and contextual analysis, classification and systematization of linguistic material while identifying transformational processes in the lexical structure of modern Austrian German.

Results. The most and least productive transformation processes characteristic of Austrian German lexical structure are identified, as well as the reasons for such changes are formulated according to the research results. The features of borrowed lexical units are analyzed, the reasons for their frequency and functioning in modern Austrian German are indicated. It is proved that the lexical subsystem of Austrian German is characterized by the presence of unique elements that form the basis of the Austrian culture. Such lexical items as Austricisms turn out to be the norm for Austrian German and are prevalent in everyday spheres. The revealed lexical transformation processes typical for Austrian German reflect the specifics of the linguistic and cultural worldview typical of Austrian mentality.

Research implications. The research reveals the potential of transformational processes taking place in such a national variant of the German language as the Austrian German language. The lexical structure of Austrian German is influenced by two key processes: indigenization and globalization which contribute to preservation of its unique properties, reflecting the specifics of the Austrian linguistic culture.

Keywords: Austrian German; lexical transformations; language and culture; linguocultural adaptation; language contact

Введение

В исследовании рассматривается лингвокультурная специфика австрийского немецкого языка, возникшего в ходе контактного взаимодействия литературного немецкого языка, адаптирующегося к норме австрийской лингвокультуры. Актуальность исследования обусловлена необходимостью проведения комплексного анализа такого типа национально-варианта, как австрийский немецкий язык для систематизации теории языковых контактов по отношению к немецкому языку, играющему важную роль в процессе создания языковой картины мира. В работе выявляются наиболее продуктивные трансформационные процессы на уровне лексики, свойственные для австрийского немецкого языка, что обусловлено влиянием немецкого языка на состояние местных языков и культур.

В работе характеризуется ареал распространения и сферы функционирования австрийского немецкого языка, систематизируются причины возникновения анализируемого национально-варианта. Анализ лингвокультурной специфики австрийского немецкого языка позволяет сделать выводы об адаптации немецкого языка к нормам местных языков и культур.

Проблема вариативности языковых единиц на примере немецкого языка была рассмотрена в работах Л. Б. Копчук, Н. М. Фирсовой, В. И. Чернышёва и др.

Немецкий язык обладает «официальным статусом в таких государствах как Германия, Австрия и Лихтенштейн; в Швейцарии и Люксембурге немецкий язык является одним из официальных языков; в качестве средства общения его употребляют жители США, Канады, Аргентины, России, Казахстана, Румынии» [2, с. 5].

В нашем исследовании анализу подвергается такая разновидность немецкого языка, как австрийский немецкий язык, под которым мы понимаем вариант немецкого языка, функционирующий на территории Австрии. Необходимо отметить, что «восприятие австрийского немецкого языка как диалекта или разговорного немецкого языка представляется ошибочным, так как австрийский немецкий язык является вариантом нормативного немецкого языка, функционирующего на территории Австрии» [4, с. 145]. В ранг австрийского немецкого языка входят все его региональные разновидности, при условии соответствия языковой норме.

Необходимо отметить, что сфера распространения австрийского немецкого выходит за рамки австрийского государ-

ства. Существует много общего в языках Старой Баварии и Австрии, другие общие языковые признаки можно найти между Швейцарией, Юго-Западной Германией и Форарльбергом. Существуют также ряд аналогичных явлений, «свойственных для территории всего верхненемецкого пространства» [3, с. 65]. Таким образом, языковое разграничение между Австрией и Германией почти невозможно, такая мысль поддерживается исследователем Чукшисом В. А., который отмечает, что «языковые особенности австрийского варианта немецкого языка не совпадают с государственными границами» [9, с. 225].

Специфика лексического строя австрийского немецкого языка

Национальные варианты возникают по причине различных исторических и языковых причин, к ключевым из таких факторов, определяющих появление серии вариантов на территории Австрии, относятся следующие ниже:

1. Варианты возникают из серии диалектов:

«баварский: *Sterz, Austrag, Zuwaage, Nudelwalker, selchen, auflassen, auswalken, anpatzen, zuzeln*;

алеманский: *Aehne, Beiz, Kilbi, Znuene, Eierschwaemmler, Dreissigste, Schnorre, Schuebling, Maisaess*;

виденский: *Schmäh, Hacken, Haberer, hackeln*» [6, с. 22].

2. Варианты возникают в связи с определёнными закономерностями развития совместно верхненемецкого пространства (южногерманского, австрийского, швейцарского): «*Orange, Kutteln, läuten, Masche, Leintuch, Föhre, Zins, Wagner, Stecken*» [1].

3. Австрийский немецкий язык не развивался совместно с общегерманским нормативным языком. Таким образом, речь идёт не столько о неологизмах, сколько о старых сохранившихся вариантах, которые утратили свою функциональность в Германии, но сохранили свои формы в нормативном языке в Австрии, например:

австрийский немецкий язык – *Jenner, Jänner*; немецкий язык – *Januar*;

австрийский немецкий язык – *Pennal*; немецкий язык – *Märppchen, Federbörse* [5].

4. Австрийский немецкий язык обладает уникальными свойствами на уровне грамматики: грамматические формы перфекта образуются при помощи вспомогательного глагола *sein* с глаголами *liegen, stehen, sitzen*, в то время как немецкий язык отличает образование грамматической формы перфекта с использованием вспомогательного глагола *haben* с такими глаголами, как *liegen, stehen, sitzen* [7, с. 150].

Австрийский немецкий язык содержится в своём составе заимствования из других языков: итальянского, латинского, английского.

В XVIII в. в состав австрийского немецкого языка вошло множество заимствований из итальянского языка, так как Австрия и Италия имели очень тесные культурные и экономические связи, например:

– австрийский немецкий язык – *Akonto*, немецкий язык – *Anzahlung* – *задаток, предварительный взнос*¹;

– австрийский немецкий язык – *Baraber*, немецкий язык – *Arbeiter* – *рабочий*²;

– австрийский немецкий язык – *Bassena*, немецкий язык – *Waschbecken* – *умывальник, раковина*³;

– австрийский немецкий язык – *Bollette*, немецкий язык – *Zollerklärung* – *таможенная декларация*;

– австрийский немецкий язык – *Faktura*; немецкий язык – *Rechnung* – *счёт, расчёт*;

– австрийский немецкий язык – *Farfeln*; немецкий язык – *Suppeneinlage* – *заправка для супа*⁴;

¹ Leerkamp J. H. Die österreichische Varietät der deutschen Sprache. Essen: Universität GH, 2003. 29 s.

² Reiter M. Sprechen Sie Tirolerisch? Wien: Verlag Carl Ueberreuter, 2004. 96 S.

³ Schwaigler A. Pinzgauer Mundart. Leogang: Leoganger Bergbau-Museumsverein, 2010. 497 S.

⁴ Straub W. Sprechen Sie Salzburgerisch? Wien: Verlag

– австрийский немецкий язык – *Fierant*; немецкий язык – *Marktfahrer* – *торговец на ярмарке*;

– австрийский немецкий язык – *Fisolen*; немецкий язык – *grüne Bohnen* – *бобы, фасоль*¹;

– австрийский немецкий язык – *Maroni*; немецкий язык – *Edelkastanien* – *Каштаны Турнебрайд (от французского: Châtaigniers de Tournebride)* – *это вековые деревья, растущие в лесу Турнебрайд в департаменте Ивелин во Франции*;

– австрийский немецкий язык – *Melanzani*; немецкий язык – *Auberginen* – *баклажаны*;

– австрийский немецкий язык – *Fadesse*; немецкий язык – *Langeweile* – *тоска*;

– австрийский немецкий язык – *faschieren*; немецкий язык – *durch den Fleischwolf drehen* – *пропустить через мясорубку*;

– австрийский немецкий язык – *Frappe*; немецкий язык – *Milchmixgetränk* – *молочный коктейль*²;

– австрийский немецкий язык – *Manipulant*; немецкий язык – *Hilfskraft* – *подсобный рабочий*;

– австрийский немецкий язык – *Parte(zettel)*; немецкий язык – *Todesanzeige* – *некролог*;

– австрийский немецкий язык – *reversieren*; немецкий язык – *umkehren* – *переворачивать, повернуть*;

– австрийский немецкий язык – *Trafik*; немецкий язык – *Tabakladen* – *Табачная лавка*³.

Продуктивность заимствованных лексических единиц из итальянского языка в австрийском немецком языке объясняется тем фактом, что, начиная с 1972 г. официальными языками Южного Тироля были признаны немецкий

и итальянский языки. В настоящее время связь итальянского и австрийского языков не прерывается и в современном австрийском немецком языке употребляется существенное количество лексем, заимствованных из итальянского языка.

Для австрийского немецкого языка характерно использование заимствованных лексических единиц из латинского языка, так как до XIX в. латинский язык был официальным на территории Австрии. В современном австрийском немецком языке сохранились словообразовательные элементы и слова из латинского языка, например:

– австрийский немецкий язык – *dirimieren*; немецкий язык – *entscheiden* – *решить, определять*;

– австрийский немецкий язык – *evident*, *Evidenz*; немецкий язык – *übersichtlich* – *ясный, обзорный*;

– австрийский немецкий язык – *Inquisit*; немецкий язык – *Häftling* – *заключённый, арестант*;

– австрийский немецкий язык – *inskribieren*; немецкий язык – *einschreiben* – *вписывать, записывать*⁴;

– австрийский немецкий язык – *Konsumation*; немецкий язык – *Vetzehr* – *ресторанное питание, питание в кафе*;

– австрийский немецкий язык – *Kooperator*; немецкий язык – *Kaplan* – *священник*;

– австрийский немецкий язык – *Kriminal*; немецкий язык – *Gefängnis* – *тюремное заключение*;

– австрийский немецкий язык – *lukrieren*; немецкий язык – *Gewinn erzielen* – *получить прибыль*;

– австрийский немецкий язык – *Matura*; немецкий язык – *Reifeprüfung* – *выпускной экзамен*⁵;

– австрийский немецкий язык – *perlustrieren*; немецкий язык – *durchsuchen* – *обыскивать*;

Carl Ueberreuter, 2003. 96 S.

¹ Hornung M. Wörterbuch der Wiener Mundart. Wien: Pädagogischer Verlag, 1998. 744 S.

² Leerkamp J. H. Die österreichische Varietät der deutschen Sprache. Essen: Universität GH, 2003. 29 s.

³ Moser H. Das Radio Tirol Wörterbuch der Tiroler Mundarten. Innsbruck-Wien: Haymon Taschenbuch, 2013. 335 S.

⁴ Reiter M. Sprechen Sie Tirolerisch? Wien: Verlag Carl Ueberreuter, 2004. 96 S.

⁵ Schwaigler A. Pinzgauer Mundart. Leogang: Leoganger Bergbau-Museumsverein, 2010. 497 S.

– австрийский немецкий язык – *Radialstrasse*; немецкий язык – *vom Zentrum*;

– австрийский немецкий язык – *Realitäten*; немецкий язык – *Immobilien* – *недвижимость*;

– австрийский немецкий язык – *refundieren*; немецкий язык – *zurückerstatten* – *возместить, возвратить*;

– австрийский немецкий язык – *Remuneration*; немецкий язык – *Vergütung* – *вознаграждение, возмещение*¹.

Австрийский немецкий язык представляет собой уникальное лингвокультурное состояние, которое, в отличие от других языков мирового сообщества, не было подвержено влиянию глобализации. Некоторые грамматические особенности австрийского немецкого языка были описаны в трудах зарубежных исследователей А. Ким (A. Kim), К. Корецки-Крёлль (K. Korecky-Kröll), М. Райндорф (M. Rheindorf), Р. Водак (R. Wodak). Исследователи утверждают, что австрийский немецкий язык не подвержен существенному влиянию глобализации, его грамматический строй сохраняет нормы местных языков [11; 12].

Лексические заимствования из английского языка представляют собой непродуктивное явление для австрийского немецкого языка и касаются такой сферы, как спорт. Наибольшее количество англицизмов встречается в спортивной футбольной лексике, например:

– австрийский немецкий язык – *Goal, Goalmann*; немецкий язык – *Tor, Tormann*;

– австрийский немецкий язык – *Out*; немецкий язык – *Aus* – *аут (мяч вне игры)*;

– австрийский немецкий язык – *Cornet*; немецкий язык – *Ecke* – *угловой (угловой удар)*;

– австрийский немецкий язык – *Keeper*; немецкий язык – *Tormann* – *вратарь*;

– австрийский немецкий язык – *Forward*; немецкий язык – *Stürmer* – *нападающий*².

Словарный состав австрийского немецкого языка характеризуется включением в состав заимствованных лексических единиц из славянских языков, например:

– Заимствования из словенского языка

Некоторые заимствования, такие как *Klapotetz, Tschurtsche, Glitsch, Pranter*, сохранились лишь в федеральных землях Каринтии (Kärnten) или Штирии (Steiermark), другие стали частью нормативной лексики австрийского языка: *Keusche, Pinze, Potitze, Jause* [10, с. 342].

– Заимствования из чешского и словацкого языков

В современном австрийском немецком языке заимствования из чешского и словацкого языков представляют единичные случаи и функционируют в сфере национальной кухни: *Brimsen* – *хлеб с бримсеном*, *Haluschka* – *галушка*, *Kaluppe* – *маленькая хижина*, *Skubanki* – *картофельные клецки* [8, с. 54].

– Заимствования из венгерского языка

Не смотря на фактор регулярной миграции населения из Венгрии в Вену, языковое влияние венгерского языка на состояние австрийского немецкого языка представляется минимальным по сравнению со славянскими языками, что можно объяснить экономической и территориальной самостоятельностью Венгрии. К продуктивным заимствованиям относятся: *Fogosch* – *судак*, *Schinakel* – *маленькая лодка*, *Gate* – *шланг* [4].

Продуктивность заимствованных лексических единиц из славянских языков объясняется продолжительным историческим взаимодействием, плодотворным экономическим сотрудничеством, сложным характером взаимодействия языков и культур на территории Австрии. Более того, в Австрии существенное внимание со стороны правительства уделяется

¹ Hornung M. Wörterbuch der Wiener Mundart. Wien: Pädagogischer Verlag, 1998. 744 S.

² Straub W. Sprechen Sie Salzburgerisch? Wien: Verlag Carl Ueberreuter, 2003. 96 S.

аспекту предоставления равных возможностей не только официальному языку, но и региональным языкам. Для каждой федеральной земли Австрии характерно функционирование одного или нескольких региональных языков. Так, на территории Каринтии словенский язык является региолектом; в федеральной земле Штирия к региолектам принадлежат словенский, харватско-бургенландский, цыганский; региолекты венгерский, чешский и словацкий относятся к региональным языкам Бургенланда; в федеральной земле Вена функционирует региолект венгерский [7].

Для австрийского немецкого языка характерной особенностью является функционирование **австрицизмов**, которые мы понимаем как лексические единицы, являющиеся нормой исключительно для австрийской лингвокультуры. Что касается сфер применения австрицизмов, то необходимо упомянуть, что они практически отсутствуют в научно-популярной литературе и литературных произведениях; широкое распространение характерно для таких отраслей, как:

– кулинария и продукты питания: *Erdapfel* – картофель; *Montur* – отварной картофель; *Fisolen* – фасоль; *Eiklar* – белок, протеин [9, с. 227];

– сфера экономической и общественно-политической деятельности: *Dienstnehmer* – работающий по найму; *Einschau* – местная инспекция; *Erlagschein* – карта оплаты; *Firmenbuch* – торговый реестр [6, с. 22];

– школьное образование: *Pflichtgegenstand* – обязательный предмет; *Pflicht-*

schule – начальная и средняя школа, *Schulerhalter* – школьная доска; *Matura* – средняя школа [5, с. 749].

Заключение

Таким образом, австрийский немецкий язык был образован в ходе контактного взаимодействия литературного немецкого языка и австрийских лингвокультур. Австрийский немецкий язык представляет собой гибридное образование, подсистемы которого подвержены трансформационным процессам на уровне фонетики, грамматики и лексики.

В ходе исследования были выявлены наиболее типичные лексические изменения, свойственные австрийскому немецкому языку. В ранг продуктивных заимствований входят лексические единицы из итальянского, латинского и славянских языков, что продиктовано влиянием экстралингвистических факторов, а именно спецификой исторического, экономического и культурного типов взаимодействия. Заимствования из английского языка характеризуются как малопродуктивные вкрапления и употребляются в спортивной лексике австрийского немецкого языка.

Австрицизмы являются нормой для австрийского немецкого языка и в большей степени функционируют в бытовых сферах. Выявленные лексические трансформационные процессы в австрийском немецком языке отражают специфику лингвокультурной картины мира австрийцев.

Дата поступления в редакцию 03.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Домашнев А. И. Концепция национального варианта языка в трудах академика Г. В. Степанова // *Res philologica: Филологические исследования: сборник статей памяти академика Г. В. Степанова*. М.: Наука, 1990. С. 4–17.
2. Евтихова И. М. Вариативность современного немецкого языка (теоретические и практические аспекты). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 163 с.
3. Евтихова И. М., Ильина Ю. В. Семантика языковых единиц австрийского варианта современного немецкого языка // *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*. 2012. Т. 25 (64). № 4-2. С. 63–68.

4. Ефименко Е. А. Австрийский вариант немецкого языка или начало языковой самостоятельности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 4 (104). С. 144–147.
5. Лазарева Я. В. Специфика интерпретации структурно-семантических особенностей фразеологического состава немецкого языка в Австрии // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41. № 4. С. 747–755. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-747-755.
6. Ланских Ю. В. К дискуссии вокруг австрийского немецкого // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 2. С. 18–24.
7. Радович М. А., Лазарева Я. В. Австрийский вариант современного литературного немецкого языка как отражение историко-культурного развития страны // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14. № 2. С. 142–154. DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-142-154.
8. Чукшис В. А. Особенности функционирования диалектов в австрийском национальном варианте современного немецкого языка. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2018. 145 с.
9. Чукшис В. А., Копчук Л. Б. Лингвистический и социокультурный статус верхнеалеманнского диалекта Форарльберга // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (136). С. 223–228.
10. Яковлева Т. А. Лексические особенности глаголов в австрийском национальном варианте немецкого языка // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Том XVI. Н. Новгород: Деком, 2019. С. 339–350.
11. Kim A., Korecky-Kröll K. Prepositional phrases in German in Austria – identifying patterns of variation // Open Linguistics. 2021. Vol. 7. Iss. 1. P. 476–510. DOI: 10.1515/opli-2021-0024.
12. Rheindorf M., Wodak R. Genre-related language change: Discourse- and corpus-linguistic perspectives on Austrian German 1970–2010 // Folia Linguistica. 2019. Vol. 53. Iss. 1. P. 125–167. DOI: 10.1515/flin-2019-2006.

REFERENCES

1. Domashnev A. I. [The concept of the national version of the language in the works of academician G. V. Stepanov]. In: *Res philologica: Filologicheskiye issledovaniya: sbornik statey pamyati akademika G. V. Stepanova* [Res philologica: Philological studies: a collection of articles in memory of academician G. V. Stepanov]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 4–17.
2. Yevtikhova I. M. *Variativnost' sovremennogo nemetskogo yazyka (teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty)* [Variability of the modern German language (theoretical and practical aspects)]. Simferopol, IT «ARIAL» Publ., 2018. 163 p.
3. Evtichova I. M., Ilina Yu. V. [Semantics of language units of the national variant of modern German language in Austria]. In: *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsial'nyye kommunikatsii* [Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. Series: Philology. Social communications], 2012, vol. 25 (64), no. 4-2, pp. 63–68.
4. Yefimenko Ye. A. [The Austrian version of the German language or the beginning of linguistic independence]. In: *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific notes of the Russian State Social University], 2012, no. 4 (104), pp. 144–147.
5. Lazareva Ya. V. [Structural and semantic components analysis of phraseological composition peculiarities in Austrian German]. In: *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* [Issues in journalism, education, linguistics], 2022, vol. 41, no. 4, pp. 747–755. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-747-755.
6. Lanskih Yu. V. [To the discussion about the Austrian German]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University: Series Philology], 2016, no. 2, pp. 18–24.
7. Radovich M. A., Lazareva Ya. V. [Austrian German standard as a reflection of the country's sociocultural mentality]. In: *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Issues], 2022, vol. 14, no. 2, pp. 142–154. DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-142-154.
8. Chukshis V. A. *Osobennosti funktsionirovaniya dialektov v avstriyskom natsional'nom variante sovremennogo nemetskogo yazyka* [Features of the functioning of dialects in the Austrian national version of the modern German language]. Orekhovo-Zuevo, State University of Humanities and Technology Publ., 2018, 145 p.

9. Chukshis V. A., Kopchuk L. B. [Linguistic and socio-cultural status of the Alemannic (Upper German) dialect spoken in Vorarlberg]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 3 (136), pp. 223–228.
10. Yakovleva T. A. [Lexical features of verbs in the Austrian national variant of the German language]. In: *Russkaya germanistika: yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov. Tom XVI* [Russian German Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists. Volume XVI]. N. Novgorod, Dekom Publ., 2019, pp. 339–350.
11. Kim A., Korecky-Kröll K. Prepositional phrases in German in Austria – identifying patterns of variation. In: *Open Linguistics*, 2021, vol. 7, iss. 1, pp. 476–510. DOI: 10.1515/opli-2021-0024.
12. Rheindorf M., Wodak R. Genre-related language change: Discourse- and corpus-linguistic perspectives on Austrian German 1970–2010. In: *Folia Linguistica*, 2019, vol. 53, iss. 1, pp. 125–167. DOI: 10.1515/flin-2019-2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бузинова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета;
e-mail: l.buzinova@mmu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ludmila M. Buzinova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department Head, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow International University;
e-mail: l.buzinova@mmu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бузинова Л. М. Лексические трансформационные процессы австрийского немецкого языка // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 90–97.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-90-97

FOR CITATION

Buzinova L. M. Austrian German: lexical transformations. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 90–97.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-90-97

УДК 811.134.2

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-98-107

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ПРИЁМОВ ВЕРСИФИКАЦИИ В ИСПАНСКОЙ ДРАМЕ

Гончаренко Е. С.

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Доказать наличие семантической нагрузки и функционального потенциала у различных приёмов версификации как способа ритмизации испанских драматургических текстов.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели используются методы семантико-стилистического анализа, контекстуального анализа и гипотетико-дедуктивного восстановления искомого автором прагматического эффекта. Проведён анализ использования версификации в испанской драме в диахронии – от момента становления испанского драматического театра до настоящего времени. Приводится сравнительный анализ подходов драматургов к версификации в функционально-семантическом аспекте.

Результаты. По итогам исследования делаются выводы о том, что версификация в испанских драматургических текстах может являться компонентом некоторых функционально-семантических полей.

Теоретическая значимость. Благодаря рассмотрению вопросов просодики и ритмообразования в прагматическом и функциональном аспекте обновляется взгляд на предмет функциональной лингвистики и прагмалингвистики.

Ключевые слова: версификация, восьмисложник, испанская драма, редондилья, ритм, функционально-семантическое поле

FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELDS OF VERSIFICATION TECHNIQUES IN THE SPANISH DRAMA

E. Goncharenko

*Moscow State Linguistic University
ulitsa Ostozhenka 38 build. 1, Moscow 119034, Russian Federation*

Absrtact

Aim. To prove the existence of certain semantic load and functional potential in different techniques of versification as rhythmization means of Spanish dramaturgical texts.

Methodology. To achieve this aim, the methods of semantic and stylistic analysis, contextual analysis and hypothetic-deductive reconstruction of the pragmatic effect sought by the author were used. The use of versification in Spanish drama in diachrony, from the formation of Spanish drama theatre to the present time, was analyzed. The article presents a comparative analysis of playwrights' approaches to versification in the functional-semantic aspect.

Results. The conclusions are made that versification in Spanish drama texts can be a component of some functional-semantic fields.

Research Implications. The consideration of prosodic and rhythm formation in the pragmatic and functional aspect updates the approach to the subject of functional linguistics and pragmatolinguistics.

Keywords: functional and semantic fields, octosyllabic verse, redondilla, rhythm, Spanish drama, versification

Введение

Расцвет испанского театра пришёл на XVI в., когда на кастильском языке писали такие великие литераторы, как «отец романа» Мигель де Сервантес и законодатель испанской драмы Лопе де Вега [8; 10]. Однако интерес к испаноязычным драматургическим произведениям сохраняется и по сей день. В частности, на русский язык переведены и переводятся пьесы Лопе де Веги, Тирсо де Молины, Кальдерона, Федерико Гарсиа Лорки, кроме того, классические испанские пьесы ставятся на сцене и экранизируются во всём мире. Тем не менее, интерес к испанским версифицированным пьесам не был постоянным: периодически он то угасал, то возрастал вновь. К XVIII в. тексты о доблести и чести в стихотворной форме перестали писаться, уступив место не просто новым темам, но и новым формам – прозаическим. Казалось, что драма в стихах – архаичная театральная форма, навсегда покинувшая подмостки. Однако сегодня испанские драматурги вновь обращаются к классическим формам, стараясь при этом создавать актуально и естественно звучащие произведения. Удаётся им это, в том числе, благодаря сохранению преемственности между разными эпохами в испанском театре: авторы не просто берутся за версификацию как за способ эпатажа, они изучают принципы, предложенные ещё Лопе де Вегой. В основе этих принципов лежит выдвинутая великим драматургом идея о тематическом предназначении, а говоря языком современной лингвистики – о коммуникативно-функциональном потенциале разных форм стихосложения, а также о необходимости подходить к ним избирательно, исходя из жанра, контекста и характера описываемых событий. С течением времени у испанской публики, приученной

к использованию определённых приёмов версификации в конкретных контекстах, естественным образом выработалась ассоциативная память, связанная с такими формами. На наш взгляд, это привело к тому, что в силу таких, заложенных ещё де Вегой, ассоциаций некоторые ритмические структуры стали приобретать определённый семантический ореол.

Отечественная лингвистика периодически обращается к исследованию ритма и метра и связанным с ними вопросами смысла (Ломоносов, Гаспаров, Томашевский) и «памяти культуры», в терминологии М. Гаспарова, [4, с. 13]. С другой стороны, подобные процессы семантизации и приобретения функций, но применительно к явлениям иного порядка, изучались и изучаются в отечественной лингвистике в рамках функциональной грамматики (Бондарко). Мы же видим основания для объединения усилий функциональной лингвистики и просодии с целью очертить условные «функционально-семантические поля» (термин А. В. Бондарко) испанской драматургической версификации как таковой и её отдельных приёмов. Помимо функционального подхода, изложенного А. Бондарко, теоретической базой данного исследования стали труды известного испанского исследователя ритма Хосе Домингеса Капarrоса, трактат о драме Лопе де Веги, а также работы отечественного теоретика стиха М. Гаспарова, теоретика испанского стиха и перевода С. Гончаренко, современных исследователей ритма текста и «синкретизма музыки и литературы» [2, с. 35] Е. Бойчук и В. Москвина. Наконец, в данной работе мы углубляем мысль С. Гончаренко о том, что стиховые метроритмические структуры могут обладать определённым семантическим (тематическим) ореолом [6, с. 75], которую мы

позже развивали в собственной статье, исследуя коммуникативный потенциал стиховых структур в творчестве самого С. Гончаренко и придя к выводу о том, что указанные структуры «имеют определенный семантический ореол и, более того, могут встать в один ряд с единицами, составляющими то или иное семантическое поле» [5, с. 77]. Данное наблюдение имеет, на наш взгляд, существенное значение как для понимания текста в целом, так и для целей анализа прагматической установки его автора и, следовательно, для последующей интерпретации и перевода ритмизованного текста, ведь, как указывает Е. Шляхтина, «ритм представляет собой весьма значимую категорию» и потому при переводе художественных произведений его необходимо учитывать [9, с. 150]. В настоящем исследовании мы экстраполируем этот вывод, сделанный в результате анализа творчества конкретного русскоязычного поэта, на тексты версифицированной испанской драмы.

Теоретические предпосылки и терминологический аппарат исследования

Современная лингвистика, а вслед за ней – переводоведение, уделяет в последнее время всё более пристальное внимание вопросам просодии. Частное её явление – ритм – стал рассматриваться не только как свойство стихотворного текста. Сегодня появляется всё больше исследований ритма прозаического (Бойчук, Васильева, Вдовина, Москвин, Шляхтина и др.). Цитируемые нами в данной работе исследователи предприняли важную попытку синтезировать в своих работах проявления как прозаического, так и стихотворного ритма, что даёт нам возможность проводить на базе собранного ими материала более узкое исследование – анализ ритма в драме, а именно – в испанской драме.

В данной статье мы прослеживаем на примере испанских драматургических произведений разных эпох тенденцию

испаноязычных драматургов к использованию вторичных (стихотворных) приёмов ритмизации текстов как осуществляющих определённые функции и несущих определённую смысловую информацию. Установление данной тенденции даёт нам повод предположить наличие у приёмов версификации в испанской драме способности становиться компонентами функционально-семантических полей.

Согласно А. Бондарко, под *функцией* в лингвистике понимают способность определённой языковой единицы «к выполнению определённого назначения и к соответствующему функционированию в речи» [3, с. 8]. Необходимо уточнить, что А. Бондарко, будучи основоположником функциональной грамматики, использует данный термин именно применительно к единицам языка в грамматическом аспекте. Мы же предлагаем применить данное явление в отношении явления суперсегментного – ритма.

Представляется необходимым уточнить, что определение функции *единицы ритма* затрудняется тем, что, как указывают исследователи (Бойчук, Москвин), на данный момент нет единого взгляда на единицу ритма. В. Москвин предлагает рассматривать в качестве единицы «эстетически мотивированного ритма» [7, с. 99] «соизмеримые по слоговому объёму части» [7, с. 486] – колонны, поскольку именно колонн можно сопоставить со стихом в версифицированной речи, но при этом применить как к стихотворной, так и к прозаической форме. Е. Бойчук, чьё мнение мы разделяем, указывает на существование «иерархии ритмических единиц» [1, с. 136] в силу того, что ритм проявляется на всех языковых уровнях, в связи с чем выделение одной универсальной единицы ритма представляется затруднительным, если не невозможным. В рамках данной статьи мы не будем ставить вопрос непосредственно о выделении единицы ритма. Для нас релевантен, в первую очередь, сам факт наличия особой ритмизации, в частно-

сти – версификации, а также – отдельных приёмов версификации, т. е. конкретных метро-ритмических структур, принятых в испанской драме. Таким образом, отталкиваясь от приведённого выше определения Бондарко, но с учётом особенностей предмета нашего исследования, мы предлагаем трактовать в данной работе функцию как способность версификации как таковой и её отдельных приёмов к выполнению упомянутого выше «определённого назначения и к соответствующему функционированию» в драматургическом произведении.

Уточним, что в данном исследовании мы анализируем версификацию испанской драмы сквозь призму понятия *функционально-семантических полей* (ФСП), введённого Бондарко, согласно которому, ФСП – это «базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и строевых лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций. Каждое поле включает систему типов, разновидностей и вариантов определенной семантической категории, соотношенную с разнообразными формальными средствами их выражения» [3, с. 11]. Как видим, автор не включает, по крайней мере, эксплицитно, в ФСП явления просодии, однако мы считаем необходимым рассматривать метро-ритмические структуры как периферийные компоненты таких полей тоже. Поскольку, как было указано, ритм – явление, пронизывающее все уровни языка, это, на наш взгляд, даёт основания для особого и отдельного рассмотрения именно ритмически организованных компонентов ФСП разных уровней языка как «различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [*ibid.*].

Наконец, уточним, что под *версификацией* мы понимаем использование

средств вторичной ритмизации, с помощью которых создаётся стихотворный текст, т. е. текст, организованный с делением на стиховые строки и с применением средств той или иной системы стихосложения. Поскольку в нашем случае речь идёт именно об испанском стихосложении, напомним, что, помимо силлаботонических, в испанском стихосложении встречаются (и гораздо чаще) средства тонической и акцентно-силлабической систем [6, с. 47–70], в связи с чем мы используем принятые именно в испанском стихосложении понятия, соответствующие построению стиховых строк с особым учётом в них количества ударений и/или слогов, а также соответствующие характерным для испанской традиции строф.

Предпосылкой для утверждения гипотетически возможной функционально и семантически обусловленной мотивации выбора драматургом той или иной формы речи (прозаической или версифицированной), а также – в рамках версифицированной речи – той или иной метро-ритмической структуры является для нас трактат Лопе де Веги *Arte nuevo de hacer comedias en este tiempo*¹ («Новое искусство сочинять комедии в наши дни»), в строках 305–315 которого он говорит, что необходимо выбирать тип стиха в соответствии с предметом, о котором идёт речь: в частности, *десимы* (десятистрочные строфы из восьмисложников с консонансной рифмой и рифмовкой по схеме: *abbaccddc*, согласно словарю испанской метрики Х. Д. Капarróса²) подходят для изложения жалобы, *сонет*

¹ Lope de Vega. *Arte nuevo de hacer comedias en este tiempo* / edición de Juan Manuel Rozas [Электронный ресурс] // Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes : [сайт]. URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/arte-nuevo-de-hacer-comedias-en-este-tiempo--0/html/ffb1e6c0-82b1-11df-acc7-002185ce6064_4.html (дата обращения: 01.11.2022). Далее – Lope de Vega. *Arte nuevo de hacer comedias en este tiempo*.

² Caparrós J. D. *Diccionario de métrica española*. Madrid: Paraninfo, 1985. 200 p. (Colección filológica).

имеет смысл вкладывать в уста тому, кто готов ждать и терпеть, для диалога влюблённых подойдёт романс, терцетами стоит писать на тяжёлые темы, а редондиллями – о любви¹. В отношении редондилли (строфическая комбинация из четырёх восьмисложников с консонансной рифмовкой между 1-м и 3-м/4-м и 2-м и 4-м/3-м стихом) Х. Д. Капаррос, кроме того, утверждает, что такая строфа в целом подходит для диалогов и для повествования в стихе. Как видим, с самого зарождения испанского театра был поставлен вопрос о наличии у приёмов версификации функционального потенциала, о намеренном использовании их в конкретных целях и ситуациях. Уже Лопе де Вега говорит о возможности и даже необходимости подходить к выбору метрических структур осознанно. Убедимся в том, что сам автор претворял в жизнь собственный совет, на анализе его произведений.

Анализ версификации в пьесах Лопе де Веги

В комедии *Perro del hortelano* («Собака на сене») мы видим, что диалоги между слугами, а также диалоги Дианы с её слугами построены преимущественно редондиллями (н., *Name dicho cierta amiga/ que desconfía de sí/ que el papel que traigo aquí/ le escriba. A hacerlo me obliga ...*)². Когда же Диана общается с Теодоро посредством якобы написанного для её подруги письма, в котором озвучивает свои самые сокровенные мысли, а также в диалоге с маркизом и графом, она переходит

на одиннадцатисложники, свойственные героическому романсу: *Amar por ver amar envidia ha sido, / y primero que amar estar celosa / es invención de amor maravillosa / y que por imposible se ha tenido*, а также *Que vuestra señoría solenice / lo que en Italia llaman gallardía / por hermosura es digno pensamiento / de su buen gusto y claro entendimiento*³.

Аналогичным образом, согласно проведённому нами анализу, в драме «Фуэнте Овехуна» диалоги с участием слуг построены преимущественно редондиллями, равно как и наиболее динамичные сцены. Высокопарный диалог между алькальдами – одиннадцатисложниками, а монолог Лауренсии о любви и разлуке представляет собой по форме классический сонет (*Amando, recelar daño en lo amado / nueva pena de amor se considera; / que quien en lo que ama daño espera / aumenta en el temor nuevo cuidado ...*)⁴.

Рассмотрим третий пример – драму «Звезда Севильи» (*La Estrella de Sevilla*). Здесь, как и в предыдущих пьесах, преимущественная часть текста написана редондиллей. Восьмисложниками говорит и король: поскольку его роль в данном произведении неблагоприятна, не превышает автор и стиль его речи. Лишь в драматичном диалоге-объяснении между королём и Эстрельей в третьем действии переходит король на одиннадцатисложники, что придаёт сцене особую торжественность и трагичность. Также в первом и втором действии встречается *силва* – сочетание семисложных строк с одиннадцатисложными. Мы не находим описания *силвы* у Веги, однако этот ассиметричный вид строфы, согласно словарю Капарроса, легко адаптируется к любой поэтической теме. *Силва*, благодаря асимметрии, с одной стороны, звучит свободнее, чем редондилли и канонизированные сонеты, а с другой,

¹ Acomode los versos con prudencia / a los sujetos de que va tratando: / las décimas son buenas para quejas; / el soneto está bien en los que aguardan; / las relaciones piden los romances, / aunque en otavas lucen por extremo; / son los tercetos para cosas graves, / y para las de amor, las redondillas (См. Лопе де Вега. *Arte nuevo de hacer comedias en este tiempo*).

² Лопе де Вега. *Perro del hortelano* [Электронный ресурс] // Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes: [сайт]. URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/el-perro-del-hortelano--0/html/ff981632-82b1-11df-acc7-002185ce6064_3.html (дата обращения: 08.11.2022).

³ Там же.

⁴ Лопе де Вега. *Fuenteovejuna* [Электронный ресурс]. URL: <https://cvc.cervantes.es/literatura/lee/coleccion/pdf/fuenteovejuna.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).

будучи описанной как строфа с чередованием семи- и одиннадцатисложников, консонансной рифмой и/или нерифмованными строками, – всё же подчиняется определённым законам, что указывает на неслучайный выбор размера строк и на осознанно выбранный автором ритмический рисунок. Предполагаем, что данная строфа выбрана автором для размежевания тем пьесы. В частности, сильвой говорит Санчо, главный герой, со своим верным слугой:

*¡Ay, renglones divinos y amorosos,
beberos quiero a besos,
para dejáros en el alma impresos,
donde, pues os adoro,
más eternos seréis que plantas de oro!
Abrázame, Clarindo,
que no he visto jamás hombre tan lindo¹.*

В данной пьесе редондилья вновь становится компонентом ФСП повествования и действия, одиннадцатисложник – компонентом ФСП драмы, объяснения в любви, а сильва – компонентом ФСП дружбы и преданности.

Из вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что Лопе де Вега действительно выбирал приёмы версификации в зависимости от того, какую функцию должен выполнять написанный ими фрагмент в произведении: будет ли это, например, спокойное повествование или напряжённая кульминация. Кроме того, избираемые им виды версификации вступают в определённые отношения с конкретным семантическим полем (СП). Например, в область семантического поля страданий попадают одиннадцатисложники, героический романс; в область СП повествования, второстепенных героев – редондилья, в область СП разлуки – сонет.

Версификация в испанской драме XIX века

Драма в стихах господствовала на испанской сцене два века. В XIX в. её начала вытеснять проза. Однако в 1836 г. была написана драма, превзошедшая все ранее поставленные на испанской сцене произведения – «Трубадур» Антонио Гарсиа Гутьерреса. Известно, что публика встретила премьеру беспрецедентными овациями. Пьеса «Трубадур»² написана в стихах и прозе. Анализ используемых автором форм позволяет нам сделать выводы о том, что разнородность приёмов ритмической организации пьесы имела совершенно определённую функционально-прагматическую мотивацию. Так, помимо прозаических фрагментов, мы обнаружили в оригинале несколько различных метро-ритмических структур. Например, наряду со сценами, написанными прозой, в действии первом встречаются редондильи и кинтильи (пястишишье, написанное восьмисложниками), во втором – романс, в третьем – романс, редондилья и свободная строфа из одиннадцатисложников, в четвёртом появляется сильва, а в кульминационном пятом – романс и героический романс. Важно подчеркнуть, что в силу особенностей жанра (отсутствие косвенной речи, необходимость донести смысл здесь и сейчас), во избежание неверной трактовки или неверно расставленных акцентов драматурги прибегают к различным приёмам: пишут подробные ремарки, участвуют в постановке спектакля. А. Г. Гутьеррес, следуя традициям испанской драматургии, использует для этого чередование строф, а также чередование стиха с прозой.

Проведём гипотетико-дедуктивный и контекстуальный анализ причин и целей, по которым автор прибегает то к прозе,

¹ La Estrella de Sevilla [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uv.es/regarna/estrella/index.html> (дата обращения: 15.12.2022).

² García Gutiérrez A. El trovador: drama caballeresco en cinco jornadas en prosa y verso. Madrid: Imprenta de Repullés, 1836. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/el trovador dramac00garc/mode/2up> (дата обращения: 12.12.2022).

то к стиху. В первом же действии «Трубадура» бросается в глаза, что его прозаическая и стихотворная части несут различную нагрузку и выполняют принципиально различные функции. Пьеса начинается с прозы – разговора между слугами, которые, как бы между прочим, посвящают нас в тайны двадцатилетней давности. Они беседуют между собой достаточно просто, перебивая друг друга и шутя. Надо сказать, что слуги в пьесе, в основном, говорят прозой – автор отказывает им в напряжении мысли и чувства. Лишь в моменты, когда они играют решающую роль в судьбе своих господ, переходят слуги на версифицированную речь. Тем эффектнее становятся последующие явления, где у главных персонажей вырываются в стихотворной форме реплики, полные негодования, ненависти, отчаяния. Такая форма требует повышенного внимания зрителя и «сигнализирует» о том, что завязывается основная интрига пьесы. Таким образом, в первом и во втором действиях «Трубадура» проза призвана служить фоном, описанием уже произошедших событий, не претендуя на первостепенную роль. В третьем действии удельный вес прозы и стиха меняется. Ближе в трагической развязке чаще звучит романс.

Исходя из проделанного анализа, мы можем сделать вывод о том, что в пьесе «Трубадур» прозе и стиху отводятся принципиально разные функции. Чередование разных видов речи и разных приёмов версификации свидетельствует о смене места, времени и тональности повествования, об эволюции персонажей, о развитии действия и о чередовании тем. Кроме того, можно сделать предположение о том, что романс в пьесе является компонентом ФСП трагедии, а восьмисложники, представленные здесь в редондильях и кинтильях, вновь служат для большей части повествования и общения между персонажами.

Версификация в современной испанской драме

Приведённые примеры представляются нам достаточно красноречивым подтверждением осознанного функционально и семантически обусловленного выбора формы речи персонажей и её метро-ритмического оформления классиками испанского театра. Однако и сегодня данная тема вновь приобретает актуальность. В частности, современный испанско-баскский драматург, сценарист и режиссёр Пачо Тейерия (Patxo Telleria) написал на испанском языке и эускера пьесу *Páncreas*¹ современного содержания – о необходимости трансплантации поджелудочной железы у одного из троих друзей-героев, классифицировав её как «комедию о смерти». Для придания произведению оригинального звучания он выбирает версификацию, причём сам признаётся в интервью испанской газете «Паис»², что использует метрику и принципы Лопе де Веги, не считая, что от этого его произведение потеряет актуальное звучание. Неактуальными в драме Золотого века автор считает устаревшую лексику или синтаксис, однако и современным испанским языком, утверждает он, можно писать версифицированные диалоги, что лишь добавит эстетической ценности театральному произведению. Как отмечает в своём интервью баскский драматург Тейерия, он пытается черпать весь потенциал испанского языка, чтобы вернуть зрителю ощущение необычности происходящего, придать театральному действию дополнительную эстетическую ценность, чтобы снять вопрос о конкуренции между кино и театром, оставив кино его функцию подражания действи-

¹ Telleria Patxo. *Páncreas*. Tragicomedia de vida y muerte o cómo juega a veces la muerte. Madrid: Centro Dramático Nacional, 2016. 132 p.

² Vidales R. Versos del siglo XXI a la manera de Lope [Электронный ресурс] // El País: [сайт]. URL: https://elpais.com/cultura/2015/12/15/actualidad/1450170573_574439.html (дата обращения: 16.09.2022).

тельности, а театру – его необычность и возвышенность, вернув их с помощью таких языковых средств, как версификация. Тейерия говорит, что, следуя совету Лопе де Веги, он выбирает стихи большого размера (“*metro largo*”) для сцен, в которых персонаж делится своими размышлениями, и малого размера (“*metro corto*”) – для комических сцен. Это его соображение созвучно с выраженной также в своё время испанским лингвистом Хили Гайей мыслью о том, что испанские авторы до «Поколения 1898 года» отдавали предпочтения более длинным ритмическим структурам (как в отношении размера стиха, так и в отношении длины периода или абзаца), в то время как потом началось укорочение ритмических групп, что привело к ощущению меньшей торжественности и более сниженного регистра. В то же время, если современный автор, по словам Гайи, решит воссоздать торжественно-пафосный стиль предыдущих эпох, он обратится, в том числе, к удлинению фраз, абзацев и стиховых строк [11].

Тейерия для пролога выбирает самый традиционный и потому естественно звучащий для испанского стиха размер – восьмисложник. При этом первая и последняя фразы вступительной речи ведущего построены как *кантар де хеста* – это шестнадцатисложники с цезурой в середине, что настраивает зрителя с самого начала на торжественный тон. Однако благодаря последующему делению каждой строки на восьмисложники не с помощью цезуры, как в первой строке, а с помощью рифмы автор задаёт хоть и торжественный, как в романсе, но менее напряжённый, чем в кантаре де хеста, ритм. Кроме того, созданию менее драматичной атмосферы и намёку на игривый лад способствует консонансная рифмовка, в отличие от принятой в романсе ассонансной:

Se contaron muchas cosas de lo que pasó esta noche.

Se habló de autodestrucción,

*De sacrificio solidario,
De amistad, de abnegación
Y de todo lo contrario.
Se utilizó la imaginación
Con un enorme derroche.
Como pasa casi siempre –
También en esta ocasión,
La realidad superó a la más retorcida ficción¹.*

Мы считаем, что таким оригинальным способом – сочетая размер романса и кантара с консонансной рифмой – автор, во-первых, продолжает логичный курс на создание жанра «комедия о смерти, трагикомедия», сочетающего в себе несочетаемое. Во-вторых, ему удаётся создать лёгкий для восприятия язык. В-третьих же, невозможно не отметить, что эстетическое удовольствие от просмотра спектакля повышается, поскольку автор играет с ожиданиями зрителей, то угождая им и «даря» предугаданную рифму, то намеренно создавая эффект неожиданности.

Как мы указали выше, стих в данной современной пьесе выполняет совершенно определённые функции: повышение эстетической ценности произведения, заигрывание со зрителем. Выбираемые же формы версификации, согласно нашему анализу, становятся компонентами определённых ФСП: шестнадцатисложники становятся компонентами ФСП торжественности и трагичности, восьмисложники – компонентами ФСП дружеского общения, а консонансная рифма как приём версификации – компонентом ФСП повседневности, непринуждённости и юмора.

Заключение

Таким образом, в современной испанской драме мы находим примеры обращения к приёмам версификации и рифмовки, основанным на классиче-

¹ Транскрибация видеозаписи пьесы *Páncreas*. См: *Páncreas*. Máticate Teatro // Manuel de Reyes : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Orxxgg7AVSE&t=15s> (дата обращения: 17.09.2022).

ских постулатах испанской драматургии. Полноценное понимание интенции автора при выборе таких языковых приёмов возможно, соответственно, только при ознакомлении с традицией. В частности, необходимо учитывать такие функции ритмической организации драматургического испанского текста, как имплицитное указание на важность или второстепенность героя или сцены, на торжественность, напряжённость момента или же, напротив, на ситуацию ожидания комического эффекта. Ритмическая организация драматургического диалога организует и зрителя, заставляя его внимательнее относиться к тек-

сту, пытаться предугадать находящееся в клаузуле слово и, соответственно, помогает драматургу реализовать эффект неожиданности или удовольствия от предугадывания. В то же время, проведённый анализ даёт повод для глубокого изучения каждой версифицированной современной испанской пьесы с точки зрения вхождения использованных в ней ритмических структур в состав функционально-семантических полей в целях обнаружения в тексте имплицитных отсылок и смыслов, скрытых за её особой ритмизацией.

Дата поступления в редакцию 18.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойчук Е. И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка): монография. Ярославль: Канцлер, 2019. 232 с.
2. Бойчук Е. И. Ритм в литературе и в музыке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 31–36.
3. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 5–39.
4. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
5. Гончаренко Е. С. Семантический ореол и суггестивный потенциал метро-ритмических структур (на материале поэзии и переводов Сергея Гончаренко) // Cuadernos de Rusística Española. 2021. No. 17. P. 77–89 [Электронный ресурс]. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/view/21002/22409> (дата обращения: 29.12.2022).
6. Гончаренко С. Ф. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 3. Монографии. М.: Рема, 1995. 299 с.
7. Москвин В. П. Ритмические средства языка: Фигуры и стили: монография. М.: Флинта, 2020. 560 с.
8. Силюнас В. Театральный манифест Лопе де Веги // Вопросы театра. 2018. № 1-2. С. 529–540.
9. Шляхтина Е. В. Передача ритмических средств при переводе художественной прозы с английского на русский язык (на материале романа К. Аткинсон «Жизнь после жизни») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 149–161. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-149-161.
10. Штейн А. Л. История испанской литературы. М.: УРСС, 2001. 605 с.
11. Gili Gaya S. El ritmo de la lengua hablada y de la prosa literaria. Madrid: Escuela Central de Idiomas, 1962 [Электронный ресурс]. URL: <https://fonsespecials.udl.cat/bitstream/handle/10459.3/30/OP-053.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 12.06.2022).

REFERENCES

1. Boichuk E. I. *Analiz ritma prozy (na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Analysis of the rhythm of prose (based on the French language)]. Yaroslavl, Kantsler Publ., 2019. 232 p.
2. Boichuk E. I. [Rhythm in literature and music]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University], 2010, no. 1, pp. 31–36.
3. Bondarko A. V. [Introduction. Foundations of functional grammar]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 5–39.

4. Gasparov M. L. *Metr i smysl* [Meter and meaning]. Moscow, Fortuna EL Publ., 2012. 416 p.
5. Goncharenko Ye. S. [Semantic halo and suggestive potential of metro-rhythmic structures (based on the poetry and translations of Sergei Goncharenko)]. In: *Cuadernos de Rusística Española*, 2021, no. 17, pp. 77–89. Available at: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/view/21002/22409> (accessed: 29.12.2022).
6. Goncharenko S. F. *Sobraniye sochineniy v 3-kh tomakh. T. 3. Monografii* [Collected works in 3 volumes. Vol. 3. Monographs]. Moscow, Rema Publ., 1995. 299 p.
7. Moskvina V. P. *Ritmicheskiye sredstva yazyka: Figury i stili* [Rhythmic means of language: Figures and styles]. Moscow, Flinta Publ., 2020. 560 p.
8. Silyunas V. [Theatrical manifesto of Lope de Vega]. In: *Voprosy teatra* [Problems of the theatre], 2018, no. 1-2, pp. 529–540.
9. Shliakhtina E. V. [Translation of rhythm figures in literary prose from English into Russian (a study of K. Atkinson “Life after life”)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University], 2019, no. 5, pp. 149–161. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-149-161.
10. Shteyn A. L. *Istoriya ispanskoy literatury* [History of Spanish literature]. Moscow, URSS Publ., 2001. 605 p.
11. Gili Gaya S. El ritmo de la lengua hablada y de la prosa literaria. Madrid: Escuela Central de Idiomas, 1962. Available at: <https://fonsepeciales.udl.cat/bitstream/handle/10459.3/30/OP-053.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 12.06.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гончаренко Елизавета Сергеевна – старший преподаватель кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: elisea@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta S. Goncharenko – Senior Lecturer, Department of Spanish Language and Translation, Faculty of Translation and Interpretation, Moscow State Linguistic University;
e-mail: elisea@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гончаренко Е. С. Функционально-семантические поля приёмов версификации в испанской драме // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 98–107.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-98-107

FOR CITATION

Goncharenko E. S. Functional-semantic fields of versification techniques in the Spanish drama. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 98–107.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-98-107

УДК 811.111'37

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-108-121

ЯДЕРНЫЕ НОМИНАНТЫ КОНЦЕПТОВ «СВОЙ» / «ЧУЖОЙ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Дзахова В. Т., Скрипай И. И.

*Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова
362025, Республика Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44-46,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление ядерных номинантов для концептов «свой» / «чужой» в английском языке и создание корректного вектора исследования данного парного концепта.

Процедура и методы. Алгоритм исследования состоял из последовательного применения методов лексикографического анализа, компонентного анализа; анализа научных работ, а также анализа частотности употребления лексем в корпусе английских текстов. Использование в качестве материала исследования репрезентативного корпуса текстов позволяет учесть при выявлении ядерных номинантов их частотные характеристики, что немаловажно для получения максимально объективных результатов.

Результаты. Новизна исследования состоит в том, что при рассмотрении данного вопроса было решено прибегнуть к комплексному подходу в установлении ядерных номинативных единиц концептов, а именно к использованию анализа лексикографических источников, формированию ядра эквивалентов, когнитивному синтезу дефиниционной методики и компонентного анализа, а также исследованию показателей частотности в корпусе английского языка и выявлению степени репрезентативности номинантов на предварительно собранном для исследования фразеологическом материале. Алгоритм, применяемый в ходе исследования, позволил достичь основных целей и задач – обеспечить достоверную номинацию концептов «свой» и «чужой» в английском языке, а также избрать корректный вектор работы, потенциально ориентированный на более широкий ареал лингвокультурного исследования.

Теоретическая и практическая значимость. Алгоритм, направленный на выявление ядерных номинантов, может успешно применяться на материале разных языков, что вносит существенный вклад в теорию и практику лингвокультурологических исследований. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в практических курсах по лингвокультурологии и фразеологии английского языка.

Ключевые слова: английский язык, архетипические концепты, межкультурная коммуникация, «свой/чужой»

NUCLEAR NAMINGS FOR THE CONCEPTS “ONE’S OWN” / “ALIEN” IN THE ENGLISH LANGUAGE

V. Dzakhova, I. Skripai

*North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov
ulitsa Vatutina 44-46, Vladikavkaz 362025, North Ossetia - Alania, Russian Federation*

Absrtact

Aim. To identify nuclear namings for the concepts “one’s own” / “alien” in the English language and to create a correct research vector of this binary concept.

Methodology. The research algorithm consisted of the consistent application of the methods of lexicographic analysis, component analysis; analysis of scientific papers, as well as analysis of the lexeme use frequency in the corpus of English texts. The use of a representative corpus of texts as a research material makes it possible to take into account their frequency characteristics when identifying nuclear nominees, which is important for obtaining the most objective results.

Results. The novelty of the study lies in the fact that when considering this issue, it was decided to resort to an integrated approach in establishing the nuclear nominative units of concepts, namely, to the use of analysis of lexicographic sources, the formation of a core of equivalents, cognitive synthesis of the definitional methodology and component analysis, as well as the study of frequency indicators in corpus of the English language and identifying the degree of representativeness of the namings on the phraseological material previously collected for the study. The algorithm used in the course of the study made it possible to achieve the main goals and objectives - to ensure a reliable nomination of the concepts «свой» (“one’s own”) and «чужой» (“alien”) in the English language, as well as to choose the correct vector of work, potentially focused on a wider area of linguistic and cultural research.

Research implications. The algorithm aimed at identifying nuclear namings can be successfully applied on the material of different languages, which makes a significant contribution to the theory and practice of linguistic and cultural studies. In addition, the results of the study can be used in practical courses on cultural linguistics and phraseology of the English language.

Keywords: English, archetypal concepts, intercultural communication, “one’s own /alien”

Введение

Исследования национально-культурной специфики тех или иных концептов, пользующиеся популярностью в современной лингвистике, обусловлено возможностью проникнуть в недостижимые для исследователей области человеческого мышления, отвечающие за процессы познания и категоризации объектов, предметов, явлений окружающей действительности. Это напрямую связано с когнитивной и аккумулятивной функциями языка. Язык, будучи сложной знаковой системой, служит для материального оформления мыслей, накопления знаний, передачи их от поколения к поколению. Мышление, как высшая форма активного отражения объективной реальности, может быть понято только с опорой на язык, в котором с помощью единиц различных уровней зашифрованы важнейшие этапы обобщённого познания связей и отношений между предметами и явлениями. Именно поэтому исследования, направленные на изучение концептов, остаются актуальными и важными.

Для того чтобы описание концепта было максимально точным, необходимо подробно исследовать язык, который в

данном случае выступает в роли материала, «сырья», на основе которого сформировался тот или иной концепт. Язык представляет собой семиотическую систему, знаки которой содержат сведения о представлениях, мировоззрении, опытной базе того или иного культурного общества. Концепт не может существовать как независимая от культурного бэкграунда единица. Один и тот же концепт в каждом лингвокультурном сообществе способен иметь различные оттенки трактовок, поскольку обладает глубинным лингвокультурным контекстом, который для каждого этноса уникален.

Способов визуализации концепта существует множество: в живописи, музыке, литературе, в самом языке. Исходя из этого, различают культурный концепт и лингвокультурный концепт. Под культурным концептом понимается концепт, объективированный в невербальных знаках культуры, а под лингвокультурным – вербализованный культурный концепт [5, с. 62]. При этом, как справедливо отмечает Л. Малгожата, «между концептуальной и языковой картинами мира существуют зыбкие и неопределённые границы. Общее между ними то, что обе

они – не зеркальное отображение мира, а его интерпретация. ... концептуальная картина мира всё время уточняется, корректируется, в то время как его языковая картина мира ещё долго сохраняет эти ошибки. ... Поэтому задача лингвистики на будущее – исследовать культурное знание как явление языкового сознания» [8, с. 13].

В рамках лингвистики происходят похожие механизмы. Залогом успешной коммуникации между этносами является понимание, принятие культурного бэкграунда представителя иного лингвокультурного сообщества. В этом и кроется смысл изучения лингвистами культурных концептов, которые, будучи оформленными языковыми средствами, получают статус лингвокультурных. При качественном подборе методологии их исследования существенно увеличивается вероятность успешного взаимодействия культур.

Чтобы создать условия для работы подобных механизмов, необходима успешная детерминация или верификация уже имеющихся номинантов, в первую очередь, для архитектурных концептов «свой», «чужой». Для этого нужно наметить контур будущего исследования, задать верное направление работы, особенно в рамках изучения данного парного концепта. Достичь этой цели невозможно без построения проверенного номинативного фундамента данных концептов.

Однако фокус исследования направлен не только на сооружение верифицированной базы ядерных номинантов концептов «свой», «чужой» в английском языке, но и на формирование устойчивого и вместе с тем гибкого алгоритма подходящего для проверки достоверности / выявления номинативной единицы для концепта, а также для научной и культурной деятельности на всех языках мира, что является немаловажным «побочным эффектом» данного исследования.

Особенности методологии. Вектор научного изыскания

Работа с лингвокультурными концептами, как и любое другое исследование, должно начинаться с выбора правильного имени концепта в анализируемом языке: «При изучении концептов исследователи исходят из того, что концепт реализуется различными единицами языка. Наиболее полное представление о концепте можно получить путём анализа парадигматических связей основной лексемы, именующей концепт, особенностей её употребления и путём изучения устойчивых сочетаний, интерпретирующих содержание концепта [10, с. 246]. Кроме того, важно помнить, что мыслительный концепт может перейти в разряд лингвокультурного только в случае получения им своего имени в языке [2, с. 142].

Ещё один немаловажный момент при выборе ключевых слов, ядерных номинантов того или иного концепта заключается в том, что эти слова как наиболее значимые для данной культуры являются связующим элементом между языком и культурой [1, с. 35]

В фокусе данного исследования находится парный концепт «свой / чужой» в русском и английском языках. Эта оппозиция относится к категории базовых и архетипических, не подвергающихся модификациям. Бинарные концепты «свой / чужой» представляют огромный интерес для общества в целом, а следовательно для лингвокультурологов, поскольку посредством взгляда различных этносов через призму конкретно этой базовой оппозиции, можно понять, что именно подразумевает данное лингвокультурное сообщество под «своим» и «чужим». Термин «архетипический концепт» был введён В. И. Карасиком для обозначения «активно транслируемых, закрытых для модификации, непередаваемых в иные формы выражения и не допускающих критического восприятия концептов» [7, с. 43].

Что касается концепта «свой», во всех культурах он воспринимается примерно одинаково – как понятный, привычный, знакомый и т. д. Меняться от культуры к культуре может «градус» притяжательности. Концепт «чужой», напротив, может существенно различаться у представителей разных этносов, и его исследование позволяет дополнить и/или расширить сведения относительно концепта «свой». Не случайно эти концепты представляют пару и исследуются чаще всего одновременно. Это обусловлено тем, что каждая лингвокультурная группа по-своему составляет границы между полями «свой» и «чужой», противопоставляя их друг другу. На практике результаты исследований данной оппозиционной пары концептов служат инструментом урегулирования различного рода столкновений между представителями разных языков и культур.

Необходимость в определении ядерных номинантов английских концептов «свой» / «чужой» обусловлена тем, что речь идёт не о переводе лексем «свой» и «чужой» на английский язык, а о выборе в английском языке слов или выражений, максимально адекватно передающих сущность русских концептов «свой» / «чужой».

«Свой/чужой». Сайнс дайджест вариаций имён концептов

На начальном этапе был проведён обзор научных работ и публикаций, посвящённых изучению данной бинарной оппозиции в английском языке. Предстояло выяснить, в пользу каких имён концептов делается выбор исследователями.

Г. И. Исина и М. А. Сергеева в своей статье «Вербальное выражение концептов «своего и чужого жизненного пространства» в паремиологических единицах на материале русского и английского языков»¹ рассматривают интересующие нас концепты под именами “own/alien”.

¹ См.: Исина Г. И., Сергеева М. А. Вербальное выражение концептов «свое – чужое жизненное пространство» в паремиологических единицах (на

Авторы статьи «Концептуальная триада «свой–чужой–иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект» используют имена “one’s, somebody else’s, other”².

Т. А. Воллерт в рамках исследования «Местоимения us и them как маркеры групповой идентификации» проводит обзор зарубежных и отечественных работ и рассматривает способы именования интересующих нас концептов. С точки зрения установления максимально прямой линии тождества данная вариация, по нашему мнению, не имеет сугубо номинативно-содержательного корпуса, а отклоняется от заданной «орбиты» в сторону более притяжательной конструкции, что несколько разрушает более абстрагированную, «словарную» или, возможно, «инфинитивную» модель, характерную для какого-то третьего лица. Более того, в данной вариации присутствуют лишь некоторые компоненты интересующего спектра значений, что в принципе не разрушает корректность выбранных имён парных концептов, а скорее позволяет рассматривать парные концепты us и them как одну из граней макроконцептов свой и чужой³.

Т. А. Ван Дейк в своих работах оперирует единицами “us vs them”, а также использует гибридную оппозицию “positive self-presentation” как «положительную презентацию себя» и “negative other-presentation” как «отрицательную презентацию других». На наш взгляд, данная гибридная оппозиция вполне может использоваться для описания переработанной, вариативной модели «свой/

примере русского и английского языков) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11-1. С. 158–160.

² См.: Кислякова Е.Ю., Соломина В. В. Концептуальная триада «свой - чужой - иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (10). С. 72–76.

³ См.: Воллерт Т. А. Местоимения us и them как маркеры групповой идентификации: выпускная квалификационная работа СПб.: СПбГУ, 2016. 55 с.

чужой» в области психологии, поскольку эти имена отражают, с одной стороны, транслируемую, но в то же время сокровенную модель деления на своих и чужих, поскольку под «своим» априори подразумевается что-то положительное, а под «чужим» – отрицательное¹.

У. Самнер в своих исследованиях обращается к вариантам “we-group” (“in-group”) и “they-group” (“out-group”)². Данные термины позднее были использованы в социологии, социальной психологии, а также в лингвистике. Этот способ именования рассматриваемых концептов вполне адекватен, но на наш взгляд, имеет больше перспектив применения в качестве термина социологических наук, поскольку даже визуально-графическое оформление с дефисом в конструкции лексем, несёт в себе более конкретный, чётко оформленный сегмент, который резоннее расшифровать с помощью дефиниции, нежели прорабатывать творчески, основываясь не неоднозначных, имиджевых элементах языковых явлений.

В отечественной лингвистике также нет единства по поводу именования данных концептов. Так Т. В. Алиева делает акцент на лексемы “self” и “other/alien”, основываясь на утверждении, что в англоязычной литературе чаще можно встретить именно эти лексемы, репрезентирующие оппозицию “свой /чужой»³.

С помощью варианта “us-them divide / opposition” С. В. Иванова передаёт оппозиционную диаду «свой / чужой»⁴. Инте-

ресно, что А. А. Матвеева от варианта с субъектными местоимениями “we-they”, позднее переходит к объектным “us-them”, возможно, ввиду того, что носителями английского языка местоимения us и them воспринимаются способными выступать в роли маркеров групповой идентификации наравне с местоимениями we и they⁵.

Е. В. Кишина в своём исследовании использует вариант “own/alien”⁶.

Контекст исследования дискурса волшебных русских сказок позволил А. В. Шаколо представить оппозицию «свой/чужой» посредством контрастирующей диады “friend/foe”⁷.

Ещё один вариант предлагается О. В. Емельяновой в статье «Семиотическая универсалия “свой-чужой” в языковой картине мира»⁸. Она иллюстрирует оппозицию in-question с помощью пространственно-психологического противопоставления “permanent resident” в качестве «своего» и “stranger” в качестве чужого.

В рамках исследования фразеологических единиц, вербализующих концепты «свой» и «чужой» С. Е. Чернобай и А. В. Мансурова передают данную оппозицию лексемами “own/alien”⁹. Та-

Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 5. С. 20–31.

⁵ См.: Матвеева А. А. Дейксис как маркер категории «свой-чужой» // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 1 (51). С. 112–118; Матвеева А. А. Отношения «Свой – чужой» как репрезентант «окационального» дейксиса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 2. С. 216–224.

⁶ См.: Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «Свой чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4. С. 174–179.

⁷ См.: Шаколо А. В. Оппозиция «свой – чужой» и ее реализация посредством концептов «дом» и «лес» в дискурсе русских волшебных сказок // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 113–125.

⁸ См.: Емельянова О. В. Семиотическая универсалия «свой-чужой» в языковой картине мира // Язык человека. Человек в языке. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 43–68.

⁹ См.: Чернобай С. Е., Мансурова А. В. Семантические особенности фразеологических единиц, вербализующих концепты «свой – чужой» в ан-

¹ См.: Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.; van Dijk T. A. The relevance of discourse // van Dijk T. A. In Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: SAGE Publications, 1998. P. 192–199.

² См.: Самнер У. Народные обычаи (пер. по: Sumner W. Folkways. New-York: Dover, Inc., 1959) [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/238/114/1217/RUBEV12x20-x200010-32.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

³ См.: Алиева Т. В. Оппозиция «Свой чужой» в англоязычной прессе: лексические средства выражения // Вестник МГИМО. 2012. № 3 (24) С. 182–187.

⁴ См.: Иванова С. В. Телесные корни лингвокультурологической категории «Свой чужой» // Вестник

кими же именами передаёт отношение «свой-чужой» А. Ф. Юлдашбаев, хотя и рассматривается целый ряд лексем, относящихся к словесной репрезентации данных концептов, но выделяет он именно отношение “own/alien”¹.

Сьюзан Мизен в статье “The Self and alien self in psyche and soma”, рассматривая данную оппозицию в русле аналитической психологии, использует лексемы “Self” и “Alien self”. В процессе исследования автор использует номинант “alien” в терминологическом сочетании “alien self” с целью подчеркнуть именно научную семантическую нагруженность лексемы, т. е. “alien ...” как часть термина «чужеродное я». Также на авансцену выходит вариант “other”, который не выступает в роли терминологической единицы, но и используется не просто как лексема; автор вкладывает в неё нечто больше. Ввиду резкого контраста, как стилистического, так и семантического, между сферами значения “other” («другой», «чужой») и “self” («я», «эго» как термины в психологии), исследователь выходит за рамки сугубо научного формата, придавая статье оттенок популярности. В какой-то степени “other” (другой/ чужой) употребляется в формате концепта, и в связи с этим нельзя не выделить этот номинант. Вариант “other”, также являющийся эквивалентным для русской лексемы «чужой», автором маркируется как лишённый терминологической нагрузки рядовой повествовательный элемент. Исходя из общего содержания статьи, было отмечено, что и лексема “other” наряду с “alien”, используется в качестве концептуального феномена, но в более популярном формате. Т. е. “alien” выступает только

грийском языке // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2013. Т. 26 (65). № 2. С. 331–336.

¹ См.: Юлдашбаев А. Ф. Особенности выражения концепта свой-чужой в современных англоязычных фильмах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113). С. 164–170.

как термин, а “other” (другой, иной) – как популярная трактовка серьёзной концептуальной составляющей. Что касается обозначения единицы «свой», автором данной статьи используется единственный вариант “self”, но, исходя из повествования данного источника в рамках психологической науки, “self” используется и в значении «свой», и в значении «я» [13, p. 777, 779, 787].

В целом следует отметить, что в англоязычных источниках лексема “self” часто используется в контексте «самости», в значении «я», в особенности в научных публикациях в области психологии. Так в своей статье Кортни Эккерман употребляет лексему “self”, имея в виду термин «Я-концепция», более широкий, но вместе с тем, более специальный, чем русский вариант «свой» как концепт [11].

В статье “Kin relationships” исследуется родственный концепт “kinkeeping” как эмоционально базированное действие, направленное на сохранение и укрепление семейных уз, как механизм, сплачивающий поколения. “Kin” рассматривается авторами как вариация «своего», но в большей степени акцент делается на грани семейных отношений, от узкого круга родства “primary kin” до “secondary kin” – других членов семьи, находящихся на отдалённых точках “семейной галактики”. Следует отметить, что авторы статьи не рассматривают окказиональную оппозицию “primary kin” – “secondary kin” как противопоставление «свой-чужой» с негативной коннотацией, которая может возникнуть у носителей русского языка по аналогии с выражением «сёдая вода на киселе». Напротив, эти два феномена исследуются в формате «оттенков» более обширного “kin”: оба с положительной коннотацией².

² См.: Kin Relationships // Encyclopedia of human relationships / eds. H. T. Reis, S. Sprecher. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/18513941.pdf> (дата обращения: 14.05.2023).

В публикации “Self and Other in SF: Alien encounters”, относящейся к исследованиям в русле научной фантастики, даётся возможность сравнения человеческой и инопланетной сущностей. Для маркирования данной оппозиции автором используется вариант “human-alien”. Но сам ключевой концептуальный вопрос формируется с помощью лексем “self” и “other”, причём рассматривается этот вопрос в формате познания себя (self) через изучение другого (other) [12, p. 18, 26, 33].

Таким образом, анализ позволил выделить следующие лексические единицы-номинанты концептов «Свой» / «Чужой» в английском языке:

- 1) own/alien;
- 2) one's, somebody else's/ other;
- 3) us-them;
- 4) we-they;
- 5) kin/self – other/alien;
- 6) friend/foe;
- 7) we-group – they-group;
- 8) in-group – out-group;
- 9) permanent resident-stranger.

Такое разнообразие номинантов может быть обусловлено, на наш взгляд, контекстом или материалом исследования, а также сферой научных интересов исследователя. Каждое выявленное отношение по-своему весьма изобразительно, и, одновременно с этим, все представленные варианты разнятся стилистически. Некоторые из представленных оппозиций, вероятно, более актуальны для употребления в качестве терминов, некоторые для имён концептов.

Для выяснения того, какие языковые единицы максимально точно передают сущность концептов «Свой» / «Чужой» в английском языке, было решено провести сложную процедуру анализа, состоящего из комплекса лингвистических методов, которые в совокупности позволят выявить наиболее корректные имена анализируемых концептов.

Исследование и результаты

Вполне логично, что алгоритм поиска корректного имени концепта должен начинаться с обращения к лексикографическим источникам, в которых «наиболее отчетливо фиксируются ценностные ориентации этноса, его моральные, этические и эстетические установки, менталитет» [4, с. 63].

Работа с лексическими единицами языка очень важна, так как «языковые формы есть не что иное, как внешние манифестации сложной системы ментальных структур, которые за ними стоят» [6, с. 304].

Анализ лексикографических источников дал возможность определить список лексем, имеющих соответствие в английском языке русским лексемам «свой» / «чужой». На этой стадии исследования были проанализированы данные следующих русско-английских словарей:

1. Русско-английский словарь: около 50 000 слов / сост. О. С. Ахманова, З. С. Выгодская, Т. П. Горбунова [и др.]; под общим руководством проф. А. И. Смирницкого; под ред. О. С. Ахмановой; отв. ред. Р. С. Даглиш; 3-е изд., испр. и доп. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 951 с.

2. Полный русско-английский словарь, составленный А. Александровым = Complete Russian-English Dictionary by A. Alexandrow / 6-е изд, испр. и доп. Петроград: б. и., 1917. 765 с.

3. Reverso translation Russian-English 2022. Reverso-Softissimo¹.

4. Полный русско-английский словарь Мультитран / MultiTran Russian-English dictionary².

¹ Reverso: free translation, dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.reverso.net/text-translation> (дата обращения 06.02.2023).

² Русско-английский словарь Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitrans.com/m.exe?ll1=2&ll2=1&s=&l2=1> (дата обращения 06.02.2023).

5. Яндекс Переводчик: словарь и онлайн перевод на английский¹.

После проведения анализа данных было выявлено лексическое ядро исследования в виде 6 основных единиц, эквивалентных лексеме «свой» в английском языке: *one's own* (вариант *one's own* выбран в качестве обобщающего и нейтрального варианта, не привязанного к конкретному роду или числу), *peculiar*, *friendly*, *self*, *custom*, *kin*, а также 10 основных единиц, эквивалентных лексеме «чужой»: *another*, *strange*, *other*, *foreign*, *alien*, *outsider*, *unfamiliar*, *vicarious*, *extraneous*, *hostile*.

На следующем этапе были проанализированы дефиниции определённого нами круга лексем. Исследование проведено с помощью толковых словарей английского языка.

Для реконструкции когнитивной организации концепта была применена дефиниционная методика и компонентный анализ, что помогло выявить ядерные семы в структуре ключевых лексем.

Необходимость в подобном анализе обусловлена тем, что при условии многозначности значения слов в русском и английском языках могут не совпадать. В процессе анализа толковых словарей были выделены только релевантные толкования, имеющие прямое отношение к семам «свой» и «чужой». В качестве основы исследования на данном этапе были использованы следующие толковые словари английского языка:

1) Cambridge Advanced Learner's Dictionary²,

2) Cambridge Academic Content Dictionary,

3) Cambridge Business English Dictionary,

4) Macmillan Dictionary³.

Своего рода синтезирующим этапом, для обеспечения наглядности рассмотрения полученных результатов, были составлены таблицы, отражающие все выявленные компоненты значений и все лексемы. Лексемы, набравшие наибольшее количество случаев пересечений, были определены как лидирующие эквиваленты.

Компонентный анализ английских лексем, соответствующих русской лексеме «свой», представлен в табл. 1.

Компонентный анализ слов, соответствующих русской лексеме «чужой», представлен в табл. 2.

Следующим этапом является верификация полученных данных с помощью анализа частотности употреблений. На наш взгляд, имя концепта должно обладать большей частотностью употребления в языке по сравнению с другими, близкими по значению словами. Необходимость в этом методе верификации данных основывается на утверждении А. Вежбицкой о вероятности того, что чем чаще используется слово, тем выше может являться его показатель культурной значимости [1, с. 31].

Все обнаруженные с помощью лексикографических источников слова английского языка были рассмотрены через призму анализа частотности в корпусе английских текстов. В качестве материала исследования на данном этапе была использована база VISL Corpuseye⁴.

Были выявлены следующие числовые показатели (*предварительно ранжированы для наглядности рассмотрения полученных результатов*).

¹ Яндекс Переводчик: словарь и онлайн перевод на английский [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.yandex.ru/dictionary/Русский-Английский/онлайн> (дата обращения 06.02.2023).

² Cambridge Advanced Learner's Dictionary, Cambridge Academic Content Dictionary, Cambridge Business English Dictionary см. на: Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения 06.02.2023).

³ Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения 06.02.2023).

⁴ VISL Corpuseye [Электронный ресурс]. URL: <https://corp.visl.dk/interface-info.html> (дата обращения: 14.02.2023).

Таблица 1 / Table 1

Компонентный анализ английских слов, соответствующих лексеме «свой» / Component analysis of the English words corresponding to the lexeme “свой” (“one’s own”)

Definitions	(One’s own) Own 6	Peculiar 2	Friendly 2	Self 2	Custom 0	Kin 1
belonging or relating to a particular person rather than to other people:	+					
used for showing that something belongs to a particular person or thing and not to any other	+					
used for showing that something is done or caused by a particular person and not by anyone else	+					
belonging to, relating to, or found in only particular people or things:	+	+				
characteristic especially of a particular person, group, or thing:		+				
a friendly government has a good relationship with your country and is not your enemy			+			
on the same side as you in a war			+			
of or by yourself or itself: who a person is, including the qualities such as personality and ability that make one person different from another:	+			+		
who you are and what you think and feel, especially the conscious feeling of being separate and different from other people (sense of self)				+		
family	+					+

Таблица 2 / Table 2

Компонентный анализ английских слов, соответствующих лексеме «чужой» / Component analysis of the English words corresponding to the lexeme “чужой” (“alien”)

Definitions	Another 4	Strange 6	Other 10	Foreign 6	Alien 11	Outsider 1	Unfamiliar 6	Vicarious 0	Extraneous 1	Hostile 3
a different person or thing of the same type	+			+	+					
not known or familiar:		+			+		+			
used about someone whose behaviour is unusual		+								

Definitions	Another 4	Strange 6	Other 10	Foreign 6	Alien 11	Outsider 1	Unfamiliar 6	Vicarious 0	Extraneous 1	Hostile 3
different to what is usual or expected, and sometimes not well understood:			+		+		+			
used when there are two things or people for referring to the one that has not already been mentioned or is not already known about			+							
used for referring to the rest of the people or things in a group as one of them			+							
opposite	+		+							+
belonging or connected to a country that is not your own:			+	+	+					
dealing with or relating to other countries			+	+	+					
not typical of something or someone and therefore not expected or familiar		+		+			+			
coming from a different country, race, or group:	+		+	+	+					
strange and not familiar:		+	+		+		+			
relating to creatures from another planet:	+		+		+					
MAINLY AMERICAN someone who is not a citizen of the country they are living in				+	+					
a person who is not liked or accepted as a member of a particular group, organization, or society and who feels different from those people who are accepted as members:		+	+		+	+				
not known to you:		+			+		+			
not relating to the subject or situation that you are dealing with			+				+		+	
showing strong dislike; unfriendly:										+
belonging to an enemy in a war										+

В первой группе указаны результаты, соответствующие лексеме «свой»:

1. own – 16.267 случаев обнаружения (one's own – 131 случай обнаружения).

2. friendly – 629 случаев обнаружения.
3. peculiar – 108 случаев обнаружения.
4. custom – 101 случай обнаружения.
5. kin – 78 случаев обнаружения.
6. self – 59 случаев обнаружения.

Во второй группе – «чужой»:

1. other – 36354 случая обнаружения.
2. another – 14955 случаев обнаружения.
3. foreign – 3663 случая обнаружения.
- 4. alien – 1494 случаев обнаружения.**
5. strange – 799 случаев обнаружения.
6. hostile – 517 случаев обнаружения.
7. unfamiliar – 147 случаев обнаружения.
8. outsider – 131 случай обнаружения.
9. vicarious – 26 случаев обнаружения.
10. extraneous – 21 случай обнаружения.

По завершении обработки данных было выявлено, что лидирующей лексемой, имеющей наивысшие показатели частотности в поле «свой» стала лексема “own” (16267 случаев обнаружения).

Вообще следует отметить, что корпус текстов широко используется для составления номинативного поля концептов. Так, например, разработанная автоматическая система обработки текстов позволила выявить, что наиболее часто со словом *immigrant* в американских и британских статьях встречается лексема *illegal*, что позволило филологам сделать вывод о том, что в номинативном поле концепта *immigrant* преобладают слова с негативной окраской [3, с. 50].

Что касается исследования в рамках поля «чужой», были выявлены некоторые несоответствия: лексема “alien”, набравшая наибольшее количество «+» в процессе компонентного анализа, по статистическим данным корпуса английского языка оказалась на 4-й позиции, уступив таким лексемам, как “other”, “another”, “foreign”. Тем не менее, отношение 4 из 10, оставляет вероятность актуальности выбора лексемы “alien” и даёт ей право быть

избранной в качестве наиболее корректного варианта имени концепта «чужой» в английской ЯКМ, поскольку мы не можем пренебречь результатами компонентного анализа, в рамках которого была выполнена основная задача – выявить наиболее релевантные лексемы, а также выделить дефиниции, имеющие непосредственное отношение к семам «свой» и «чужой».

На заключительном этапе данного алгоритма было решено обратиться к собранному фразеологическому материалу (всего 270 английских фразеологических единиц) и определить, сколько раз встречается в данном материале лексемы, выявленные на предварительных этапах анализа.

Критериями отбора данных фразеологических единиц (ФЕ) были:

- наличие семы притяжательности или принадлежности в ФЕ;
- наличие в ФЕ лексем, непосредственно обозначающих понятия «свой», «чужой»;
- наличие в ФЕ оппозиции «свой/чужой» или наличие отдельных компонентов этой оппозиции;
- наличие в ФЕ любых (даже периферийных) сем «свой/чужой».

Анализ собранного фразеологического материала выявил следующую иерархию:

1. лексема “own” – встречается в 52 случаях из 270

лексема “self” – встречается в 1 случае из 270

лексема “friendly” – не встречается

лексема “peculiar” – не встречается

лексема “custom” – не встречается

лексема “kin” – не встречается

2. лексема “alien” – встречается в 2 случаях из 270

лексема “another” – встречается в 1 случае из 270

лексема “strange” – встречается в 1 случае из 270

лексема “other” – не встречается

лексема “foreign” – не встречается

лексема “hostile” – не встречается

лексема “unfamiliar” – не встречается

лексема “outsider” – не встречается
 лексема “vicarious” – не встречается
 лексема “extraneous” – не встречается

Заключение

Таким образом, в результате проведённого исследования с использованием данных лексикографических источников, корпуса текстов, корпуса ФЭ, которые подвергались всестороннему анализу с применением различных методов, можно сделать вывод, что в качестве ядерных номинантов концепта «свой» в английском языке можно рассматривать лексему **own (one's own)**, концепта «чужой» – лексему **alien**. Вместе с тем необходимо заметить, что выбор ключевых слов в качестве имени концепта достаточно условен. Имя концепта, конечно же, наиболее адекватно передаёт его содержание, но весь смысловой объём концепта «может быть раскрыт только всей совокупностью средств языка» [9, с. 213].

Алгоритм, применяемый в ходе исследования, позволил достичь основных

целей и задач – обеспечить достоверную номинацию концептов «свой» и «чужой» в английском языке, а также избрать корректный вектор работы, потенциально ориентированный на более широкий ареал лингвокультурного исследования. Важно отметить, что применение данного алгоритма возможно к любому языку, для которого составлены представительные электронные корпуса текстов. Этим, в первую очередь, определяется теоретическая и практическая значимость данного исследования. Именно благодаря комплексной методике верификации номинативной составляющей концепта, исследователь может избежать присутствия нерелевантных вариантов в своём научном труде. Кроме того, основываясь на предлагаемой комплексной методике можно исследовать не только архитектурные лингвокультурные концепты, но и серьёзно продвинуться в изучении более широких сфер исследования лингвокультурологии, поскольку исходная точка будет выделена безошибочно.

Дата поступления в редакцию 21.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Воркачев С. Г. Алгебра смысла: имя концепта // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. 1. № 17. С. 141–149.
3. Грушевская Д. В., Золотова Э. Е., Лагутина Н. С. Автоматизация построения номинативного поля концепта // Заметки по информатике и математике: сборник научных статей. Выпуск 9. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2017. С. 46–51.
4. Дзахова В. Т., Кайтукова С. И. Выбор ключевых слов для концепта «свой» (на материале осетинского языка) // Современный ученый. 2022. № 1. С. 63–67. DOI: 10.18411/doi-code-2022.018.
5. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2022. 376 с.
6. Исманова Г. А. Вербализация концепта в ментально-языковой картине мира // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 9-4 (67). С. 304–306. DOI: 10.5281/zenodo.4072101.
7. Карасик В. И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрямая коммуникация: сборник научных статей. Саратов: Колледж, 2003. С. 39–52.
8. Малгожата Л. Концептуальная, языковая и поэтическая картины мира: общечеловеческое, национальное и индивидуальное // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 5. С. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-8-15.
9. Чубур Т. А., Никищенко Г. Н. Проблема номинации концептов в современной лингвоконцептологии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (283). С. 211–214.
10. Якунина С. В. Концепт как объект исследования в современной когнитивной лингвистике // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: мате-

- риалы V международной научно-практической конференции (Саратов, 16–17 ноября 2020 г.) Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 240–247.
11. Ackerman C. E. What is Self-Concept Theory? A Psychologist Explains [Электронный ресурс]. URL: <https://positivepsychology.com/self-concept/> (дата обращения: 14.05.2023).
  12. Malmgren C. D. Self and Other in SF: Alien Encounters // *Science Fiction Studies*. 1993. Vol. 20. No. 1. P. 15–33.
  13. Mizen C. S. The Self and alien self in psyche and soma // *Journal of Analytical Psychology*. 2022. Vol. 67. Iss. 3. P. 774–795. DOI: 10.1111/1468-5922.12819.

REFERENCES

1. Vezhbitskaya A. *Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 288 p.
2. Vorkachev S. G. [Algebra of meaning: concept's name]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvистического университета* [ISLU Philological Review], 2012, vol. 1, no. 17, pp. 141–149.
3. Grushevskaya D. V., Zolotova E. Ye., Lagutina N. S. [Automation of the construction of the nominative field of a concept]. In: *Zametki po informatike i matematike. Vypusk 9* [Notes on computer science and mathematics. Issue 9]. Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State University Publ., 2017, pp. 46–51.
4. Dzakhova V. T., Kaytukova S. I. [Selection of keywords for the concept “own” (on the material of the Ossetian language)]. In: *Sovremennyy uchenyy* [Modern Scientist], 2022, no. 1, pp. 63–67. DOI: 10.18411/doi-code-2022.018.
5. Zykova I. V. *Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya* [Conceptosphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguistic and cultural study]. Moscow, LENAND Publ., 2022. 376 p.
6. Ismanova G. A. [Verbalization of the concept in the mental-linguistic picture of the world]. In: *Yevraziyskoye Nauchnoye Ob'yedineniye* [Eurasian Scientific Association], 2020, no. 9-4 (67), pp. 304–306. DOI: 10.5281/zenodo.4072101.
7. Karasik V. I. [Archetypal concepts in communication]. In: *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication]. Saratov, Kolledzh Publ., 2003, pp. 39–52.
8. Malgojata L. [Conceptual, linguistic and poetic pictures of the world: universal, national and individual features]. In: *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian Vector], 2019, vol. 14, no. 5, pp. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-8-15.
9. Chubur T. A., Nikishchenko G. N. [Problem of concept nomination in modern linguistic conceptology]. In: *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia VGPU], 2019, no. 2 (283), pp. 211–214.
10. Yakunina S. V. [Concept as an object of research in modern cognitive linguistics]. In: *Yazykovyye i kul'turnyye kontakty: lingvisticheskiy i lingvodidakticheskiy aspekty* [Language and cultural contacts: linguistic and linguodidactic aspects]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2020, pp. 240–247.
11. Ackerman C. E. What is Self-Concept Theory? A Psychologist Explains. Available at: <https://positivepsychology.com/self-concept/> (accessed: 14.05.2023).
12. Malmgren C. D. Self and Other in SF: Alien Encounters. In: *Science Fiction Studies*, 1993, vol. 20, no. 1, pp. 15–33.
13. Mizen C. S. The Self and alien self in psyche and soma. In: *Journal of Analytical Psychology*, 2022, vol. 67, iss. 3, pp. 774–795. DOI: 10.1111/1468-5922.12819.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дзахова Вероника Тамбиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков факультета международных отношений Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова;
e-mail: tambi69@mail.ru;

Скрипай Инна Игоревна – аспирант кафедры романо-германских языков факультета международных отношений Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова;
e-mail: ii.scripaj@nosu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Veronika T. Dzakhova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Romance and Germanic Languages, Faculty of International Relations, North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov;

e-mail: tambi69@mail.ru

Inna I. Skripai – Postgraduate Student, Department of Romance and Germanic Languages, Faculty of International Relations, North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov;

e-mail: ii.skripaj@nosu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дзахова В. Т., Скрипай И. И. Ядерные номинанты концептов «свой» / «чужой» в английском языке // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 108–121.

DOI: [10.18384/2949-5075-2023-5-108-121](https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-5-108-121)

FOR CITATION

Dzakhova V. T., Skripai I. I. Nuclear namings for the concepts “one’s own” / “alien” in the English language. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 108–121.

DOI: [10.18384/2949-5075-2023-5-108-121](https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-5-108-121)

УДК 811.133.1

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-122-130

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ СТАТЕЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Дроздова Ю. А.

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А, Российская Федерация

Аннотация

Целью написания настоящей статьи было выявить специфику выражения лексико-грамматическими средствами ключевых интенций авторов французских статей экологической тематики в рамках заголовка.

Процедура и методы. Проанализирован значительный корпус заголовков экологических статей ведущих французских изданий за последний год, полученных методом сплошной выборки. Методологической базой исследования являлись: метод лингвистического наблюдения и описания, приёмы контекстного и коммуникативно-прагматического анализа изучаемых языковых явлений.

Результаты. В процессе исследования были выявлены основные лексические и грамматические средства французского языка, используемые для реализации целеустановок авторов статей экологической тематики в рамках заголовка. Было доказано, что выбор определённых морфолого-синтаксических структур, а также лексических единиц специализированной семантической окраски в названии статьи объясняется рядом взаимообусловленных факторов как собственно языкового, так и экстралингвистического характера.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы при преподавании французского языка в рамках изучения газетных статей, в спецкурсах по языку прессы на уровне старших курсов бакалавриата, а также в магистратуре.

Ключевые слова: газетный заголовок, научный стиль, употребление времён, французская пресса, экологическая тематика

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF HEADINGS OF ENVIRONMENTAL ARTICLES IN FRENCH

Y. Drozdova

*Russian Foreign Trade Academy of Ministry of economic development of the Russian Federation
ulitsa Vorobyevskoe shosse 6A, Moscow 119285, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the specifics of expressing key intentions of French ecological articles authors using main lexical and grammar means within newspaper headlines.

Methodology. A significant corpus of ecological newspaper headlines of the leading French press for last year selected by continuous sampling method was analyzed. The methodological basis of the

research are linguistic observation and description methods, context and communicative-pragmatic analysis of the language phenomena under study.

Results. The analysis detected the main lexical and grammar means used for realization of different aims of French ecological articles authors within the headlines. The research proved that the choice of certain morphological and syntax structures as well as lexical units of special semantic connotations in the headline is explained by some interdependent linguistic and extralinguistic factors.

Research implications. The research results can be used in teaching of French while studying newspaper articles, as well as in special courses of press analysis at the bachelor and master levels.

Keywords: ecological theme, French press, newspaper headline, scientific prose style, tense usage

Введение

В статье предпринимается попытка анализа грамматических и лексических особенностей заголовков статей экологической тематики на французском языке. С одной стороны, названия статей в настоящий момент привлекают большое внимание лингвистов, так как позволяют исследовать ряд языковых явлений в рамках своеобразных концентрированных микротекстов. Учёные анализируют заголовки статей в аспекте теории дискурса, семантики и стилистики, теории перевода, как в синтагматическом, так и в парадигматическом плане [1; 2; 3; 6–20]. С другой стороны, экологическая тематика, особенно в свете быстрого технического прогресса и стремления сохранить нашу планету от его последствий, является очень актуальной, находит широкое освещение в прессе и вызывает значительный интерес читателей.

Основную методологическую базу исследования составили: метод лингвистического наблюдения и описания, приемы контекстного и коммуникативно-прагматического анализа изучаемых языковых явлений.

Целью настоящего исследования было выявить комплекс грамматических и лексических средств французского языка, позволяющих автору статьи отразить в заголовке интенции и целеустановки, характерные для современного экологического контекста. Исследование проводилось на материале корпуса названий статей экологической тематики, опубликованных в ведущих французских периодических изданиях за последний год.

Специфика заголовков статей как объекта исследования

В рамках настоящей статьи делается попытка анализа ряда грамматических и лексических средств, используемых авторами заголовков статей экологической тематики для выражения определённой идеи.

Необходимо отметить, что заголовки статей любой, в том числе специализированной тематики, являются благодатным материалом для языкового исследования, так как заголовок представляет собой своеобразный микротекст, в сжатом виде отражающий всю специфику той или иной области человеческого знания.

При написании настоящей статьи представлялось небезынтересным проанализировать совокупность лексических и грамматических средств, отражающих языковую специфику текстов экологической тематики, в частности, заголовков экологических статей на французском языке.

Анализ языкового материала исследования

Анализ языкового материала позволил выявить такие характерные черты заголовков французских статей, посвящённых экологии, как краткость, научность или наукообразность излагаемых фактов, глобальный характер описываемых процессов, актуальность и злободневность указанных проблем, призыв к немедленным действиям, привлечение максимальной читательской аудитории, объективность изложенных фактов (или претензия на подобную объективность),

в некоторых случаях стремление манипулировать общественным мнением для достижения определённого результата. Небезынтересным представлялось последовательно выявить и проанализировать те лексико-грамматические средства, с помощью которых указанные намерения и целеустановки реализовывались в названиях французских статей экологической тематики.

Так, краткость и сжатость информации в рамках названий экологических статей французской прессы может быть грамматически выражена, прежде всего, выбором номинативной конструкции, позволяющей сконцентрировать больший объём информации в меньшем количестве слов:

A La Clusaz, le projet de retenue d'eau pour assurer l'enneigement de la station (Le Monde, 25.10.2022).

Profession: promoteur de biodiversité (Le Monde, 29.10.2022).

En Espagne, un plafonnement des prix du gaz efficace mais aux effets pervers (Le Monde, 27.10.2022).

Нередким также является употребление Participe Passé без вспомогательного глагола, что позволяет авторам статьи описать события прошлого без употребления грамматического прошедшего времени и донести информацию до читателя в более сжатом виде:

Edouard Philippe placé sous le statut de témoin assisté pour sa gestion de la crise du Covid-19 (Le Monde, 24.10.2022).

Un tableau de Monet aspergé de purée par des activistes environnementaux à Potsdam (Le Monde, 24.10.2022).

Avec Macron, écologie tournée vers la production et la recherche scientifique (Le Monde, 27.10.2022).

В некоторых случаях авторы статей экологической тематики обозначают спектр тем, затронутых в статье, перечислением, также избегая глагольные конструкции:

COP27: en RDC, la forêt, son carbone et ses aventuriers (Le Monde, 10.11.2022).

Le maire LR, le cerf et la meute de chiens (Le Monde, 10.11.2022).

Заголовки статей, посвящённых экологии, характеризуются разной степенью «научообразности»: авторы демонстрируют весь спектр языковых средств, то приближаясь к развлекательному жанру, то имитируя строго научный стиль. В зависимости от целевой установки названия статьи меняется и лексико-грамматическая составляющая: так, более классический синтаксис, отсутствие эллиптических конструкций характерны для заголовков экологических статей, близких по содержанию к небольшим научным исследованиям.

A Shanghai, la salinisation de l'eau douce menace les écosystèmes et l'agriculture (Le Monde, 23.10.2022).

L'année 2022 a connu le mois d'octobre le plus chaud jamais enregistré en Europe, selon Copernicus (Le Monde, 08.11.2022).

Les émissions mondiales de CO₂ restent à des niveaux record cette année (Le Monde, 11.11.2022).

Прошедшее время глагола в заголовке также позволяет подчеркнуть объективность приводимых доводов, научную направленность статьи, так как речь идёт об уже свершившемся факте объективной реальности:

Les niveaux de gaz à effet de serre dans l'atmosphère ont atteint de nouveaux records en 2021 (Le Monde, 26.10.2022).

Les images aériennes des dégâts provoqués par la tornade qui a ravagé les Hauts-de-France (Le Monde, 26.10.2022).

Цитирование признанных авторитетов в определённой области придаёт заголовку статьи экологической тематики дополнительную весомость и научную направленность:

Laurent Berger: « Ce n'est pas le blocage des raffineries qui a donné lieu à l'accord » chez TotalEnergies (Le Monde, 27.10.2022).

« Il n'y a jamais eu de débat public sur la place du nucléaire en France » (Le Monde, 26.10.2022).

Jean Pisani-Ferry: « Le problème de la crédibilité des politiques climatiques n'a pas vraiment trouvé de solution » (Le Monde, 12.11.2022).

Будущее время встречается в заголовках французских статей экологической тематики крайне редко. В подавляющем большинстве случаев речь идёт о научных прогнозах той или иной степени точности.

Une première mine de lithium va être exploitée en France, avec l'ambition d'équiper (Le Monde, 24.10.2022).

L'objectif « zéro diesel » à Paris en 2024 ne sera pas atteint (Le Monde, 24.10.2022).

Transition écologique: « Les dix ans qui sont devant nous vont être durs », alerte l'économiste Jean Pisani-Ferry (Le Monde, 09.11.2022).

Термины-заимствования из английского языка довольно частотны в названиях статей экологической тематики на французском языке:

« Le commerce mondial est en route vers la "slowbalization" » (Le Monde, 07.11.2022).

Transport aérien: « Tout miser sur l'innovation et la technologie ne peut en aucun cas nous éviter le crash climatique » (Le Monde, 07.11.2022).

Использование научных терминов в заголовках статей, посвящённых вопросам экологии, представляет собой значительный интерес и, безусловно, заслуживает отдельного исследования.

Проблематика экологии как сферы научного знания охватывает весь мир в той или иной степени. Для описания мирового масштаба описываемого процесса или феномена авторы французских статей экологической тематики применяют разнообразные лексические средства, подчёркивающие глобальный характер определённого явления или тенденции:

Le monde se dirige vers un réchauffement « catastrophique » de 2,5 °C à la fin du siècle (Le Monde, 09.11.2022).

Les émissions de CO2 liées aux smartphones sont globalement sous-estimées par les pouvoirs publics (Le Figaro 11.11.2022).

Отрицательные и определительные местоимённые прилагательные также позволяют подчеркнуть всеобщий характер того или иного процесса или явления:

Aucune nation ne peut à elle seule résoudre un problème mondial (Le Monde, 17.02.2023).

« Cette idée qu'il suffit d'avoir moins de personnes sur Terre, que ce serait plus facile, ne répond pas à toutes les questions qui fâchent » (Le Monde 09.11.2022).

Аналогично заголовкам статей экологической и юридической тематики во французской прессе [4; 5], авторы экологических статей предпочитают употреблять настоящее время с целью максимального вовлечения читателя в ситуацию, подтверждения актуальности и оперативности подачи информации:

A Bruxelles, la réforme du plan de mobilité suscite un début de révolte (Le Monde, 27.10.2022).

Un nouvel instrument de la NASA détecte les « super-émetteurs » de méthane depuis l'espace (Le Monde, 27.10.2022).

В ряде случаев настоящее время употребляется авторами статей, посвящённых экологии, даже при описании действий плана прошедшего.

Au Mexique, l'ouragan Roslyn fait au moins deux morts (Le Monde, 24.10.2022).

L214 porte plainte contre Chevenet, leader européen des fromages de chèvre, pour maltraitance animale (Le Monde, 27.10.2022).

Актуальность тех или иных процессов, явлений, тенденций в области экологии и окружающей среды может выделяться в заголовке статьи лексическими способами:

La dette climatique des pays du Nord envers ceux du Sud, sujet brûlant des négociations de la COP27 (Le Monde, 07.11.2022).

Antarctique, coraux... cinq points de bascule climatique pourraient être franchis avec le niveau de réchauffement actuel (Le Monde, 09.09.2022).

Небезынтересно, что лексика, связанная так или иначе с военными действиями, часто встречается в названиях статей

экологической тематики на французском языке, что объясняется остротой и актуальностью борьбы за будущее планеты:

La bataille de la société civile contre les OGM est lancée au Sénégal (Le Monde, 27.10.2022).

La Clusaz: première victoire des opposants à une retenue d'eau destinée à produire de la neige artificielle (Le Monde, 25.10.2022).

Все вышеперечисленные интенции и целеустановки играют важную роль при создании заголовков французских статей экологической тематики, однако самая главная функция названия статьи – привлечение внимания потенциального читателя, максимальный охват аудитории. Авторы статей применяют огромный спектр лексических и грамматических средств для достижения указанной цели. Например, вопросительные конструкции помогают акцентировать внимание читателя на той или иной проблеме, особенно если речь идёт о риторическом вопросе:

« Peut-on vraiment baisser drastiquement nos émissions de gaz à effet de serre en maintenant des prix de l'énergie bas pour tous? » (Le Monde, 11.11.2022)

Face à la crise climatique, des humains trop nombreux ou qui consomment trop? (Le Monde, 10.11.2022)

La Coupe du monde 2022 « neutre en carbone »? Ce que cachent les promesses intenable du Qatar (Le Monde, 12.11.2022).

Vers une « loi Evin climat »? Retour sur un texte historique au bilan mitigé (Le Monde, 13.11.2022).

Заголовок статьи «от первого лица» позволяет максимально вовлечь читателя в ситуацию, анализируемую в последующем тексте, особенно в сочетании с вопросительной конструкцией:

Nous serons 8 milliards d'êtres humains sur Terre dans quelques jours: jusqu'où ira la démographie mondiale? (Le Monde, 10.11.2022)

Nous n'aurons pas de deuxième planète (Le Monde, 08.11.2022)

La technologie peut-elle nous sauver de la catastrophe climatique? (Le Monde, 08.11.2022)

« C'est maintenant ou jamais si nous voulons maintenir l'objectif de 1,5 °C de réchauffement climatique » (Le Monde, 06.11.2022).

Превосходная степень имён прилагательных в рамках заголовка французской статьи экологической тематики традиционно служит одним из наиболее частотных грамматических средств привлечения внимания потенциального читателя:

Emmanuel Macron propose un pacte de décarbonation aux industriels les plus pollués en France (Le Monde, 09.11.2022).

Climat: les huit dernières années en passe de devenir les plus chaudes jamais enregistrées (Le Monde, 06.11.2022).

Pour interdire les véhicules les plus polluants dans leurs villes d'ici à 2025, les maires demandent un soutien massif de l'Etat (Le Monde, 25.10.2022).

Обращает на себя внимание выбор лексических средств, используемых в заголовках французских экологических статей. Безусловно, стремление авторов привлечь внимание потенциального читателя при помощи эмоционально окрашенной лексики (чаще всего – негативного характера) характерно для статьи любой тематики, однако плачевное состояние окружающей среды и ряд серьёзных проблем в этой области являются благодатной почвой для подобного выбора. Так, такие ярко окрашенные лексические единицы с негативной семантикой, как «катастрофа», «ад», «риск», «угроза» и т. д. встречаются в названиях статей экологической тематики довольно часто:

« Une consommation normale sans changement d'habitude conduit au désastre écologique » (Le Monde, 13.11.2022).

« La région parisienne pourrait passer en alerte maximale lundi », prévient Olivier Véran (Le Monde, 01.10.2022).

A New Delhi, dans l'enfer de la pollution (Le Monde, 11.11.2022).

Au Pakistan, les pires inondations de l'histoire du pays ont eu l'effet d'un électrochoc sur la population (Le Monde, 09.11.2022).

En Inde, une catastrophe climatique par jour (Le Monde, 09.11.2022).

Названия французских статей, посвящённых экологии, также изобилуют разнообразными языковыми изобразительными средствами лексического характера: метафорами, игрой слов и т. д.:

Des jeunes toreros piqués au vif: « Chacun vit sa vie, alors pourquoi nous interdire la nôtre? » (Le Monde, 12.11.2022)

En Indonésie, ruée vers le nickel, or noir du futur (Le Monde, 11.11.2022).

Le fret maritime est des un des plus grands émetteurs de CO₂, et il tarde à changer de cap (Le Monde, 11.11.2022).

Заключение

Как показало проведённое исследование, в рамках заголовка статьи экологической тематики на французском языке происходит сочетание разнообразных целей прагматического характера, реализуемых посредством спектра взаимосвязанных лексических и грамматических средств. Так, для достижения сжатости, краткости информации заголовка используются номинативные конструкции, перечисление, авторы избегают сложных глагольных форм. Научная направленность, стиль статьи выражаются не

только в использовании терминологии определённой области знания, но также в частотности цитат в названиях статей, в стремлении к более классической синтаксической структуре фразы. Актуальность статьи в рамках названия может быть передана как лексическими, так и грамматическими средствами (в частности, при помощи преимущественного использования настоящего времени глагола).

Основной целью написания статьи экологической тематики, так же, как и статей, посвящённых другим сферам человеческой деятельности, является максимальный охват потенциальной аудитории, для чего применяется комплекс разнообразных лексико-грамматических средств, таких, как выбор эмоционально ярко окрашенной лексики, метафоры и игра слов, вопросительные конструкции и риторический вопрос, повествование «от первого лица», превосходная степень имён прилагательных.

Таким образом, можно заключить, что заголовок статьи экологической тематики во французском языке представляет собой сложный комплекс взаимодополняющих целеустановок автора, выраженный в гармоничной совокупности лексических и грамматических средств.

Дата поступления в редакцию 06.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюшенко А. Л. Трудности передачи экспрессивно-стилистических особенностей заголовка в процессе перевода // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XIV международной научной конференции (Москва – Коломна, 15-16 апреля 2021 г.). Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2021. Выпуск 14. Часть II. С. 16–18.
2. Афтэйкина С. Д. Структурные и семантические особенности немецких газетных заголовков текстов разных жанровых разновидностей // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2021. № 10 (58). URL: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2021/10/philology/Aftaykina.pdf> (дата обращения: 06.02.2023). DOI: 10.51691/2541-8327_2021_10_6.
3. Дроздова Ю. А. Некоторые грамматические особенности заголовков французских статей юридической тематики // Этапы развития романских языков: от языка живого общения к национальному языку: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. И. В. Скуратов. М.: МГОУ, 2019. С. 78–83.
4. Дроздова Ю. А., Зубкова М. Н. Особенности употребления восклицательных конструкций заголовков французских экономических статей // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 142–147. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-2-25-142-147.

5. Зимина Е. А., Саванкова Е. В. Специфика заголовков немецкоязычных новостных статей онлайн-прессы // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95). С. 285–288. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-285-288.
6. Коетиани Е. А. Аппетитная функция терминов в заголовках англоязычных, франкоязычных, русскоязычных текстов железнодорожной тематики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 75–84. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-75-84.
7. Кривко Н. А. Синтаксические структуры-клише заголовка французского рекламного текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 194–197.
8. Кубатко И. П. Заголовок и его функции в СМИ и бизнес прессе // Единицы языка в тексте и дискурсе. Выпуск 5. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2021. С. 86–99.
9. Купоросова В. В. Кодовая интертекстуальность в заголовках (на материале современной французской прессы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 5. С. 146–151.
10. Масалова М. Ю., Кубанова А. Х. Особенности заголовков испанских СМИ // Информационно-коммуникативная культура: наука и образование: сборник статей Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Ростов-на-Дону, 09–10 апреля 2021 г.). Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2021. Выпуск XV. С. 59–61.
11. Москавец М. Н. Классификация газетных заголовков по степени автономности семантики (на материале французской прессы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 77–83.
12. Новикова Е. Н. Особенности англоязычных газетных заголовков и специфика их перевода // Ученые заметки ТОГУ. 2022. Т. 13. № 2. С. 84–88.
13. Новосельцева И. И. Проблема лингвоэкологичности в экспрессивных заголовках белорусского медиадискурса // Современный дискурс-анализ: электронный научный журнал. 2022. № 2 (30). С. 26–34.
14. Перепеченов А. В. Стратегии создания информативных и контактоустанавливающих заголовков (на материале французской прессы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 67–75. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-67-75.
15. Пономарчук Ю. В. Особенности определения понятия «газетный заголовок» // Languages in Professional Communication: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов «Язык в сфере профессиональной коммуникации» (Екатеринбург, 28 апреля 2022 г.). Екатеринбург: Ажур, 2022. С. 311–315.
16. Сиднева Т. А. Особенности перевода заголовков текстов французских СМИ на русский язык // Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых. 2022. № 21. С. 164–172.
17. Сосунова Г. А. Заголовок как концепт текста французской таможенной прессы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 126–132. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-126-132.
18. Aleksandrova O. V., Sibul V. V. Headline complexes in business articles as a means of opinion manipulation // Training, Language and Culture. 2023. Т. 7. № 3. С. 69–78. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-3-69-78.
19. Bogdanova O. Yu., Kramarenko O. L., Orlova N. O. Journalistic headline manipulative nature in military-political discourse (based on the English language) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 68–72. DOI: 10.30853/phil201031.
20. Kalinina D. D. Translation of puns in English press headlines // Languages in Professional Communication: сборник материалов Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов студентов «Язык в сфере профессиональной коммуникации» (Екатеринбург, 28 мая 2020 г.). Екатеринбург: Ажур, 2020. С. 203–209.

REFERENCES

1. Artyushenko A. L. [Difficulties in conveying the expressive and stylistic features of a title during the translation process]. In: *Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoye deystviye* [Language: categories, functions, communication]. Kolomna, State University of Humanities and Social Studies Publ., 2021, iss. 14, part II, pp. 16–18.
2. Aftaykina S. D. [Structural and semantic features of German headlines of texts of different genres]. In: *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Dnevnik nauki»* [Electronic scientific journal “Diary of Science”], 2021, no. 10 (58). Available at: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2021/10/philology/Aftaykina.pdf> (accessed: 06.02.2023). DOI: 10.51691/2541-8327_2021_10_6.
3. Drozdova Yu. A. [Some grammar particularities of French legal headlines]. In: *Etapy razvitiya romanskikh yazykov: ot yazyka zhivogo obshcheniya k natsional'nomu yazyku* [Stages of development of Romance languages: from the language of living communication to the national language]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019, pp. 78–83.
4. Drozdova J. A., Zubkova M. N. [Particularities of using exclamatory constructions in headlines of French economic articles]. In: *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhski philological bulletin], 2021, no. 2 (25), pp. 142–147. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-2-25-142-147.
5. Zimina E. A., Savankova E. V. [Specific headlines of German online press news articles]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2022, no. 4 (95), pp. 285–288. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-285-288.
6. Kometiani E. A. [Attractive function of terms in headlines of English, French, Russian texts on railway]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 4, pp. 75–84. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-75-84.
7. Kravko N. A. [Syntactic structures – clichés of an advertising headline]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2010, no. 2, pp. 194–197.
8. Kubat'ko I. P. [Headline and its functions in the media and business press]. In: *Yedinitsy yazyka v tekste i diskurse. Vypusk 5* [Units of language in text and discourse. Issue 5]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State University Publ., 2021, pp. 86–99.
9. Kuporosova V. V. [Code intertextuality in headlines (on a material of the modern French newspapers)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 5, pp. 146–151.
10. Masalova M. Yu., Kubanova A. Kh. [Features of Spanish media headlines]. In: *Informatsionno-kommunikativnaya kul'tura: nauka i obrazovaniye* [Information and communication culture: science and education]. Rostov-on-Don, Don State Technical University Publ., 2021, iss. XV, pp. 59–61.
11. Moskavets M. N. [Classification of newspaper headlines according to the degree of their semantic autonomy (in French press)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 3, pp. 77–83.
12. Novikova E. N. [Particularities of the English newspaper headlines and specificity of its translation into Russian]. In: *Uchenyye zametki TOGU* [Scientists notes PNU], 2022, vol. 13, no. 2, pp. 84–88.
13. Novoseltseva I. I. [The problem of linguo-ecology in the expressive headlines of the Belarusian media discourse]. In: *Sovremennyy diskurs-analiz: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Modern discourse analysis: electronic scientific journal], 2022, no. 2 (30), pp. 26–34.
14. Perepechenov A. V. [The strategies of creating informative and contact-making headlines in the French press]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2017, no. 1, pp. 67–75. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-67-75.
15. Ponomarchuk Yu. V. [The Newspaper Headline Features]. In: *Languages in Professional Communication*. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2022, pp. 311–315.
16. Sidneva T. A. [Features of translation of French mass media texts' headlines into Russian]. In: *Problemy yazyka i perevoda v trudakh molodykh uchenykh* [Problems of language and translation in the works of young scientists], 2022, no. 21, pp. 164–172.

17. Sosunova G. A. [Headlines as a main concept of the customs French press]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 3, pp. 126–132. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-126-132.
  18. Aleksandrova O. V., Sibul V. V. Headline complexes in business articles as a means of opinion manipulation. In: *Training, Language and Culture*, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 69–78. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-3-69-78.
  19. Bogdanova O. Yu., Kramarenko O. L., Orlova N. O. Journalistic headline manipulative nature in military-political discourse (based on the English language). In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 14, no. 1, pp. 68–72. DOI: 10.30853/phil201031.
  20. Kalinina D. D. Translation of puns in English press headlines. In: *Languages in Professional Communication*. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2020, pp. 203–209.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дроздова Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации;

e-mail: udrozdova@vavt.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia A. Drozdova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Romance and Germanic languages, Russian Foreign Trade Academy of Ministry of economic development of the Russian Federation;

e-mail: udrozdova@vavt.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дроздова Ю. А. Лексико-грамматические особенности заголовков статей экологической тематики на французском языке // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 122–130.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-122-130

FOR CITATION

Drozdova Yu. A. Lexical and grammatical features of headings of environmental articles in French. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 122–130.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-122-130

УДК 811.112.22

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-131-138

ГЛУБИННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ОТЭТНОНИМНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «RUSSISCH» В НЕМЕЦКИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Шевякова К. В.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования – выявить глубинные значения этнонимного прилагательного *russisch*, которые не фиксируются в современных немецких лексикографических источниках в качестве отдельных значений.

Процедура и методы. В качестве материала исследования послужили пять наиболее авторитетных аутентичных толковых словарей немецкого языка. Для анализа языкового материала применялся метод компонентного анализа, который комбинировался с методикой определения квалиа-структур (агентивных, конститутивных, формальных и телических).

Результаты. Выявленные значения квалиа-структуры распределяются на ядерные, приядерные и периферийные. Значения, представленные во всех пяти словарях, образуют ядро. Установлено, что ядерные семы реализуют только агентивные атрибуты объектов. В приядерную зону входят формальные и конститутивные значения. Значения, не имеющие соответствий в словарных дефинициях и выявленные в ходе анализа примеров в словарных статьях, образуют периферию поля лексикографических значений этнонимного прилагательного. Такие значения манифестируются телическими атрибутами квалиа-структуры.

Теоретическая и практическая значимость определяется тем, что разработанная методика выявления глубинных значений с учётом квалиа-структуры поможет выявить скрытые смыслы у слов, которые базируются на стереотипных восприятиях реципиентов и не зафиксированы в современных лексикографических источниках.

Ключевые слова: глубинное значение, дефиниционный анализ, квалиа-структура, полевая структура значений, этнонимное прилагательное, этноним

DEEP MEANINGS OF THE ETHNONYMOUS ADJECTIVE “RUSSISCH” IN GERMAN LEXICOGRAPHICAL SOURCES

K. Shevyakova

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the deep meanings of the ethnonymous adjective *russisch*, which are not recorded in modern German lexicographic sources as separate meanings.

Methodology. The five most authoritative authentic definition dictionaries of the German language served as the material for the study. To analyze the linguistic material, the method of component

analysis was used, which was combined with the method of determining qualia structures (agentive, constitutive, formal and telic).

Results. The revealed values of the qualia structure are divided into nuclear, subnuclear and peripheral. The meaning represented in all five dictionaries form the core. It has been established that nuclear senses implement only agentive attributes of objects. The subnuclear zone includes formal and constitutive meanings. Meanings with no correspondences in dictionary definitions that were identified during the analysis of the dictionary entries examples form the periphery of the field of lexicographic meanings of an ethnonymous adjective. Such meanings are manifested by the telic attributes of the qualia structure.

Research implications. The developed method for revealing deep meanings, taking into account the qualia structure, will help reveal the hidden meanings of words that are based on stereotypical perceptions of recipients and are not recorded in modern lexicographic sources.

Keywords: definitional analysis, deep meaning, ethnonym, ethnonymous adjective, field structure of meanings, qualia structure

Введение

Для распознавания смыслов в структуре многозначного слова традиционных методов исследования может оказаться недостаточным [3, с. 81]. Это в полной мере относится и к отэтнонимным прилагательным, которые представляют собой лексемы с минимальным семантическим составом. При этом ни один из глубинных смыслов, базирующихся, как правило, на стереотипных восприятиях реципиентов, не зафиксирован в современных лексикографических источниках.

Отэтнонимные, или этнонимные прилагательные ещё не становились предметом лингвистического исследования глубинных значений и смыслов. В современной лингвистике отэтнонимные прилагательные выступают в качестве предмета исследования преимущественно в работах структурно-семантического и фразеологического направления, в которых рассматривается способность отэтнонимных прилагательных обозначать принадлежность различных объектов внешнего мира к определённой этнической группе и придавать им специфический национальный колорит [1; 2; 5; 7; 8].

Настоящее исследование посвящено выявлению скрытых значений отэтнонимных прилагательных в немецком языке на материале лексемы *russisch*, которые не фиксируются в современных немецких лексикографических источниках в качестве отдельных значений, но пред-

ставлены в примерах и могут быть выявлены благодаря применению когнитивных процедур извлечения значений слов.

Понимание процесса создания разных смыслов одним словом входит в задачи когнитивной лингвистики. Это потребовало от лингвистов-когнитивистов предложить новые методы для анализа процесса актуализации значений и способов репрезентаций знаний, скрытых в слове. Одним из вариантов моделирования смысловой структуры слова стала теория так называемых квалиа-структур (Qualia Structure), разработанная Дж. Пустейовским и его учениками и последователями [см. напр.: 9; 10; 11; 12]. В отечественном языкознании теория Дж. Пустейовского пока ещё не нашла широкого применения в лингвистике. Очевидно, этим объясняется тот факт, что до сих пор не существует общепринятого перевода термина Qualia Structure: Qualia-структура, структура Qualia [3, с. 81], QUALIA-роли [4], квалификативная или квалификационная структура [6, с. 248]. В теории Дж. Пустейовского термин QUALIA согласуется с понятием Quale («квалиа») (от лат. *qualitas* «свойства, качества», мн. число *quale* «какого сорта; какого рода») и используется в англоязычной аналитической философии сознания для обозначения отдельного аспекта значения слова, определяемого на основе отношения между концептом, выраженным словом, и другим концептом, который вызывает

это слово [12, р. 3]. В отечественной науке термин «квалиа» является устоявшимся, поэтому в своём исследовании мы будем переводить термин Дж. Пустейовского в транскрибированном виде как «квалиа-структура». Для употребления данного понятия в форме определения мы будем использовать прилагательное «квалификационный», например, «квалификационная роль рассматриваемого слова».

Квалиа-структура включает в себя четыре атрибута (поля или роли в терминологии Дж. Пустейовского) объектов, лиц и явлений: формальный, конститутивный, телический (или целевой) и агентивный [11, р. 85; 12, р. 7-8].

В **формальном** атрибуте закодирована таксономическая информация о лексической единице, такая как расположение, позиция и ориентация в пространстве, размеры, или величина, форма, очертания, цвет, объём, место.

С помощью **конститутивного** атрибута происходит кодирование информации о частях объекта, качестве состояний и процессов, происходящих внутри объекта (например, температура, патогенность, чистота субстанции и т. п.), материале, из которого состоит объект, и его весе.

В **телическом** или **целевом** атрибуте инкорпорирована информация о функции и целевом назначении объекта. Значение, выраженное телическим атрибутом, часто соответствует деятельности, в которой обычно задействован объект, обозначаемый именем существительным. Так, например, *магазин* выполняет телическую роль «продажа товара», а телическим атрибутом *театра* является «постановка спектаклей».

Агентивный атрибут содержит информацию о происхождении объекта, его создателе или производителе и предполагает такие денотаты, как создатель, объекты естественного рода, артефакты и объекты, указывающие на каузальные связи.

Таким образом, квалиа-структура Дж. Пустейовского представляет собой один из механизмов конструирования

смысловой структуры слова, благодаря которому в каждом слове можно выявить до четырёх атрибутов значения.

Методика исследования и материал

Для проведения семного анализа значения, необходимо получить языковой материал с применением соответствующих методов исследования, среди которых для наших целей релевантным является метод компонентного анализа. В результате компонентного анализа выявляются семантические компоненты, которые распределяются по полювому принципу: определяются ядерные и периферийные признаки значения. Ядерные семы реализуют постоянные и обязательные признаки объекта, а периферийные – необязательные и/или непостоянные.

Метод компонентного анализа реализуется с помощью различных процедур. Наиболее распространённой является анализ словарных дефиниций, или дефиниционный анализ. Словарные дефиниции, представленные в лексикографических и энциклопедических источниках, называют не семы, а синонимы, которые часто являются тавтологичными и не могут дать полного семного описания значения лексемы. Следовательно, исследователь должен сам интерпретировать компоненты словарных дефиниций и переформулировать их в семный вид. Кроме того, в лексикографических источниках закреплены, как правило, лишь основные ядерные семы. Замечено, что во многих случаях в словарной статье отсутствуют даже некоторые ядерные и большинство периферийных признаков. Те значения, которые зафиксированы во всех словарях и приводятся первыми, считаются ядерными. Если какое-нибудь значение представлено не во всех словарях, то оно квалифицируется как периферийное. Для более эффективно-го определения значений отэтнонимных прилагательных мы будем анализировать дефиниции значений и их признаки и примеры с позиции соответствия их

определённым атрибутам квалиа-структуры.

В нашем исследовании дефиниционный анализ лексемы *russisch* проводился на основе аутентичных немецкоязычных словарей: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)¹, Duden – Deutsches Universalwörterbuch Duden (DUDEN)², Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache (Langenscheidt)³, PONS Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache (PONS)⁴ и Wahrig Deutsches Wörterbuch (Wahrig)⁵.

Полевая структура значений отэтнотимного прилагательного *russisch*

Словарь DWDS даёт следующие значения отэтнотимному прилагательному *russisch*:

1) то, что относится к русским: житель Российской Федерации и одного из её государств-предшественников; обладатель российского гражданства; родом из России (<*historisch*> *die Russische Sozialistische Föderative Sowjetrepublik*; ***die russische Sprache; er spricht fließend Russisch***);

2) то, что относится к людям, принадлежащим к общности людей русской национальности, в том числе к этническому меньшинству;

3) то, что относится к царской России (*der russische Zar*).

Все три представленных в DWDS значения прилагательного *russisch* содержат агентивный атрибут и могут быть определены как «то, что относится к России и её населению, принадлежит России и её населению, является частью России (сделанный, произведённый, возникший в России, родом из России, принадлежность к Российскому государству и русскому этносу)». При этом значение «то, что относится к царской России» является историзмом и однозначно принадлежит к периферии лексикографического значения. Вместе с тем среди примеров находим *die russische Sprache, er spricht fließend Russisch*, что даёт основание выделить ещё одно значение: «то, что относится к языку, на котором говорят в России», – которое будет рассматриваться в данном случае как периферийное.

Словарь DUDEN определяет также два агентивных значения:

1) то, что относится к России и русским; создано русскими и принадлежащее им (*die russische Hauptstadt; russischer Abstammung sein; echt russischer Wodka*);

2) написано на языке, на котором говорят русские (*in der Sprache der Russen [verfasst] (russische Literatur; der Text ist russisch abgefasst)*).

Дополнительных значений из представленных примеров нами выявлено не было.

В словаре Wahrig представлена лишь одна дефиниция отэтнотимного прилагательного *russisch*:

– относящийся, принадлежащий к России; родом оттуда (***russisches Bad*** = ein russisch-römisches Bad: ein Heißluftdampfbad, Verbindung von trocken-heißem Luftbad (irisch-römisches Bad) und anschließend feucht-heißem Dampfbad, abschließend kurzes, kaltes Abbrausen und Nachschwitzen; ***Russisch Brot/Russischbrot*** = kleines Dauergebäck in Buchstabenformen aus Mehl, Zucker, Eiweiß und Gewürzen; ***der Russisch-Japanische Krieg 1877/78; russische Sprache, in der RSFSR gesprochene ostslawische Sprache***).

¹ DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/sitemap> (дата обращения: 25.12.2022).

² DUDEN – Deutsches Universalwörterbuch Duden [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 25.12.2022).

³ Langenscheidt – Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen / Hrsg. D. Götz. Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, 2015. 1344 S.

⁴ PONS – PONS Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache / Hrsg. W. Wolski. Stuttgart: Klett Verlag, 2018. 1734 S.

⁵ Wahrig – Wahrig Deutsches Wörterbuch / Hrsg. R. Wahrig-Burfeind. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2018. 1728 S.

Описываемое значение реализует агентивный атрибут. Однако анализ примеров позволил выявить новые значения благодаря применению процедуры определения атрибутов квалиа-структуры. Так, именная группа *russisches Bad* реализует не только агентивный, но и конститутивный признак русской бани, т. к. описывается особенность её устройства и процедуры посещения. В примере *Russisch Brot / Russischbrot* дается дефиниция сладкому печеню в виде букв и составу теста, на основании чего делаем вывод о наличии у объекта конститутивных и формальных атрибутов для выражения значения того, «что связано с составом теста печеня „Руссишброт“» и, соответственно, «то, что связано с формой печеня „Руссишброт“». В другом примере *der Russisch-Japanische Krieg* семантическая валентность главенствующего существительного предполагает наличие не агентивного (т. е. где зародилась война), а телического актанта (т. е. направленность войны: вовлечение России и Японии в вооружённую конфронтацию).

Последний пример для иллюстрации дефиниции отэтнонимного прилагательного *russisch – russische Sprache, in Russland gesprochene ostslawische Sprache* – позволяет сформулировать ещё одно значение: «то, что касается языка, на котором говорят в России».

Словарь PONS даёт две дефиниции отэтнонимному прилагательному *russisch*:

1) то, что относится к России, её политике и культуре (*die berühmte russische Gastfreundschaft*);

2) в/на языке русских (*Sie antwortet russisch (in russischer Sprache)*; *Sie lernt zurzeit Russisch (die russische Sprache)*; *Wie heißt das auf Russisch?*).

russisches Roulette spielen: die Trommel eines Revolvers mit nur eine Kugel laden, frei rotieren lassen und abdrücken.

Представленные значения носят агентивный характер. Однако стоит обратить внимание на выделенные нами примеры в словарной статье. Так, словосочетание

die berühmte russische Gastfreundschaft имплицитно включает в себя помимо агентивности также конститутивное значение «характерный, типичный для России и её жителей». Дефиниция выражения *russisches Roulette spielen* представляет его первичную номинацию с агентивным значением прилагательного, т. к. изобретение этого вида потенциально смертельной азартной игры приписывается русским офицерам во время Первой мировой войны. Но при переходе во вторичную номинацию словосочетания с прилагательным *russisch* приобретает конститутивное свойство и обозначает «высокорискованное намерение».

В словаре Langenscheidt дефиниции значений слова *russisch* не представлены.

Заключение

После завершения дефиниционного анализа отэтнонимного прилагательного *russisch* на основе четырёх немецких словарей мы можем представить обобщённую полевою структуру его лексикографических значений. На рис. 1 в схематическом виде представлено поле лексикографических значений: ядерные значения выделены жирным шрифтом, приядерные – курсивом, периферийные значения обозначены обычным шрифтом в серой зоне.

Если интерпретировать полевое распределение отэтнонимного прилагательного *russisch* терминами квалиа-структуры, то становится очевидным, что ядерными, приядерными и периферийными значениями реализуются только агентивные атрибуты объектов. Конститутивные, формальные и телические значения прилагательного *russisch* выявлены лишь на периферии лексикографического поля. Актуализация таких значений происходит в реально функционирующем дискурсе, в котором возможно создать (для автора) или декодировать (для реципиента) ассоциативную связь между отэтнонимным прилагательным и его атрибутами квалиа-структуры.

Дата поступления в редакцию 25.01.2023

Агентивные значения	Формальные значения
<p>- то, что относится к царистской России</p> <p>- потенциально смертельная азартная игра</p> <p><i>- то, что относится к России и ее населению, принадлежит России и ее населению, является частью России (сделанный, произведенный, возникший в России, родом из России, принадлежность к российскому государству и этносу)</i></p> <p>- то, что касается языка, на котором говорят в России</p>	<p>- то, что связано с формой печенья „Руссишброт“</p>
RUSSISCH	
<p>- направленность на вовлечение России в вооруженную конфронтацию (русско-японская война)</p>	<p>- особенности устройства и процедуры посещения русской бани</p> <p>- то, что связано с составом теста печенья „Руссишброт“</p> <p>- характерный, типичный для России и ее жителей</p> <p>- высокорискованное намерение (русская рулетка)</p>
Телические значения	Конститутивные значения

Рис. 1 / Fig. 1. Поле лексикографических значений прилагательного *russisch* / The field of lexicographic meanings of the adjective *russisch*

Источник: составлено автором по материалам словарей DWDS, DUDEN, Langenscheidt, PONS, Wahrig.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абильдинова Ж. Б. Этнические стереотипы сквозь призму языка. М.: ФЛИНТА, 2017. 222 с.
2. Богомяккова Е. В. Этнонимы современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 223 с.
3. Боярская Е. Л. Разработка методологии когнитивного анализа многозначного слова // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Заботкина В. И., Голубкова Е. Е., Кронгауз М. А. [и др.]; отв. ред. В. И. Заботкина. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 81–118.
4. Васильева Н. В., Абдурахманова А. З. Фреймовое моделирование больших терминосистем (на примере англоязычной строительной терминологии) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: периодический сборник научных статей. 2017. Выпуск № 9. [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/4.pdf (дата обращения: 25.12.2022).

5. Ефремов В. А. Этнонимы в составе фразеологизмов: истоки языка вражды // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы международной научной конференции (Тула, 17–19 мая 2018 г.). Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 217–222.
6. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с.
7. Тейкин М. С. Статус этнонима в ономастике // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых: сборник научных статей Республиканской научно-практической конференции (Якутск, 16 апреля 2020 г.). Выпуск 4. Якутск: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 2020. С. 15–19.
8. Чекина А. А. Этноним «немец» как презентатор немецкого культурного стереотипа (на материале русской литературы и публицистики XIX в.) // Русский лингвистический бюллетень. 2022. № 1 (29). С. 150–153. DOI: 10.18454/RULB.2022.29.1.35.
9. Bouillon P., Busa F. Qualia and the Structuring of Verb Meaning // *The language of word meaning* / eds. P. Bouillon, F. Busa. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 149–168.
10. Copestake T. Briscoe A. Semi-productive polysemy and sense extensions // *Journal of Semantics*. 1995. Vol. 12. Iss. 1. P. 15–67. DOI: 10.1093/jos/12.1.15.
11. Pustejovsky J. *The generative lexicon*. Cambridge: MIT Press, 1995. 312 p.
12. Pustejovsky J., Jezek E. *A Guide to Generative Lexicon Theory*. Chapter 2. Introducing Qualia Structure. Oxford: Oxford University Press, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://gl-tutorials.org/wp-content/uploads/2015/12/GL-QualiaStructure.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).

REFERENCES

1. Abildinova Zh. B. *Etnicheskiye stereotipy skvoz' prizmu yazyka* [Ethnic stereotypes through the prism of language]. Moscow, FLINTA Publ., 2017, 222 p.
2. Bogomyagkova Ye. V. *Etnonimy sovremennogo nemetskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Ethnonyms of the modern German language: PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2005. 223 p.
3. Boyarskaya Ye. L. [Development of a methodology for cognitive analysis of a polysemantic word]. In: Zabotkina V. I., Golubkova Ye. Ye., Krongauz M. A. et al. *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyy podkhod* [Methods for cognitive analysis of the semantics of a word: computer-corpus approach]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2015, pp. 81–118.
4. Vasilyeva N. V., Abdurakhmanova A. Z. [Frame modeling of large terminological systems: a case study of Civil Engineering terms in English]. In: *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov*. [Linguistics and Language Teaching], 2017, iss. 9. Available at: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/4.pdf (accessed: 25.12.2022).
5. Yefremov V. A. [Ethnonyms as part of phraseological units: the origins of hate speech]. In: *Poliparadigmallye konteksty frazeologii v XXI veke* [Polyparadigmatic contexts of phraseology in the 21st century]. Tula, Tul'skoye proizvodstvennoye poligraficheskoye ob'yedineniye Publ., 2018, pp. 217–222.
6. Rakhilina Ye. V. *Lingvistika konstruksiy* [Linguistics of constructions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 584 p.
7. Teykin M. S. [Status of ethnonym in onomastics]. In: *Gumanitarnyye nauki v Yakutii: issledovaniya molodykh uchenykh. Vypusk 4* [Humanities in Yakutia: studies of young scientists. Issue 4]. Yakutsk, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2020, pp. 15–19.
8. Chekina A. A. [Ethnonym “nemets” (a German) as a presenter of the German cultural stereotype (based on the material of Russian literature and journalism of the 19th century)]. In: *Russkiy lingvisticheskiy byulleten* [Russian Linguistic Bulletin], 2022, no. 1 (29), pp. 150–153. DOI: 10.18454/RULB.2022.29.1.35.
9. Bouillon P., Busa F. Qualia and the Structuring of Verb Meaning. In: *The language of word meaning*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, pp. 149–168.
10. Copestake T. Briscoe A. Semi-productive polysemy and sense extensions. In: *Journal of Semantics*, 1995, vol. 12, iss. 1, pp. 15–67. DOI: 10.1093/jos/12.1.15.
11. Pustejovsky J. *The generative lexicon*. Cambridge, MIT Press, 1995. 312 p.

12. Pustejovsky J., Jezek E. A Guide to Generative Lexicon Theory. Chapter 2. Introducing Qualia Structure. Oxford, Oxford University Press, 2016. Available at: <https://gl-tutorials.org/wp-content/uploads/2015/12/GL-QualiaStructure.pdf> (accessed: 25.12.2022).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевякова Кира Викторовна – старший преподаватель кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: kirakedes@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kira V. Shevyakova – Senior Lecturer, Department of German Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: kirakedes@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шевякова К. В. Глубинные значения этнонимного прилагательного «RUSSISCH» в немецких лексикографических источниках // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 131–138.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-131-138

FOR CITATION

Shevyakova K. V. Deep meanings of the ethnonymous adjective “russisch” in German lexicographical sources. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 5, pp. 131–138.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-5-131-138

НАШИ ИЗВЕСТНЫЕ УЧЁНЫЕ: ЛИНГВИСТЫ, ПЕДАГОГИ, НАСТАВНИКИ

Уходящий 2023 год, объявленный Президентом Российской Федерации В. В. Путиным Годом педагога и наставника, позволил нам не только ещё раз осознать и подчеркнуть значение педагогов, учителей и наставников в современном обществе, но послужил прекрасным поводом задуматься о той роли, которую сыграли наши учителя-наставники в становлении нас как профессионалов, и оценить их вклад в становление нашего университета, а также лингвистической науки и российского переводоведения в частности. И нашему вузу, Государственному университету просвещения, есть чем гордиться!

Понимая, что без прошлого нет настоящего и будущего, мы вводим в наш журнал временную рубрику «Наши известные учёные: лингвисты, педагоги, наставники», цель которой – почтить память наших ушедших наставников и рассказать о выдающихся учёных, которые создали бренд лингвистического факультета Государственного университета просвещения и заложили фундамент лингвистических школ, функционирующих на факультете по сей день: «Теория языка: лингвокультурные и лингвокогнитивные аспекты межъязыковой и межкультурной коммуникации» и «Лингвопрагматические исследования медиатекста». У истоков лингвистического факультета стояли Г. С. Клычков, Л. Л. Нелюбин, Р. К. Миньяр-Белоручев, Ю. Н. Марчук, Э. И. Королёв, Е. Г. Чалкова, о которых и пойдёт речь в новой рубрике.

КОРОЛЁВ ЭДУАРД ИВАНОВИЧ (1941–1998)

KOROLEV EDUARD IVANOVICH (1941–1998)

В науке всегда есть люди, которым суждено быть первыми. К ним определённо можно отнести и первого заведующего кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Московского педагогического университета (МГОУ, ГУП) Эдуарда Ивановича Королёва.

Детям, рождённым в годы Великой отечественной войны, выпала нелёгкая доля, главной целью было выжить. Это поколение не только преодолело препятствия, уготованные судьбой, но и многие его представители сумели внести неопределимый вклад в не существовавшие до середины XX века области науки, к которым с уверенностью можно отнести прикладную лингвистику. Э. И. Королёв был одним из них.

Эдуард Иванович закончил знаменитый вуз – Московский институт иностранных языков им. Мориса Тореза. В начале 1960-х гг. возникла потребность в подготовке специалистов в области автоматической обработки естественного языка, и в этот период в лучших вузах страны были созданы профильные кафедры, готовившие специалистов нового современного профиля: в МГУ им. М. В. Ломоносова кафедра структурной и прикладной лингвистики, в Ленинградском государственном университете кафедра математической лингвистики, в Инязе им. М. Тореза кафедра экспериментальной и прикладной лингвистики.

Э. И. Королёв, закончив аспирантуру, в 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию, связанную с чрезвычайно востребованным направлением – машинным (автоматическим) переводом, на тему: «Исследование семантики русских воз-

вратных глаголов и обработка некоторых субъективно-объективных конструкций при автоматическом переводе», вновь став одним из первых, защитившихся по новой специальности – прикладная и математическая лингвистика. Через 15 лет, в 1984 г. состоялась защита его докторской диссертации в закрытом формате «для служебного пользования», посвящённой принципам создания информационно-поисковых языков. Не секрет, что в СССР наиболее передовые исследования и разработки, включая лингвистические, осуществлялись в так называемых «почтовых ящиках» – специализированных научно-исследовательских институтах. В одном из них – в НИИ систем связи и управления – продолжал свои исследования и Э. И. Королёв. Такие организации сотрудничали с вузами в форме «хоздоговоров», аналогов современных научных грантов. Подобное сотрудничество было взаимовыгодным и чрезвычайно полезным – студенты могли выполнять предлагаемые научными сотрудниками задачи, приобретая практический опыт. Эдуард Иванович был руководителем таких договоров со стороны НИИССУ, параллельно ведя спецкурс по лингвистическому обеспечению автоматизированных информационных систем на кафедре структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. Студенты, слушавшие спецкурсы Э. И. Королева и работавшие в его исследовательской группе, впоследствии стали его аспирантами и продолжали самые современные на тот момент исследования по созданию систем машинного перевода и информационно-поисковых систем.

В дальнейшем многие ученики Э. И. Королева вошли в состав научной лаборатории по созданию систем русского-английского перевода, наиболее сложной языковой пары среди индоевропейских языков. Лаборатория входила в научную структуру Всесоюзного (затем Всероссийского) центра переводов Российской академии наук, где разрабатывались вопросы теории и практики научно-технического перевода, компьютерные переводческие системы, автоматизированные рабочие места переводчиков. Эдуард Иванович многие годы был заместителем директора ВЦП по научной работе. Созданная Э. И. Королёвым и его учениками система машинного перевода АСПЕРА (автоматическая система перевода с русского языка на английский) работала в Государственной публичной научно-технической библиотеке, в библиотеке ИНИОН и др. Идеи автоматического семантического анализа, реализованные в системе, намного опередили своё время. Одна из первых в России информационно-поисковая система КАСКАД, также созданная Э. И. Королёвым и его учениками, функционировала в Комитете по информатизации при Президенте России в начале 1990-х годов.

Создание кафедры теоретической и прикладной лингвистики по решению руководства Московского государственного областного университета (в то время – Московского педагогического университета, а ныне – Государственного

университета просвещения) в 1995 г. с Э. И. Королёвым во главе стало, с одной стороны, признанием его заслуг, а с другой – пониманием того, что современный университет не может обходиться без наукоёмких разработок и подготовки исследователей, способных вести самостоятельные научные исследования. В течение нескольких лет при кафедре функционировала научная лаборатория, в которой продолжалась разработка системы машинного перевода АСПЕРА. Исследования продолжались сотрудниками кафедры и студентами, обучавшимися по профилю кафедры. Под руководством Э. И. Королёва был защищён ряд кандидатских диссертаций, написаны статьи и монографии.

К сожалению, Эдуард Иванович рано ушёл из жизни, но его вклад в науку – прикладную лингвистику – поистине не оценим. Он по-настоящему принадлежал плеяде первых, чьи разработки были внедрены в реальную практику, чьи ученики продолжают работать и развивать это чрезвычайно востребованное научное направление. Теперь уже ученики учеников, выпускники кафедры – магистранты и аспиранты, работают в крупных профильных организациях, таких как Лаборатория Касперского, отдел искусственного интеллекта МТС, компания i-Tesco, ABBY Lingvo и многих других, и в каждом из учеников есть знания, заложенные Э. И. Королёвым, и присущее ему стремление к новому и неизведанному.

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Ольга Ивановна Максименко (Государственный университет просвещения), кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Дмитрий Сергеевич Лукин (Государственный университет просвещения)

ЛЕВ ЛЬВОВИЧ НЕЛЮБИН: УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР

LEV NELUBIN: SCHOLAR, TEACHER, ORGANIZER

Вторую половину XX столетия с полным основанием можно назвать «золотым веком» отечественного лингвистического переводоведения. Начавшись с вышедшей в 1953 г. известной книги А. В. Федорова «Введение в теорию перевода», впоследствии неоднократно переиздававшейся под названием «Основы общей теории перевода», эта отрасль языкознания далее обогащалась трудами целой плеяды выдающихся учёных, совмещавших научную работу с педагогической деятельностью и вместе с тем бывших замечательными переводчиками-практиками, которым приходилось выступать в этом качестве на самых ответственных мероприятиях, порой с участием высших должностных лиц нашей страны: Р. К. Миньяр-Белоручев, Л. С. Бархударов, А. Д. Швейцер и др. Достойное место среди них занимает и Лев Львович Нелюбин.

Личное знакомство одного из авторов этой статьи, Г. Т. Хухуни, с Л. Л. Нелюбиным (труды его были, разумеется, известны и до этого) произошло в 1985 г. в Кишиневе, где они принимали участие в работе совещания, которое проводил ВАК СССР по вечно актуальному вопросу о качестве диссертационных исследований. Статус участников в тот момент различался весьма сильно: Лев Львович находился там в качестве заместителя председателя экспертного совета ВАК и был одним из основных докладчиков, Г. Т. Хухуни был учёным секретарём одного из диссертационных советов, которому полагалось внимательно слушать всё, о чём там говорили «старшие това-

рищи», и потом доложить об этом своему руководству. Однако, как это обычно бывает на подобных мероприятиях, помимо официальной части, проходили и неофициальные встречи, где была возможность участвовать в беседе с Л. Л. Нелюбиным и оценить (насколько это возможно при таких обстоятельствах) и его замечательные и глубокие познания в области общих профессиональных интересов, и присущее ему своеобразное чувство юмора.

Вторая встреча, положившая начало многолетнему сотрудничеству, произошла спустя девять лет, когда началась совместная работа в Московском педагогическом университете (ныне – Государственный университет просвещения). Причём сотрудничество это, если можно так выразиться, имело место в нескольких направлениях: собственно педагогическом – Г. Т. Хухуни в качестве профессора кафедры (где Л. Л. Нелюбин являлся заведующим), а потом заведующего кафедрой теории языка и англистики переводческого факультета, созданного и возглавляемого Львом Львовичем; научно-организационном – когда Г. Т. Хухуни стал по приглашению Л. Л. Нелюбина учёным секретарём докторского диссертационного совета, существующего до сих пор, бессменным председателем которого до конца своих дней был опять-таки Лев Львович (без которого совет вообще не был бы создан); и научно-исследовательском – в качестве соавтора ряда книг и статей, написанных в сотрудничестве. На этой стороне хотелось бы остановиться несколько подробнее.

В первую очередь, здесь, конечно, надо назвать работы Льва Львовича в области военного перевода, созданные, главным образом, в годы его службы в Военном Краснознаменном институте иностранных языков (ныне Военный университет Министерства обороны имени князя Александра Невского) – легендарном ВИИЯКе, где он долгие годы возглавлял кафедру английского языка (основного). Своего рода классикой в этой области стала его книга «Перевод боевых документов армии США», вышедшая двумя изданиями и далеко превосходящая уровень обычного учебного пособия, в качестве которого она была издана.

Большой вклад был внесён им и в разработку проблематики, относящейся к области обучения специальному переводу. В этой сфере особо необходимо упомянуть учебно-методическое пособие «Переводоведческая дидактика», редакторами которого являлись Л. Л. Нелюбин и Е. Г. Князева, где собран обширный материал, относящийся к общественно-политическому и военному переводу, ценность которого для подготовки будущих специалистов нельзя переоценить. Огромной популярностью вплоть до сегодняшнего дня пользуется созданный им «Толковый переводоведческий словарь».

Однако непосредственно в качестве соавтора Г. Т. Хухуни довелось сотрудничать со Львом Львовичем в несколько иной области – истории нашей науки, точнее, двух её направлений: истории перевода и переводческой мысли и истории языкознания. И хотелось бы сказать несколько слов о вкладе, который внёс в них профессор Нелюбин.

Если говорить о первой области, то, прежде всего, целесообразно отметить, что ему принадлежит решающая роль в выделении её в качестве полноправной дисциплины, о чём говорит и название читавшегося им курса – «История и теория перевода». Стоит отметить, что в нём были чётко намечены моменты, свя-

занные с периодизацией её развития, выделены наиболее важные проблемы, подлежащие углублённому освещению на лекциях и практических занятиях, ясно и понятно изложены предусмотренные программой (в создании которой он принимал самое непосредственное участие) вопросы и – что представляется особенно ценным – была продемонстрирована связь прошлого и настоящего, показано значение опыта прошлого для решения многих вопросов, стоящих перед современным переводоведением.

Сказанное во многом справедливо и для деятельности Льва Львовича в области истории науки о языке. И здесь ему в своих лекциях и в этой книге, во многом опирающейся на содержащийся в лекциях материал, удавалось, не впадая в излишнюю детализацию, но и не упуская тех основных вех, которыми был отмечен путь зарубежной и отечественной лингвистики, дать всестороннее представление о прошлом и современном её состоянии. Обе названные работы «История науки о языке» и «Наука о переводе. История и теория с древнейших времён до наших дней» неоднократно переиздавались и используются при преподавании соответствующих дисциплин далеко за пределами того вуза, в стенах которого они были созданы.

Разумеется, в кратком очерке нет возможности сколь-нибудь полно охватить тот круг проблем, которые входили в сферу научных интересов профессора Нелюбина. Достаточно назвать хотя бы область машинного перевода и шире – прикладной лингвистики (отметим, что именно по этой специальности, тогда только начинавшей формироваться, Лев Львович защитил в 1975 г. докторскую диссертацию), работы по лингвистической типологии и ряд других. И поскольку речь идёт о нём как об Учителе, хотелось бы завершить наше сообщение напоминанием о том, что под руководством Л. Л. Нелюбина было подготовлено 11 докторов и 79 кандидатов наук, среди

которых был и лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники. Думается, трудно найти более весомое доказательство того, насколько значимый вклад был им внесён в подготовку кадров для отечественной науки.

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Георгий Теймуразович Хухуни (Государственный университет просвещения), кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Ирина Юрьевна Мигдаль (Государственный университет просвещения)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2023. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова

Переводчик А. Ю. Назарова

Корректор М. С. Тарасова

Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,25, уч.-изд. л. 10,75.

Подписано в печать: 30.11.2023 г. Дата выхода в свет: 11.01.2024 г. Заказ № 2023/11-05.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А